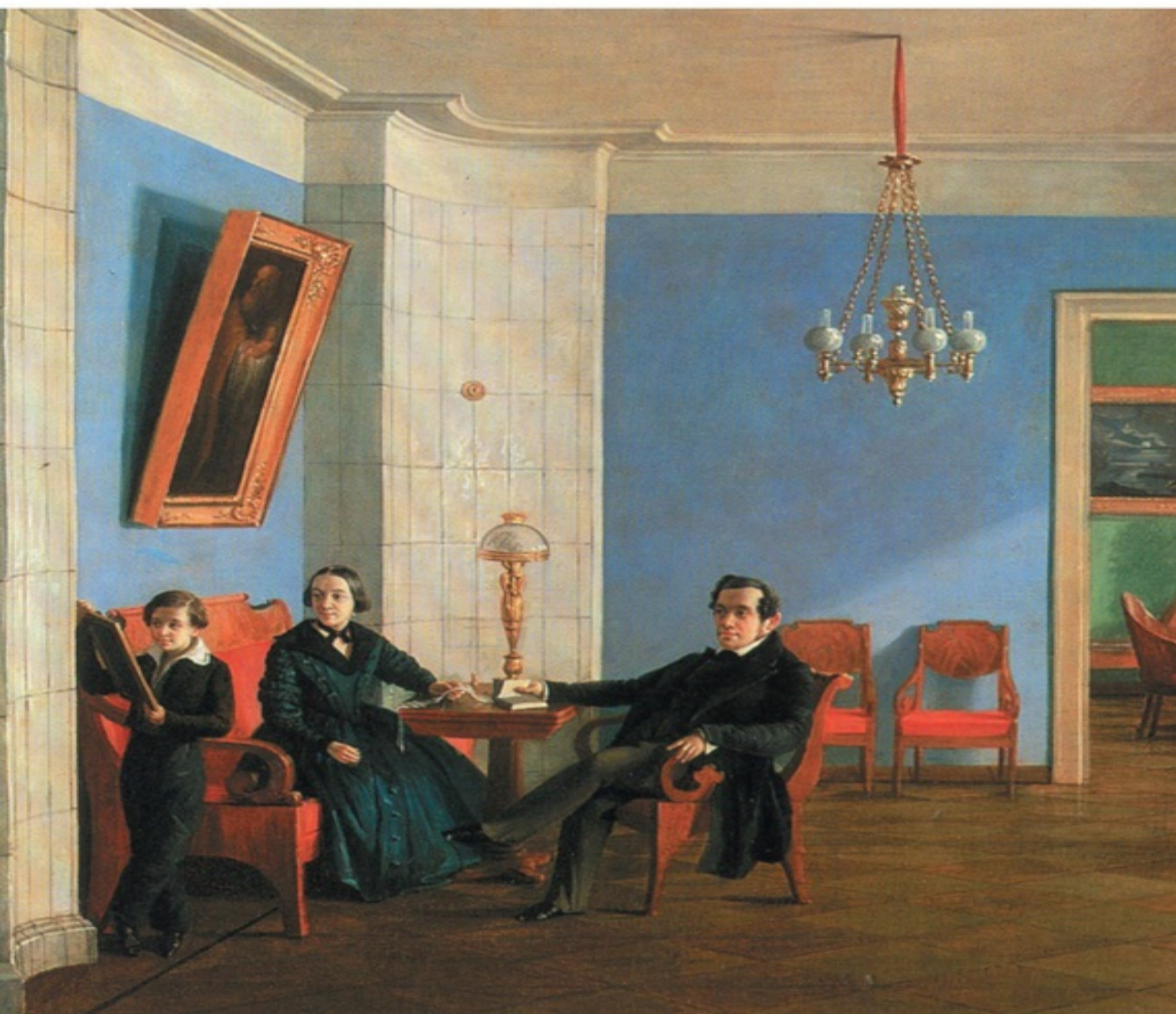


КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

АЛИНА ШОКАРЕВА

# ДВОРЯНСКАЯ СЕМЬЯ: КУЛЬТУРА ОБЩЕНИЯ

РУССКОЕ СТОЛИЧНОЕ ДВОРЯНСТВО  
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА





КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

АЛИНА ШОКАРЕВА

# ДВОРЯНСКАЯ СЕМЬЯ: КУЛЬТУРА ОБЩЕНИЯ

РУССКОЕ СТОЛИЧНОЕ ДВОРЯНСТВО  
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА



**Алина Шокарева**

**Дворянская семья. Культура  
общения. Русское столичное  
дворянство первой половины XIX  
века**

© А. Шокарева, 2017

© ООО «Новое литературное обозрение», 2017

\* \* \*

# Введение

Каждый современный человек знает, насколько важную роль в нашей жизни играет общение. Культура общения в семье – это важный элемент культуры повседневности. Она служит индикатором развития отдельной семьи и общества в целом. Воспитание в семье закладывает основы внутренней культуры личности, позволяя ей в дальнейшем гармонично проявляться на всех внешних уровнях. В процессе общения человек задействован целиком – поэтому изучение культуры общения затрагивает все пласты существования человека и обязывает нас обратиться к изучению условий его жизни, представлений о мире и собственном положении в социуме.

Читателю предлагается исследование идеалов общения и поведения в дворянских семьях России первой половины XIX столетия – так называемого Золотого века русской культуры. В этой книге собран богатый документальный материал, наглядно представляющий подлинные реалии того времени, жизненный уклад разных дворянских семей: богатых и бедных, аристократии и невысоких чинов, людей с богатой родословной и тех, кто выслужился сам, жителей Санкт-Петербурга и Москвы.

Стоит отметить, что в дворянских кругах семья воспринималась как необходимая, естественная и органичная структура, помогающая человеку реализоваться и сохранить традиции своего сословия. В первой половине XIX века семьи, как правило, были достаточно крепкими, родственные связи уважались и активно поддерживались.

Некоторые ценности дворянской эпохи до сих пор живы и вызывают симпатии у современных людей. Конечно, многими примерами из того времени мы можем вдохновиться, но можно ли в наше время ориентироваться на идеалы прошлого? Есть ли вневременные образцы поведения? Пусть сам читатель решит, познакомившись с нашей книгой.

## *Общение как культурный феномен*

Изучением феномена общения занимаются многие дисциплины: философия, культурология, антропология, психология, филология, педагогика, социология, история. У каждой науки свой предметный аппарат, своя область изучения, свои категории, поэтому согласовать их данные бывает непросто.

Общение – процесс, существующий в настоящем времени, здесь и сейчас. Конечно, некоторые современники на страницах своих дневников, мемуаров, литературных произведений могут зафиксировать разговоры, жесты, нюансы интонаций... Но даже такие свидетельства нельзя считать достоверным, поскольку в них хранится отпечаток личности автора, его стиль, его видение ситуации. Задача исследователя – как можно шире изучить исторический контекст, в котором развивалась культура общения, сопоставляя различные факты.

Важно выяснять при этом уровень вовлеченности, степень участия человека в общении. Что перед нами – просто передача информации, поддержание социальной связи или подлинное общение (онтокоммуникация, как называл его философ Г.С. Батищев<sup>[1]</sup>), то есть душевное общение двух личностей, заинтересованных друг в друге? В процессе глубинного общения человек выходит за рамки своего «я», тогда как при обычной передаче информации люди общаются поверхностно, «затаивая» часть себя<sup>[2]</sup>.

Исследователь М.С. Каган выделяет три уровня общения «реального субъекта с реальным партнером»: материально-практическое, практически-духовное и духовно-информационное (теоретическое).<sup>[3]</sup> Материально-практическое общение характеризуется тем, что общение переплетается в нем с отношениями управления-исполнения. Содержание такого общения кажется чисто материальным, однако оно имеет и свой внутренний слой, образующийся вследствие того, что совместное действие людей требует сознательного целеполагания, выбора оптимальных средств, постоянного слежения за действиями партнера, когда каждый вносит необходимые коррективы в собственное поведение<sup>[4]</sup>. Примером такого типа общения могут послужить диалоги героев «Войны и мира» в эпизоде, когда семья Ростовых готовится выезжать из Москвы<sup>[5]</sup>.

Духовно-информационное общение осуществляется в многообразных конкретных ситуациях, но наиболее «чистое» его проявление – дружеский контакт, выражающий эмоционально-интеллектуальную связь личностей как суверенных субъектов, каждый из которых видит в другом полноправного, уникального и вместе с тем близкого, дополняющего его и потому необходимого человека. Подобное общение отличается сочувствием, сопереживанием, соучастием; оно совмещает в себе и передачу информации, и психологическое переживание. Если продолжать приводить примеры из «Войны и мира», то такой тип общения присутствует, например, в разговорах Николая и Марии Ростовых, Пьера и

Натальи Безуховых<sup>[6]</sup>.

И наконец, третья форма межличностного общения – практически-духовная, включает в себя две разновидности: обряд и игру. В семейной жизни присутствовали и обряды, как каждодневные, так и по особым случаям (сватовство, венчание, крещение детей, похороны), и игры (преимущественно в общении между взрослыми и детьми и в общении детьми между собой).

Немецкий исследователь истории повседневности А. Людке считал, что главная задача исследования – сделать так, чтобы обычные люди «обрели в истории собственные голоса и лица»<sup>[7]</sup>. Применительно к нашей книге следует для начала уточнить: являются ли дворяне «обычными людьми»? Ведь сами аристократы воспринимали свое сословие как привилегированное, во всем отличное от более низких по статусу. С другой стороны, конечно же, не все представители дворянства достигали значительных высот на различных поприщах (военной или дипломатической службе, науке, искусстве).

Поэтому, прежде чем мы приступим непосредственно к основному повествованию, необходимо сказать несколько слов о дворянском сословии в целом.

### *«Особое сословие»*

К началу XIX века Россия превратилась в самое большое и сильное государство Европы. Однако развитие гражданских свобод в Европе и отсутствие таковых в Российской империи все более увеличивали пропасть между странами. Чтобы политически и экономически соответствовать уровню западных соседей, следовало реформировать всю государственную систему, но далее планов и небольших подвижек (вроде указа «О вольных хлебопашцах») дело не пошло. Император Николай I во многом подготовил реформы, создав для них правовую базу, но радикально за первую половину столетия ничего не изменилось.

Российское население в первой половине XIX столетия было, согласно Своду законов Российской империи, разделено на четыре «рода», или сословия (состояния): дворяне, духовенство, городские и сельские обыватели. Привилегии господствующего класса-сословия<sup>[8]</sup> окончательно сложились еще во второй половине XVIII века. За дворянами было законодательно закреплено монопольное право владения крестьянами и землей, они были освобождены от всех налогов, платежей, повинностей, телесных наказаний. Дворянство составляло господствующий класс в

экономике, политике и культуре.

В первом разделе Свода законов о состояниях Свода законов Российской империи (том 9), которым была установлена сословная структура общества, дается следующее определение дворянства и признаков принадлежности к нему: «Дворянское название есть следствие, истекающее от качества и добродетели начальствующих в древности мужей, отличивших себя заслугами: чем, обращая самую службу в заслугу, приобрели потомству своему нарицание благородное. Благородными понимаются все те, кои или от предков благородных рождены, или монархами сим достоинством пожалованы»<sup>[9]</sup>.

В зависимости от способа приобретения «благородства» потомственное дворянство подразделялось на шесть разрядов: 1) дворянство жалованное или действительное; 2) дворянство военное; 3) дворянство восьмиклассное; 4) иностранные роды; 5) титулами отличенные роды; 6) древние благородные дворянские роды<sup>[10]</sup>.

Порядок приобретения прав высшего состояния лицами недворянского происхождения путем выслуги был закреплен еще при Петре I. Личное дворянство давало все права дворянства потомственного, кроме права владения населенными имениями, принадлежности к дворянскому обществу (губернскому и уездному) и участия в выборах избираемых дворянством должностных лиц. Личное дворянство не передавалось по наследству. Дети личных дворян имели право поступления на государственную службу, но при ее прохождении пользовались меньшими привилегиями, чем дворяне потомственные. До 1845 года личное дворянство получали все чиновники, получившие в гражданской службе чины XIV–IX классов. С 1845 года личное дворянство стали приносить чины с XIV по IX класс в военной службе и с IX по VI в гражданской, а с 1856 года – от майора до подполковника (VIII и VII классы) в военной и с коллежского асессора до статского советника (VIII и V классы) в гражданской службе<sup>[11]</sup>.

Культура столичного дворянства первой половины XIX века уникальна по своей несхожести с культурой народной, а также с культурой дворянского сословия до дарования привилегий (и после отмены крепостного права в 1861 году). Как отмечает историк Е.Н. Марасинова, провозглашенная Петром III возможность отставки расширяла частную сферу и стимулировала возникновение фигуры «частного человека», «через его самоопределение происходило постепенное высвобождение сферы личностного существования российского дворянина и



формирование первых поколений русской интеллигенции»<sup>[12]</sup>.

Эта культура не являлась единой и монолитной, поскольку объединяла людей различных религиозных, философских и политических взглядов, с несхожими родословными. Однако, несмотря на все вышеперечисленные различия, дворянское сословие имело некую единую основу, а именно – характерный стиль поведения и, конечно же, общения, прежде всего – семейного. По замечанию историка С.Ю. Шокарева, «несмотря на разность, дворянство объединяли общие идеалы. Пусть не всегда и не всеми эти идеалы разделялись (на то они и идеалы), но жизнь миллионов дворян прошла в соответствии с этими идеалами, а многие положили ради них свою жизнь. <...> Служба монарху предполагала и беззаветную верность родине, а вера – не только искреннюю религиозность, но и высокую нравственность, стремление к добру»<sup>[13]</sup>.

# Часть I

# 1. Идеалы дворянства: мечты и реальность

Дворянство было самым просвещенным сословием. Как отмечает философ В.К. Кантор, «для культуры в России дворянство стало субстратом, почвой, на которой выросли у нас ренессансно-просветительские идеи XIX века, подхваченные затем разночинцами, но рожденные дворянством»<sup>[14]</sup>. Какие же идеалы лежали в основе менталитета этого сословия?

Как писал С.Л. Франк, понятие долга «есть некая первичная категория, конституирующая нравственную жизнь и через нее характеризующая существенное свойство человеческой жизни вообще»<sup>[15]</sup>. Следовательно, категория эта была многосоставна, вариативна и зависела от контекста: так, идеал поведения в семье по отношению к родственникам мог быть одним, в социуме – совсем иным.

Тот нравственный идеал, который стремилось воплотить русское дворянство первой половины XIX столетия, синтетически включал в себя:

- элементы героики<sup>[16]</sup>, почерпнутые из античных классиков<sup>[17]</sup>;
- элементы рыцарства, привнесенные культурными связями с Западной Европой;
- элементы православного благочестия, ставшего для русского общества нравственным стержнем еще во времена принятия христианства.

\* \* \*

Какой виделась русскому дворянству идеальная семейная жизнь? Безусловно, образцом считалась большая дружная сплоченная семья. Для поддержания хороших отношений внутри семьи следовало соблюдать правила приличия и иерархию. Основами мирного сожительства декларировались любовь, взаимоуважение и вежливость<sup>[18]</sup>. Вольность в поведении не поощрялась. Как говорилось в одном сборнике конца XIX века: «Слишком большая свобода в одежде, в манерах и в выражениях доказывает неуважение к окружающим, и по этим мелочам часто судят о человеке»<sup>[19]</sup>.

Эти нравственные идеи были популярны, конечно и в XVIII столетии. Мемуарист А.И. Дельвиг, кузен известного поэта А.А. Дельвига, писал, что от детей в их семье требовали полного уважения к родственникам, особенно к старшим. Царь же был для них «вполне священным лицом». Даже малейшего суждения о религиозных предметах, о «Царской

Фамилии», о старших не допускалось<sup>[20]</sup>.

Князь В.П. Мещерский, писатель и публицист, считал поведение своих родителей и в семье, и в обществе эталонным. Отец «был, без преувеличения скажу, идеал человека-христианина, именно человека, потому что он жил полною жизнью света, но в то же время сиял, так сказать, красотой христианства: его душа слишком любила ближнего и добро, чтобы когда-либо помыслить злое, и в то же время, всегда веселый, всегда довольный, он жил жизнью всех, его окружавших; все, что мог, читал, всем интересовался и, подобно матери моей, никогда не задевал даже мимоходом ни лжи, ни чванства, ни пошлости, ни сплетни»<sup>[21]</sup>. Итак, идеал дворянина, в глазах князя Мещерского, сочетал в себе черты христианского благочестия и просвещенного, сдержанного европейского аристократизма.

Патриархальные представления о внутрисемейных отношениях нашли отражение даже в российском законодательстве XIX века. Так, в статьях 108, 109, 110 Гражданских и межевых законов были прописаны следующие обязанности супругов по отношению друг к другу:

«108. Муж обязан любить свою жену, как собственное свое тело, жить с нею в согласии, уважать, защищать, извинять ее недостатки и облегчать ее немощи. Он обязан доставлять жене пропитание и содержание по состоянию и возможности своей;

109. Жена обязана повиноваться мужу своему, как главе семейства; пребывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность, как хозяйка дома;

110. Жена обязана преимущественным повиновением воле своего супруга, хотя притом и не освобождается от обязанностей в отношении к ее родителям»<sup>[22]</sup>.

\* \* \*

В одном из руководств XIX века по правилам поведения в свете и дома сказано следующее: «Каждый муж должен видеть в жене своей лучшего друга своей жизни, а потому и уважать права ее как женщины, чтить образ мыслей ее, быть строгим исполнителем ее невинных и благоразумных желаний и блюстителем ее чести». В высшем свете супругам непозволительно было проявлять друг к другу как излишне нежное, так и грубое отношение. Ссоры, скандалы не следовало предавать огласке. В обществе не рекомендовалось ревновать и во всеуслышание подозревать жену в неверности – это могло навредить репутации обоих супругов. Жена



должна была почитать своего мужа<sup>[23]</sup> (даже когда он фактически не являлся главой семьи, нехорошо было принижать его на людях), угождать его родным и друзьям<sup>[24]</sup>.

В своем доме супруги часто жили отдельно. Аристократические семьи, занимавшие большие особняки, имели так называемые женскую и мужскую половины. На каждой из них существовал свой привычный распорядок<sup>[25]</sup>. Супруги вставали в разное время, занимались каждый своим делом, принимали своих гостей, стараясь не мешать друг другу, уважая личное пространство и интересы другого. Подробнее о времяпрепровождении мужей и жен мы расскажем позже, здесь же важно отметить эту особенность. Если же у мужа и жены была одна спальня, то у каждого был отдельный кабинет (будуар – у жены). Возникает закономерный вопрос – каким образом такой стиль жизни влиял на взаимоотношения супругов? Пожалуй, можно утверждать, что нет связи между тем, как долго муж и жена были в течение дня неразлучны, и тем, насколько они были счастливы в браке. Значение имело, как супруги общались, насколько хорошо понимали друг друга, имели ли общие интересы и цели, были ли способны на компромисс – причем, как будет показано ниже, задача улаживать конфликты, уступать была возложена в основном на супругу.

Правда, встречались случаи, когда дом был разделен на две части, но по другим причинам. Племянница декабриста князя Оболенского, Е.А. Сабанеева, вспоминает об устройстве дома своего дедушки, князя П.Н. Оболенского, следующее: «Большой в два этажа, между улицей и домом – двор, позади дома – сад с аллеей из акаций по обеим его сторонам. Дом разделялся большой столовой на две половины: одна половина называлась князевой, другая – фрейлинская. Точно так же люди в доме, то есть – лакеи, кучера, повара и горничные, равно как лошади, экипажи, – носили название княжеских и фрейлинских». После смерти первой жены П.Н. Оболенского ее сестра, фрейлина А.Е. Кашкина, заменила детям мать, стала хозяйкой дома и пользовалась большим почетом в семье. На ее половине всегда был «парад» (притом позволительно было только строгое следование этикетным нормам, неряшливости в одежде и поведении не допускалось); в распоряжении хозяйки оказалась лучшая часть дома, где у нее всегда были посетители. Ее супруг жил скромнее, имел свои небольшие покои, над которыми была устроена антресоль для детей<sup>[26]</sup>. Мужскую половину реже посещали гости, а потому и располагалась она ближе к детям, которым не следовало вторгаться в светский, официальный

мир взрослых.

\* \* \*

Что касается взаимоотношений родителей и детей, то В.Ф. Одоевский в «Отрывках из журнала Маши» дает замечательный образец. Девочке Маше на десятилетие дарят журнал, куда она записывает все, что с ней происходит в течение дня. Мать постепенно приучает ее к хозяйству, отец учит ее географии. К родителям Маша относится с большим почтением, которое подкрепляется чтением Закона Божия; также она вдохновляется образом жизни некоторых знакомых семьи. Родители не повышают на ребенка голос, не применяют розги (например, в наказание Маше просто приказывают не выходить из комнаты). Во время урока, объясняя материал, отец использует индуктивный метод и приводит наглядные примеры – приносит детям географические карты, объясняет девочке, что история – это вроде журнала, который она ведет, но только многих людей. По мысли Одоевского, прочитав «Отрывки», дети и родители должны были последовать образцу поведения в этой семье<sup>[27]</sup>.

Иерархия в семейных взаимоотношениях не подвергалась сомнению. Дети почитают родителей, младшие дети повинуются старшим братьям и сестрам. Николай I – император, то есть высший из дворян – писал в 1838 году сыну Николаю: «Люби и почитай родителей и старшего брата и прибегай к их советам всегда и с полной доверенностью, и тогда наше благословение будет всегда над твоей дорогой головою»<sup>[28]</sup>. Братья и сестры должны проявлять уважение друг к другу; старший сын имел над младшими некоторую власть. Во время прогулки молодые девушки и юноши шли впереди родителей, которые наблюдали за ними.

В семье Хомяковых сохранилось предание о том, что когда сыновья Федор и Алексей вышли из детского возраста, мать, Марья Алексеевна, призвала их к себе и торжественно объяснила свои представления о взаимоотношениях мужчины и женщины. Ее слова несколько противоречили модным настроениям того времени о свободе мужчины, но полностью соответствовали представлениям христианским о целомудрии человека. Своих сыновей она заставила поклясться не вступать в связь с женщинами до брака со своими избранницами. Молодые люди поклялись<sup>[29]</sup>.

\* \* \*

В то время как молодой человек был, как правило, свободен в своих знакомствах и распоряжении досугом, девушка полностью зависела от

воли родителей. Ее должны были отличать скромность, трудолюбие, сдержанность и достоинство. В.Ф. Одоевский замечал: «Таков у нас обычай: девушка умрет со скуки, а не даст своей руки мужчине, если он не имеет счастья быть ей братом, дядюшкой или еще более завидного счастья – восьмидесяти лет от роду, ибо „что скажут маменьки?“»<sup>[30]</sup>.

В 1842 году, рассуждая о нравах московского общества, наблюдатель П.Ф. Вистенгоф отмечал, что «девицы отлично образованы, читают лучших русских и иностранных писателей и следят за современным просвещением»<sup>[31]</sup>. Делая скидку на очевидную восторженность автора, следует отметить, что в XIX столетии дворянские девушки действительно стали уделять больше внимания своему интеллектуальному развитию.

От женщин требовалась более высокая нравственность духа, чувствительность и отзывчивость души, добросердечность. Им всегда надлежало соблюдать элегантность в одежде. При этом взгляды на роль женщины, а следовательно, и на идеальное воспитание девушек в обществе различались. Одни считали, что девушка должна быть украшением дома, в будущем – милой хозяйкой (прежде всего милой, а затем уж хозяйкой). Для этого ей было необходимо уметь бегло говорить по-французски, играть на фортепьяно, петь, легко танцевать – словом, быть нежным, эфирным существом. Другая часть общества придерживалась того мнения, что девушка – в первую очередь будущая мать и хозяйка дома, и для исполнения этой роли ей нужно знать, как устроено хозяйство (в доме и в поместье), быть развитой в умственном и нравственном плане (чтобы соответственным образом воспитать детей). Этой позиции придерживалась небольшая, но влиятельная часть дворянского общества: например, Елагины, Хомяковы, Карамзины и некоторые другие дворянские роды во главе с государем. В печати подобные взгляды выражали, к примеру, литератор С.О. Бурачѣк, писательница М.А. Корсини.

\* \* \*

Современные психологи отмечают, что супруги, часто не осознавая этого, при создании семьи ориентируются на модели, созданные их родителями. Стиль жизни родителей воспринимается человеком как норма, которую он стремится реализовать и в своем доме. Но поскольку у мужа и жены семьи разные, зачастую – совсем непохожие, то подспудная установка на реализацию этих моделей может привести к серьезным осложнениям в семейных отношениях<sup>[32]</sup>. Сейчас нам для решения подобных вопросов требуется помощь психотерапевта, а в XIX веке

избегать грубых ошибок в отношениях учились по специальным руководствам.

Важнейшим «учебником» правил поведения в семье и обществе в допетровский период был «Домострой». Согласно «Домострою», главой семьи являлся мужчина, который нес ответственность за весь дом перед Богом. Жене надлежало заниматься домашним хозяйством, обоим супругам – воспитывать детей в страхе Божиим, соблюдая заповеди Христовы<sup>[33]</sup>. Этот сборник был известен всему населению России, и его правила в основе своей сохранялись вплоть до начала XX века. Как ни странно, в дворянской семье, где столь сильна была тенденция отхода от патриархальности, муж все равно оставался ее главой, жена отвечала за грамотное ведение дома, дети беспрекословно слушались родителей.

Конечно, с течением времени принципы «Домостроя» реформировались. В публикуемых советах и наставлениях все меньше места занимали принуждение и угрозы физической расправы. Например, В.Н. Татищев в своей знаменитой «Духовной», или «Завещании», которое С.М. Соловьев<sup>[34]</sup> и С.С. Шашков<sup>[35]</sup> называли «Домостроем» XVIII века, писал следующее: «По сочетании главное в твоей должности есть, еже к жене любовь и верность ненарушимо сохранить и за нею того прилежно смотреть... жена тебе не раба, но товарищ, помощница во всем и другом должна быть нелицемерным, так и тебе к ней должно быть, в воспитании детей обще с нею прилежать и, рассмотря твердое ее состояние, дом ей в правление поручить, а затем и самому неленостно смотреть»<sup>[36]</sup>. По отношению к жене надлежало проявлять кротость и снисхождение, но не быть у нее под властью. Супруги должны были выказывать друг другу уважение, вежливость, любезность, внимание. Важно было и соблюдать внешние приличия. «Доброй хозяйки должность есть: быть тихой, скромной, постоянной, осторожной; к Богу усердной, к свекру и свекрови почтительной; с мужем обходиться любовно и благочинно, малых детей приучать к справедливости и любви к ближнему, слуг и служанок содержать милостиво; пред родственниками и свойственниками быть учтливой, добрые речи слушать охотно, лжи и лукавства гнушаться; не быть праздной, но радетельной на всякое изделие и бережливой в расходах. Разврат дому есть: буде хозяйка любит слушать от слуг и служанок разные враки, а выслушав, с прибавлением сказывает оные мужу, и муж тому верит»<sup>[37]</sup>.

Уже в XVII веке началось влияние иностранной светской культуры на русское общество – это и «книжная права» по греческим книгам, и



организация театра при дворе царя Алексея Михайловича, и влияние иностранцев Западной Европы на быт – русские перенимали у них моду на одежду и некоторые обычаи<sup>[38]</sup>. В следующем XVIII столетии этот процесс многократно усилился. По замечанию П.Н. Милюкова, «старые национальные идеалы уступили место в общественном мнении новым, которые подверглись упреку в „космополитизме” со стороны „патриотов” доброго старого времени»<sup>[39]</sup>. Число подобных консерваторов в последующее столетие сокращалось. Это заметно, например, по тому, как трансформировались нормы общения детей с родителями начиная уже с первой половины XIX века. При сохранении в целом почтительного отношения к родителям в поведении детей появлялось некоторое «вольнодумство», возникавшее в том числе под влиянием сентиментальных и романтических произведений. Так, Ольга (героиня романа Д.Н. Бегичева) внутренне сопротивлялась желанию отца выдать ее замуж за нелюбимого человека, однако не смела противоречить ему открыто<sup>[40]</sup>.

\* \* \*

В период реформ Петра Великого у дворянства появилась еще одна особенная роль: дворяне стали пионерами в модернизации страны. Условия жизни стремительно менялись. Молодой дворянин теперь нуждался в скорейшем усвоении нового кодекса жизни, правил «житейского обхождения», которые помогли бы ему стать достойным участником привилегированного сословия. Петр I требовал от дворян обязательного обучения и командировал самых способных молодых людей из лучших семей овладевать науками в Париж, Лондон, Амстердам, Венецию. Соответственно духу времени появлялось множество новейших руководств, обучающих юношество правильному поведению<sup>[41]</sup>. Самое знаменитое из них – «Юности честное зеркало, или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов».

«Зерцало» было посвящено двум основным темам: нормам этикета в разговоре (с начальством, с духовником, с родителями, со слугами) и правилам поведения в различных ситуациях. Согласно этому руководству, юноша должен надеяться прежде всего на себя и уважать других, почитать родителей, быть вежливым. Ему следует избегать пьянства, мотовства, злословия и грубости. Особое значение придавалось знанию языков: отроки должны были говорить между собой на иностранном языке, «дабы тем навыкнуть могли, а особливо когда им что тайное говорил, случится,

чтоб слуги и служанки дознаться не могли и чтоб можно их от других не знающих болванов распознать».

Наряду с общежитейскими наставлениями давались и конкретные правила поведения за столом, в присутственных местах и так далее. Разбирались и примеры неприятного поведения: «Младые отроки не должны носом храпеть, и глазами моргать и ниже шею и плеча якобы из повадки трести, и руками не шалить, не хватать, или подобное неистовство не чинить», «Еще же зело непристойно, когда кто платком или перстом в носу чистит, яко бы мазь какую мазал, а особливо при других честных людях» и так далее.

Заключительная часть «Юности честного зеркала» посвящалась нормам поведения девушек, которые строго регламентировались церковной моралью и тем самым были близки традиционным древнерусским поучениям. Девические добродетели состояли в следующем: любовь к слову Божию, смирение, молитва, почтение к родителям, трудолюбие, приветливость, милосердие, стыдливость, чистота телесная, воздержание и трезвость, бережливость, верность и правдивость. На людях девушка должна держать себя скромно и смиренно, избегать смеха, болтовни, кокетства. Изложены добродетели по порядку, о каждой подробно сказано. Например: «Десятая девическая добродетель называется благочиние, и постоянство, когда человек все свое злое желание, похоти, и прелести, тако обуздав воздержит, что в речах, в поступках, и в делах всегда всякой усмотреть может, что сердце оного богобоязливо, любяи благочиние и постоянство, а против того ненавидяи всяких злострастий, и легкомыслия бегая. И таким образом обрящет милость от Бога, и от человек получит себе благодать. В протчем имеют младыя девы, и младыя жены, всегда в благочинии обучатца, и где ни будучи, везде, хотя на постеле в доме, на торжище, на улице, в церкви, или в беседе, или в бане, колико можно подражать постоянству, яко о сем Апостол Павел напоминает к римляном во 12 главе: подражайте постоянству пред кииждом: а против того должны всяких побуждению к злочинству, и всякой злой прелести бегать: яко злых бесед, нечистаго обычая и поступков, скверных слов, легкомысленных и прелестных одежд, блудных писм, блудных песней, скверных басней, сказок, песней, истории, загадок, глупых пословиц, и ругателных забав и издевок. Ибо сие есть мерзость пред Богом»<sup>[42]</sup>. Как видим, перед нами свод христианских в основе своей правил. Характерно, впрочем, что если в указаниях для юношей много внимания уделено поведению в обществе, то для девушек акцент делается на внутреннем благочестии, а затем уж говорится о его проявлении на людях.

Воплощались ли эти идеалы? В некоторой степени да. Здесь необходимо разграничить идеалы православия и иностранные заимствования. По мнению Н.Д. Чечулина, описывавшего нравы провинциального дворянства XVIII века, столица была более подвержена влиянию Европы (особенно Франции), помещики же сохраняли традиционное благочестие, причем помещицы были особенно ревностны в этом отношении, но при этом нравы провинции отличались большей грубостью и даже дикостью<sup>[43]</sup>. В XIX столетии «волны цивилизации» интенсивней докатывались из столиц до отдаленных уголков России, вытесняя необразованность, но вместе с тем и распространяя идеи Просвещения, не совпадающие с постулатами христианской морали.

Любопытные указания о должном поведении в семье и обществе мы находим не только в нравоучительных кодексах, но и в периодической печати прошлых столетий. Так, в 1802 году в журнале «Вестник Европы» за подписью «Л.» вышла статья, автор которой описывал образ идеальной женщины. Это искренняя христианка, без фарисейства, скромная, добрая, умная: «ум ее не столько блестящ, сколько тонок и основателен». Ее письма исполнены «чувствительности, философии», она много читает – не только романы, но и нравоучительные книги: «она знает всех лучших французских поэтов, и почерпнула из разных сочинений нравоучительных и принадлежащих до воспитания все то, чем только может пользоваться приятная в обществе женщина, добрая жена и нежная мать». Она – примерная жена, которая, не чувствуя особого влечения к своему супругу («Она соединила судьбу свою с другим не по выбору сердца, но покорствуя обстоятельствам»), тем не менее приучила себя уважать его и изменила все свои привычки, знакомства, интересы, действуя по воле мужа, дабы сохранить в семье мир. При этом отличаться внешней красотой она не обязана: «Она не красавица – скажу еще более: даже и с недостатками. Холодный человек не даст никакой цены ее наружности; черствая душа никогда не почувствует качеств ума и сердца ее; но добрый, чувствительный и с тонкой разборчивостью предпочел бы ее первым красавицам, выбрал бы ее в свои подруги»<sup>[44]</sup>.

В 1803 году на страницах «Московского Меркурия» в разделе «Смесь» появилось воззвание к русским женщинам: учиться, посещать музеи, слушать лекции профессоров, от того становиться еще более прелестными и тем самым способствовать облагораживанию всего общества. «Мы знаем женщин: умеренность не их порок; чего они захотят, к тому стремятся всеми силами. Овладев единожды полем литературы, они пошли бы

самыми скорыми шагами, повлекли бы всех за собою и в короткое время сделали бы нашими учительницами. Перенеся трон философии в свои будуары, создав себе новые удовольствия, украсясь новыми приятностями, употребляя науки на пользу забаве, а забавы – на пользу науке – они приобрели бы для себя очень много; а соотечественникам оказали бы истинное благодеяние»<sup>[45]</sup>.

Нельзя сказать, что русские женщины стали усиленно штудировать учебники и философские трактаты после этих публикаций, но они дают нам ясное понимание того, что престиж женского образования в обществе постепенно повышался. Впрочем, в 1804 году на страницах журнала «Патриот» появилась еще одна статья, призывающая женщин быть прежде всего скромными и не стремиться занять мужскую сферу, то есть не блистать умом, не становиться известными за счет публикации своих сочинений («женщина в печати то же, что женщина в худой славе»). Издатель добавляет, что в России пока нет 150 женщин-авторов, как во Франции, но желает «упредить зло», которое может случиться на Родине<sup>[46]</sup>. Занятно, что позиция автора входит в противоречие с политикой журнала: на страницах этого же издания систематически печатались отрывки из произведений французской писательницы С.Ф. Жанлис, сочинявшей сентиментальные педагогические произведения, которые, несмотря на отсутствие глубины, даже будучи скучными, тем не менее были довольно популярны<sup>[47]</sup>.

В «Дамском журнале» того же периода находим такое замечание о «хороших людях» из высшего общества: «Они имеют нравственность и познания; но их добродетель не строга, сведения – без педантизма. Они учтивы, не докучая вам, вежливы без приторности, веселы без шума. <...> Они говорят с равной охотой о вещах занимательных или ничего не значащих, о важных или забавных, смотря по тону общества, в котором находятся»<sup>[48]</sup>. Автор дает женщинам совет общаться лично с теми людьми, у которых можно научиться достойному поведению. Ведь, пытаясь подражать высшему свету, те женщины, кто не имел счастья в него попасть, перенимали лишь внешние особенности поведения, утрируя и искажая их – как писал наблюдатель: «Мнимые аристократы несравненно более горды, чем настоящие: у них честолюбие играет главную роль, и, чтобы удовлетворить ему, они, что называется, лезут вон из кожи. <...> Дамы и девушки – жеманны, горды, иные притворно не произносят буквы р (грассируют), делают какие-то странные, сладостно-томные глазки, неискусно притворяются близорукими, восхищаются произведениями



французской литературы, но даже не зная правильно своего природного языка; толкуют о заграничной жизни, зная ее очень плохо, по наслышке, гонят все русское, не хвалят Москву, где живут спокон века, все, что не они – то худо, тогда как худое всего скорее может быть там, где они»<sup>[49]</sup>.

\* \* \*

Проблема соотношения «формы и содержания» волновала и писателей-дворян. В журнале «Друг детей» за 1809 год была впервые напечатана комедия «Шпага». Ее главный герой дворянин Благородин говорит, что право дворянства не в том состоит, чтобы носить шпагу, а в том, чтобы вести себя благопристойно, «гордиться благородством поступков, учтивостью и благоразумием» по отношению ко всем людям, невзирая на сословия<sup>[50]</sup>.

Александр Пушкин пишет о различиях в поведении людей, принадлежащих к высшей знати, и людей, стоящих на более низкой ступени социальной лестницы: «В лучшем обществе жеманство и напыщенность еще нестерпимее, чем простонародность (*vulgarité*) и... оно-то именно и обличает незнание света»<sup>[51]</sup>. В дворянине неприемлема вычурность, он должен был своим поведением демонстрировать, что ему не нужно доказывать окружающим свое превосходство. Напротив, его поведение должно быть естественным, простым, деликатным, ровным. Дворянину не пристало злословить, лгать, но при этом быть и слишком искренним. «Никогда не заводи о самом себе речь. Из благопристойности не должны мы говорить о самих себе; да и можно ли что сказать о себе, чтобы бы не оскорбляло нашей скромности и не показывало вида самолюбия?» «Учтивость есть священная должность в обществе: она состоит в соблюдении благопристойности и в воздаянии каждому достоинств чести». «Человек, имеющий образованное сердце и разум, бывает скромн, невзыскателен, сострадателен о слабостях и терпеливо сносит людские недостатки»<sup>[52]</sup>. Но все эти правила, к сожалению, в реальности применялись в отношении людей только одного сословия. К недворянам отношение было снисходительным или презрительным, следовательно, и сдерживать свои чувства и эмоции с ними было необязательным. Особенно сильны такие представления были в начале XIX столетия.

Ф.В. Булгарин писал, что тон высшего круга невозможно перенять, нужно родиться и воспитываться в нем. «Сущность этого тона: непринужденность и приличие. Во всем наблюдается середина: ни слова

более, ни слова менее; никаких порывов, никаких восторгов, никаких театральных жестов, никаких гримас, никакого удивления. Наружность – лед, блестящий на солнце». Фамильярность и излишняя почтительность равно неуместны: и то и другое сразу бросается в глаза, когда люди пытаются подражать высшему свету (особенно это заметно в женщинах). Аристократический тон и манеру поведения, «то, что французы называют *la contenance, les manieres, le bon ton*, и что заключается в русском слове светскость»<sup>[53]</sup> возможно приобрести, по мнению автора, лишь в домашнем кругу.

Итак, чтобы человек был принят в высшем свете, дома его должны были обучить всем тонкостям поведения. В.П. Авенариус в «Юношеских годах А.С. Пушкина» вкладывает в уста отца поэта Сергея Львовича такие слова: «Всякий благовоспитанный человек нашего века обязан уметь: войти в комнату, болтать по-французски обо всем и ни о чем, знать наизусть тысячу изречений и разных сентенций, участвовать в спектаклях, живых картинах, общественных играх; точно также он должен быть готов во всякое время по первому требованию настроичить альбомный куплет по-русски, по-французски или на ином европейском диалекте»<sup>[54]</sup>. Так воспитывали большинство столичных дворян. Подобный набор умений не без иронии описывает Пушкин, говоря о воспитании Евгения Онегина:

Он по-французски совершенно  
Мог изъясняться и писал;  
Легко мазурку танцевал  
И кланялся непринужденно;  
Чего ж вам больше? Свет решил,  
Что он умен и очень мил<sup>[55]</sup>.

Одна из главных установок в воспитании дворянского ребенка состояла в том, что его ориентировали не на успех, а на идеал. Молодому человеку следовало быть храбрым, честным и образованным не для того, чтобы достичь чего бы то ни было (славы, богатства, высокого чина), а потому, что он – дворянин, которому изначально многое дано<sup>[56]</sup>. Романтические веяния, интерес к прошлому России, возросший в начале XIX столетия, делали героизм и службу на благо Отечества нормой. «Служить» – вот ключевое слово в воспитании дворянина.

Однако слово «служить» имеет двойное значение: «служить» – выполнять определенную работу и «служить» – проявлять патриотические чувства, исполнять долг. Большинство дворян искренне считали, что

нужно было служить государю, Отечеству, православию (ср. со знаменитой триадой С.С. Уварова «православие, самодержавие, народность»). Но при этом считалось, что необходимо было быть смелыми и на войне, и в быту. А.С. Грибоедов так охарактеризовал своего дядю, принадлежащего к поколению XVIII века: «Вот характер, который почти исчез в наше время, но двадцать лет тому назад был господствующим, характер моего дяди. Исторiku предоставляю объяснить, отчего в тогдашнем поколении развита была повсюду какая-то смесь пороков и любезности; извне рыцарство в нравах, а в сердцах отсутствие всякого чувства. Тогда уже многие дуэлировались, но всякий пылал непреодолимою страстью обманывать женщин в любви, мужчин в карты или иначе; по службе начальник уловлял подчиненного в разные подлости обещаниями, которых не мог исполнить, покровительством, не основанным ни на какой истине; но зато как и платили их светлостям мелкие чиновники, верные рабы-спутники до первого затмения! Объяснимся круглее: у всякого была в душе бесчестность и лживость на языке. Кажется, нынче этого нет, а может быть, и есть; но дядя мой принадлежит к той эпохе. Он как лев дрался с турками при Суворове, потом пресмыкался в передних всех случайных людей в Петербурге, в отставке жил сплетнями»<sup>[57]</sup>.

Поэт Евгений Абрамович Баратынский очень жалел, что был исключен из Пажеского корпуса и не смог принести бóльшую пользу Отечеству<sup>[58]</sup>. Без сомнения, переживал поэт и из-за причины, по которой был подвергнут наказанию, – игры с товарищами в разбойников привели к настоящему преступлению – краже, но это уже другая история. Драматург и журналист, брат декабриста Ф.Н. Глинки, Сергей Николаевич вспоминал, что, явившись к Ю.В. Долгорукову, услышал такое наставление: «Когда ты перестанешь дурачиться? Помилуй! Ты за мечтами все потерял. Служи, служи!»<sup>[59]</sup> А граф Алексей Михайлович Милютин писал сыну, служащему в гвардии, что «сознание исполненного долга доставляет нам удовлетворение и придает твердость даже в невзгодах»<sup>[60]</sup>.

Но в значение «служить – выполнять работу» зачастую не вкладывалось ничего возвышенного. В 1806 году В.Л. Пушкин написал такое сатирическое четверостишие:

«Отечеству служить есть первый мой закон», –  
Твердит Ликаст важнейшим тоном.  
А как же служит он? –  
В танцклубе за бостоном<sup>[61]</sup>.

Чтобы без протекции и долгих лет службы достичь высокого чина, дворянину следовало совершить нечто выдающееся. Например, после создания исторического романа «Юрий Милославский, или русские в 1612 году» писатель М.Н. Загоскин был пожалован в камергеры. По этому поводу его тесть, бригадир Д.А. Новосильцев, впервые сделал зятю подарок – золотой камергерский ключ, означавший, что теперь в глазах своего тестя М.Н. Загоскин стал «прекрасным человеком» и «талантливым писателем»<sup>[62]</sup>. Огромное значение по-прежнему имели чин, должность, наследство – богатому человеку извиняли практически все, бедному же следовало себя вести в обществе как можно осторожнее и скромнее.

\* \* \*

Отношение дворян к религии нельзя охарактеризовать однозначно. Существовали семьи как религиозные, так и индифферентные к вере. В мемуарах и документах того времени можно найти множество разных сведений о соблюдении тех или иных обрядов, частое упоминание Бога (особенно в письмах, касающихся неприятных или скорбных моментов в жизни<sup>[63]</sup>) и так далее.

Посты соблюдались не во всех домах – например, в доме князей Голицыных говядина была на столе круглый год<sup>[64]</sup>. В семье Мухановых, проживавших на Остоженке, строго постилась женская половина дома (во время Великого поста 1826 года «пища их – грибы, а питье – квас»<sup>[65]</sup>). В 1830 году от чересчур усердного поста заболела одна из обитательниц дома, Аграфена Ивановна: «Великий пост со своим сухоядением, ночными и утренними бдениями совершенно изнурил ее, но главное – привел кровь в волнение», – писал Владимир Муханов<sup>[66]</sup>. В храм ходили не только молиться, но и посмотреть на прихожан: князь А.И. Барятинский пишет матери из Москвы в дневнике от 21 декабря 1830 года: «За завтраком беседовали до 11 и только потом пошли в церковь... с надеждой услышать там пение артистов театра, которые полюбились нам за их красивые голоса и исполнение, но, к сожалению, артистов мы не застали»<sup>[67]</sup>. Светской даме важно было поддерживать образ ревностной прихожанки<sup>[68]</sup>. В.А. Инсарский, рассказывая о сестрах упомянутого князя А.И. Барятинского – Ольге Ивановне и Леонилле Ивановне, – пишет, что они были очень религиозны: первая по шесть раз причащалась Великим постом, а вторая перешла в католичество<sup>[69]</sup>. Соученик будущего императора Александра II, граф И.М. Виельгорский в своем дневнике высказал весьма распространенное отношение к православной церкви: «Я вообще не имею



большой веры в обрядах церковных, хотя некоторые считаю необходимыми. Мне кажется, что наша церковь имеет много варварского»<sup>[70]</sup>. После путешествия по России ему особенно стало противно почитание мощей и монашество. При этом он искренне верил в Бога, исповедовался и причащался<sup>[71]</sup>.

В большинстве домов иконы находились в специально отведенных для молитвы комнатах (образных) или в спальнях. Тем самым подчеркивалось, что вера и светскость плохо совместимы: религия относится к сфере личной жизни, ее демонстрация неуместна в гостиной.

Можно четко проследить закономерность: чем дальше по своему положению дворянская семья отстояла от высшего света, тем более традиционным, даже патриархальным был ее жизненный уклад. Разумнее велось хозяйство, за детьми устанавливался более строгий контроль, большее место в жизни семьи занимала религия. Публицист С.О. Бурачѣк в повести «Герои нашего времени» (полемиической по отношению к роману Лермонтова) показывает (несколько утрированно), как сложно, практически невозможно было соединить требования православной религии с условиями жизни высшего света. Соблюдение постов, посещение богослужений, скромность в одежде при частом присутствии на балах были весьма затруднительны<sup>[72]</sup>. И все же в дворянском обществе поощрялась скромность, в присутствии женщин были табуированы вульгарные выражения.

Князь Е.Н. Трубецкой писал, что идеал древнерусских подвижников – внутреннее объединение всех существ в Боге<sup>[73]</sup>. А.С. Хомяков так сформулировал идею соборности: «единство по благодати Божией, а не человеческому установлению»<sup>[74]</sup>. Вследствие постепенного обмирщения сознания и культуры идея объединения людей, основанная на любви к Богу, трансформируется в идею объединения людей по сословному признаку, по близости культурного уровня, стилю жизни. С другой стороны, идея соборности постепенно переносилась на понятие «дом»: все проживающие под одной крышей были объединены в единое целое, от главы семьи до детей крепостных. Именно такая «соборная семья» в глазах традиционно настроенного дворянства являла собой всю полноту бытия<sup>[75]</sup>, отражая представления об идеальной жизни.

## 2. Две столицы и провинция

Жизненный уклад дворян первой половины XIX столетия зависел от их социального положения, достатка и места проживания. Дворянское сословие не было единым и однородным: выше мы уже говорили про многонациональность русского дворянства, а также существенные различия между потомственными дворянами (составлявшими одну большую семью) и дворянами выслужившимися.

Различно было поведение дворян в Москве и Санкт-Петербурге. Как вспоминала Е.П. Янькова, чьи рассказы о московской дворянской жизни записал ее внук Д.Д. Благово (архимандрит Пимен), «кто позначительнее и побогаче – все в Петербурге, а кто доживает свой век в Москве, или устарел, или обеднел, так и сидят у себя тихохонько и живут беднехонько, не по-барски, как бывало, а по-мещански, про самих себя. <...> Имена-то хорошие, может, и есть, да людей нет: не по имени живут»<sup>[76]</sup>. Впрочем, в начале XIX века и в Москве одни жили в роскоши, буквально сорили деньгами, а другие прозябали в нищете. Благодаря отдаленности царского двора в Москве свободы в поведении было много больше, нежели в Петербурге: один жил на английский манер, другой – на русский, третий был увлечен Францией... Москва жила самобытной, самостоятельной жизнью. По словам Н.Г. Левшина, «все вообще отставные старики, моты, весельчаки и празднолюбцы – все стекаются в Москву и там век свой доживают, припеваючи»<sup>[77]</sup>. А Павлова в своем произведении «Бедняжка» сетует на то, что в Санкт-Петербурге живут лучшие женихи, в то время как в Москве – лучшие невесты. А потому «неудивительно, что невесты московские ловят приветливыми взглядами залетного жителя Петербурга, когда он соколом мчится по нашим гостиным, так привлекательно гремя шпорами или дипломатически лорнируя»<sup>[78]</sup>. Иронически обобщая, Н.В. Гоголь писал: «Москва женского рода, Петербург мужеского. В Москве всё невесты, в Петербурге всё женихи»<sup>[79]</sup>.

Н.Ф. Дубровин писал о столицах начала XIX века, что Москва, хоть не имела тогда ни тротуаров, ни бульваров, но по своим связям с провинцией, даже с самой отдаленнейшей, считалась городом священным, имевшим влияние на всю Россию. Москва производила такое очарование, что помещикам, жившим постоянно в своих имениях, соседи, которые хвастали, что бывали там, казались людьми высшего порядка<sup>[80]</sup>. Москва была столицей допетровской России, значимой для людей, чтущих старые

обычай.

Вокруг Санкт-Петербурга еще с момента его основания распространялись мрачные слухи (наиболее значимые – что город построен на костях и когда-нибудь погибнет от воды)<sup>[81]</sup>. Поэтому в народном сознании жизнь в Северной столице представлялась опасной, губительной... И в то же время – манила карьерным ростом, возможностью получить образование, выслужиться, быть поближе ко двору. Эти преимущества оказывались сильнее предрассудков, о чем красноречиво говорит статистика, – население Северной столицы в XIX веке было значительно больше, чем в Москве<sup>[82]</sup>.

<i>Год</i>	<i>Санкт-Петербург (человек)</i>	<i>Москва (человек)</i>
<i>1811</i>	<i>335 600</i>	<i>270 200</i>
<i>1840</i>	<i>470 200</i>	<i>349 100</i>
<i>1863</i>	<i>539 500</i>	<i>462 500</i>
<i>1897</i>	<i>1 264 900</i>	<i>1 038 600</i>

Ю.М. Лотман писал, что «военные события сблизили Москву и провинцию России. Московское население „выхлестнулось” на обширные пространства. В конце войны, после ухода французов из Москвы, это породило обратное движение. <...> Сблизение города и провинции, столь ощутимое в Москве, почти не сказалось на жизни Петербурга этих лет»<sup>[83]</sup>. Высшая столичная аристократия будто бы еще больше отделилась от основной массы населения.

Писатель и государственный деятель Д.Н. Бегичев считал, что в Санкт-Петербурге в основном служат и выслуживаются, интригуют друг против друга, а в Москве отдыхают, устраивают браки и сплетничают. При этом из Санкт-Петербурга пошла мода супругам быть везде вместе, создавая видимость семейного благополучия<sup>[84]</sup>.

\* \* \*

Характерные бытовые черты какого-либо сообщества хорошо видны человеку, который оказался в новом для него окружении в первый раз. Его наблюдения – замечательный источник для исследователя повседневности.

Так, мемуаристка Е.А. Сушкова, впервые приехав на бал в Москве, находит множество отличий в поведении московских и петербургских барышень. Различие в поведении девушек – лишь одна из многих несхожих черт в жизненном укладе столиц, но для рассказчицы именно оно становится знаковым: «Барышни более чем разговорчивы с молодыми людьми, они фамильярны, они – их подруги». Друг к другу они обращаются на «ты», называют по фамилии, именем или прозвищем, а не по-французски, как это было принято в Петербурге<sup>[85]</sup>.

В письмах москвички М.А. Волковой к подруге из Санкт-Петербурга В.И. Ланской есть любопытное описание дамы, прибывшей из Северной столицы. С точки зрения автора, петербургские дамы (в данном случае на примере жены князя Павла Гагарина) отличаются своей заносчивостью. Петербурженка «держится прямо и важно, как все ваши дамы, нехотя отвечает да или нет, когда обращаются к ней с вопросом». И далее она отмечает, что семейство Оболенских называет всякую дерзость «петербургской учтивостью», в отместку невестке их, княгине М.Г. Гагариной, которая в бытность свою в Москве, все, что ей не нравилось, называла «смешным, как москвичка». И действительно, в Санкт-Петербурге порой свысока смотрели на жителей Москвы, считая их менее «светскими». В Москве всегда жили проще. Бытовавшие предубеждения против Москвы заставляли жителей Петербурга отыскивать в москвичах, приехавших в Северную столицу, одни недостатки, а все хорошее открывать в них спустя год проживания на берегах Невы<sup>[86]</sup>.

Писатель В.А. Вонлярляский отмечал, что в Петербурге каждый живет, как хочет и как может, – вращается в своем кругу, в своем ограниченном обществе. Молодые люди (потенциальные женихи) могут быть приняты всюду, в то время как их родственники не посещают всех великосветских домов. В Москве же обязательно нужно принимать всех, со всеми общаться, всем отплачивать визитами, не то кто-нибудь будет обижен, про вас наговорят невесть что и ваша репутация может сильно пострадать<sup>[87]</sup>.

\* \* \*

Москва всегда отличалась хлебосольством. А.И. Дельвиг вспоминал, что у сенатора Волчкова были длинные накрытые столы, к которым приходили обедать и малознакомые ему люди<sup>[88]</sup>. Впрочем, не всегда подобные застолья устраивались по доброте душевной – скорее, это была некая дань моде или приличиям. Так, в романе В.А. Вонлярляского

«Силуэт» описана княгиня-москвичка – пожилая женщина, которая не отказывала в покровительстве ни вдовам, ни сиротам, ни соседям по имениям, но денег не давала никому; отзывалась с отличной стороны о тех, которые часто являлись к ней откушать, впрочем, вовсе не заботясь о том, достаточно ли кушанья и сыты ли гости<sup>[89]</sup>. Автор показывает поверхностность и неискренность заботы этой «типичной московской хлебосолки». По воспоминаниям его современников, в начале столетия еще существовали действительно щедрые и гостеприимные хозяева, способные обогреть душевным теплом всех посетителей. К такому образу жизни зачастую (как у героини Вонлярлярского) примешивалось и стремление покрасоваться, похвастаться своим богатством, успешным хозяйством, христианскими добродетелями. Но следование этой традиции, характерной и для других сословий, все же налаживало взаимоотношения между дворянами, создавало некоторую поддержку со стороны людей своего круга. Укреплялись и связи между сословиями. Отказ от дома получали лишь те, кто явно пренебрегал честью дворянина. В такой неприятной ситуации оказался герой «Дневника лишнего человека» И.С. Тургенева Чулкатурин. Он вызвал на дуэль человека, в которого была влюблена дочь хозяев, и «дом Ожоговых тотчас же закрылся для меня»<sup>[90]</sup>.

В Санкт-Петербурге хлебосольные хозяева встречались гораздо реже. По замечанию Л.В. Бранта, в 1839 году на Петербургской стороне жизнь и нравы оставались «во всей полноте и простоте патриархального века, – когда люди не стыдились ужинать, когда, приходя в гости, здоровались с хозяином и, уходя, прощались с ним, да благодарили за хлеб – за соль: что все в большом свете называется, говорят, „*mauvais genre!*” (*дурной тон*) – где нынче не в тоне все это, ни многое, многое еще, – прежде так наивно напоминавшее людям, что они братья, а не светские отношения...»<sup>[91]</sup>

\* \* \*

Жизнь дворянской семьи в столице очень зависела от благосостояния. Выезды в свет, балы до поздней ночи (или раннего утра) были недоступны небогатым дворянским семьям. А потому и просыпались в таких домах рано, жили скромно и тихо, занимаясь хозяйством и воспитанием детей. Вот как описывает жизненный уклад в доме своей бабушки Екатерина Владимировна Новосильцева: «В восемь часов пили чай. Вера Васильевна (тетя) хлопотала о хозяйстве, бабушка начинала свою долгую молитву, Катя с сестрой Олей занимались в своем флигеле. А Надежда Васильевна (старшая тетка) отправлялась гулять, то есть обходить знакомых соседей,

но прежде еще сходяв к ранней обедне. Около часа все собирались в чайной. Обеденный стол был накрыт в два часа. Затем все семейство отдыхало, а девочки уходили в свой флигель. В шесть часов все собирались в гостиной, где Вера Васильевна разливала чай. В тридцатых [1830-х] годах бабушка уже никуда не выезжала, кроме церкви, но ранее всегда по вечерам отправлялась в гости. Вечер проводили в семейном кругу. Надежда Васильевна или сама уезжала в гости, или приглашала какую-нибудь соседку. В десять был ужин, а потом все отправлялись по своим комнатам (только Катя убежала к Вере Васильевне и часов до двух с ней говорила)»<sup>[92]</sup>. Обращает на себя внимание размеренность жизни, неторопливость, некоторая патриархальность такого жизненного уклада.

Писатель М.П. Бибиков так рассказывает о распорядке дня в доме своей московской бабушки. Мальчик просыпался утром и звал бабушку («бабу Анну»), она подходила к его кровати, с помощью прислуги растирала ребенка полотенцем, смоченным в вине, и расчесывала. Затем они с бабушкой молились (читали «Отче наш», «Богородице Дево, радуйся» и молитвы о здравии всех сродников), потом шли пить чай – внуку давали горячего молока с водой и сахаром (эту смесь величали «чаем» и подавали в маленьком приборе, на специальном подносе). После чая все дети бабушки приходили в ее флигель из большого дома пожелать ей доброго утра: они по старшинству подходили целовать бабушке руку, а она их целовала в лоб. Обедали во флигеле с бабушкой в полдень, а дяди и тети позже – в большом доме. Затем бабушка отправлялась вздремнуть, а внук играл в комнате с няней и девушками, которые рассказывали ему сказки о Бове Королевиче, Илье Муромце, о судье Шемяке. К чаю все опять сходились у бабушки, и у каждого за столом было свое место, а после читали житие святого того дня<sup>[93]</sup>.

\* \* \*

В Петербурге распорядок дня был совсем иным. Писательница М.А. Корсини запечатлела жизненный уклад Северной столицы в образе одной из своих героинь, которая вставала во втором часу пополудни, беседовала с дочерью, давала хозяйственные распоряжения, обедала, затем ей следовало собираться в гости или самой ждать их появления, чтобы провести остаток дня за картами<sup>[94]</sup>. Дополняя этот образ, О.И. Сенковский (творивший под псевдонимом Барон Брамбеус и не чуравшийся банальных нравоучений) так характеризовал типичную светскую даму Петербурга: «А что касается до Анны Петровны, то она румянилась, наряжалась, ездила с визитами,



днем развозила сплетни, ввечеру разливала чай. Об ней сказать нечего: она была настоящий женский – 0, нуль»<sup>[95]</sup>. Также и А.П. Глинка сетовала на то, что ежедневными занятиями дамы высшего света были «визиты без цели, болтовня, пересуды под названием *causerie*»<sup>[96]</sup> (непринужденный разговор – *фр.*).

Из этой галереи скучающих женских типов мемуаристами отдельно выделяется «светская львица». Она активна, в противоположность пассивной добропорядочной христианской супруге. Сочетание в общественном сознании православных норм и великосветских представлений требовало от «светских львиц» особой деликатности и чувства меры, чтобы не прослыть дурными женщинами.

Исследователи понятия «повседневность» отмечают, что сплетня представляет собой вымышленный рассказ о необычном, неповседневном<sup>[97]</sup>. Таким образом, она подчеркивает представления о норме и обыденности. При общей любви к сплетням в столицах женщине крайне сложно было сохранить безупречную репутацию. В основном сплетни касались интимной жизни: всем было известно, что за закрытыми дверями самого благовоспитанного дома могли проходить бурные любовные романы, совершались измены и недозволенные сцены. В идеале и женский будуар, и гостиная должны были быть безупречны с точки зрения нравственности. И чем красивее была женщина, тем осмотрительнее приходилось ей себя вести, оберегать честь – свою и своей семьи, не давать ни малейшего повода для слухов – но при этом всякий раз вызывать восхищение у противоположного пола.

\* \* \*

Чтобы как-то разнообразить повседневность, создать иллюзию деятельности, полезности, аристократки и незанятые по службе дворяне обязаны были «делать визиты». В «Дамском журнале» говорится, что в Москве с визитами ездили только на Новый год и на Святой неделе и то часто ограничивались визитными билетами<sup>[98]</sup>. В Первопрестольной «с интимными визитами являлись уже в 10 часов, – вспоминает Ю. Арнольд, – а „штатс-визиты” отдавались, начиная с полудня и не позже 2 часов, потому что во многих домах обед в обыкновенные дни сервировался в 3 часа»<sup>[99]</sup>.

В Петербурге визиты делались ежедневно. Постоянная занятость мужчин на службе создавала дамам необходимость вести не менее активную деятельность в обществе. Занятия же домашним хозяйством,

воспитанием детей нередко воспринимались аристократками как обуза.

В Москве визиты приходились обычно на период с полудня до двух часов дня, а в Санкт-Петербурге аристократы посещали друг друга с двух до пяти. Стоит также упомянуть о том, что если дворянин служил, то и домашний уклад семьи полностью подчинялся графику его работы: день начинался рано утром, обедали, когда отец приходил со службы, отдыхали, ужинали около 9 часов вечера, затем детей укладывали спать, чтобы обеспечить отцу полноценный отдых<sup>[100]</sup>. У молодых дворян, еще не обремененных семьей, был более свободный распорядок. В романе А.Ф. Вельтмана «Приключения, почерпнутые из моря житейского» мы находим такое описание жизни великосветского холостяка преклонных лет: «Бывало, с двух до двух, хоть плохо, но спится; потом визиты, потом обедать в клуб или на званый обед, потом на вечер, в концерт, в театр, в заключение в клуб – сколько новых впечатлений, сколько разговоров о какой-нибудь грации театральной, сколько прений о том, кто с чего ступил и почему так ступил, с добрым или злым намерением пошел в вист, умно или глупо сыграл; сколько сладких воспоминаний об сам-пят, об удачной покупке; сколько мыслей и дум о том, что ежели бы так пошел, а не так, так совсем была бы другая игра»<sup>[101]</sup>. Жизнь на первый взгляд активная, но от скуки и хандры отнюдь не спасающая.

Характерной особенностью семейных визитов было соблюдение иерархии: младшие посещали старших. Барон А.И. Дельви́г (инженер и мемуарист) писал, что его, а также братьев и сестру по праздникам возили на поклон к родственникам со стороны матери – князьям Волконским. Он же вспоминал об одном довольно запутанном случае, который приключился с его родственником, поэтом Антоном Дельви́гом. Тот проживал в Санкт-Петербурге, и однажды в столицу приехал его дядя Дмитрий Андреевич, князь Волконский. Именитый родственник ожидал, что поэт немедленно посетит его, но Дельви́г этого так и не сделал. Дядя был в ярости: ему и в голову не могло прийти, что его визит мог остаться незамеченным. В отличие от провинции, где появление князя – действительно важное событие, в Санкт-Петербург ежедневно приезжали десятки аристократов, и никому до этого не было дела. Кроме того, произошла путаница: князь Волконский считал Антона Антоновича своим племянником, потому что сестра его была вдовой дяди Дельви́га. Однако при этом их матери были двоюродными сестрами, следовательно, они приходились друг другу троюродными братьями. Но этого родства Дмитрий Андреевич не хотел вспоминать, чтобы не потерять право

старшинства в глазах Дельвига<sup>[102]</sup>.

\* \* \*

В теплое время года (примерно с мая по сентябрь) многие дворяне выезжали из столиц, преимущественно из Санкт-Петербурга, на дачи в пригороды. Княжна М.Г. Назимова писала, что их жизнь на даче в Петергофе мало чем отличалась от жизни в Петербурге. Так же закладывали ландо в два часа, так же делались визиты до пяти. За обедом почти всегда были гости, затем прогулки с гостями «на музыку», где делались приглашения на чашку чая и собиралось человек пятнадцать. При дачной жизни была только разница в легкости созывать к себе гостей. Девушку в 11 вечера отправляли спать, а бабушка еще ужинала и до 2–3 ночи играла в карты<sup>[103]</sup>.

Но визиты и приемы гостей все же делались не без цели: в это время разносились известия, которые могли испортить или укрепить репутацию и карьеру. От ловкости и умения плести интриги зависели судьбы людей. В основном же жизнь на дачах, а особенно в усадьбах, характеризовалась меньшей строгостью. Большинство дворян средней руки, проводивших зимние месяцы в Москве, Петербурге или крупных губернских городах, летом обязательно уезжали в деревню, в свои поместья. На лоне природы, в кругу семьи, можно было забыть о столичной суете, отдохнуть<sup>[104]</sup>. Также, следуя веяниям моды, дворяне могли отправиться на некоторое время (кто мог – на год) за границу<sup>[105]</sup>.

В отличие от столиц, с их суетой и бешеным темпом жизни, как пишет В.А. Соллогуб, «в быте старосветского помещика того времени [1820-х] господствовало спокойствие библейское. Старик, его дети, его слуги, его немногие крестьяне образовывали точно одну сплошную семью при разностепенных правах»<sup>[106]</sup>. Расстояния между соседями, жившими в своих деревнях, в основном были огромные, поэтому и виделись они намного реже, чем в городах. Так, героиня романа Федора Фан Дима (Е.В. Кологривовой) «Александрина» жаловалась на то, что время святок было единственной возможностью «побеситься» девушкам, которые виделись крайне редко, и они веселились за весь период разлуки, в то время как в столицах количество скучных обязательных визитов в несколько раз возрастало<sup>[107]</sup>. В деревнях помещики спокойно занимались ведением хозяйства, расходов почти не делали, темп жизни был неспешным, гости могли оставаться у хозяев на несколько недель. В деревне не нужно было соревноваться с соседями в роскоши.

Князь Александр Васильевич Мещерский с чувством гордости за своего отца писал, что тот пренебрег тщеславием высшего петербургского общества и удалился в деревню за тем, чтобы создать и оставить состояние своим детям (а их у него было одиннадцать). Это ему вполне удалось<sup>[108]</sup>. По замечанию великосветской дамы М.А. Волковой, Санкт-Петербург – город, требующий больших трат, тогда как с доходом в 15 тысяч в год можно «порядочно жить» в любом другом месте, «если не мотать»<sup>[109]</sup>.

Дворянин М.Л. Назимов оставил следующие воспоминания об укладе жизни в своем уездном хозяйстве: вставали рано, в 6–7 часов. Пили чай, и, когда отец уезжал в свои соляные амбары, начинались обычные ежедневные занятия домочадцев, а мать, управившись на кухне, с девушками плела кружева. Обедали обыкновенно не позднее часа, после обеда отдыхали; потом, смотря по времени года, гуляли в саду, возвращались к вечернему чаю или отправлялись после окончания отцом счетов с соляными промышленниками и возчиками в гости, а в другой день ожидали к себе гостей. Эти «очередные между уездными чинами» вечеринки не требовали значительных расходов «по простоте запасных продуктов и при употреблении с чаем кизлярской водки, а при закуске ерофеича<sup>[110]</sup> и наливки». Играли в бостон, но без значительных выигрышей или проигрышей<sup>[111]</sup>. Дети росли на природе, в большей простоте, чем в столицах. Приезжие в провинцию столичные барышни «дивились непристойности губернского румянца, красноте рук, даже свежести рта»<sup>[112]</sup>. Дворянки в усадьбах (независимо от того, постоянно они там жили или только наездами) больше времени уделяли хозяйственным делам, принимали участие в домашних заготовках продуктов на зиму, в то время как их мужья занимались общим управлением хозяйства и контролировали действия приказчика.

Безусловно, стиль общения дворянина зависел от места его проживания. Если бы можно было составить некую шкалу открытости и гостеприимства, то высшая точка находилась бы в поместьях, а наибольшей закрытостью и сдержанностью характеризовался бы Санкт-Петербург. Это касается как поведения в свете, так и в семейном кругу. По словам В.Г. Белинского, «москвичи – люди нараспашку, истинные афиняне, только на русско-московский лад»<sup>[113]</sup>. В Петербурге жили постоянно в незримом либо реальном присутствии императора, поэтому и позволить себе более вольного поведения не могли. «Хороший тон – это точка помешательства для петербургского жителя», – продолжает Белинский<sup>[114]</sup>. Провинциальный житель еще далее отстоял от столичного

франта. Характерна в этом смысле встреча героев «Обыкновенной истории» И.А. Гончарова Александра Адуева, провинциального молодого человека, с дядей Петром Ивановичем, столичным жителем: «он было бросился на шею к дяде, но тот, пожимая мощной рукой его нежную, юношескую руку, держал его в некотором отдалении от себя, как будто для того, чтобы наглядеться на него, а более, кажется, затем, чтобы остановить этот порыв и ограничиться пожатием»<sup>[115]</sup>. Жизнь в Петербурге была более дорогой, показной и суетливой. В Москве темп жизни был медленнее, и число ежедневных контактов со знакомыми значительно меньше, чем в Северной столице, что позволяло больше времени уделять семье, общению с близкими и любимым занятиям.

### 3. Рождение семьи

Поскольку наша цель – изучить общение в семье, пришло время обратиться непосредственно к тому, каким образом эта семья создавалась, то есть как осуществлялись в дворянской среде сватовство, помолвка и бракосочетание в первой половине XIX века. По закону запрещалось вступать в брак: «1. попечителю с находящеюся под его попечительством малолетнею, до совершения ей двадцатипятилетнего возраста; 2. отцу и брату попечителя с находящеюся под попечительством сего последнего малолетнею; 3. мужу с дочерью разведенной с ним жены, которая по разводе родила ее от другого мужа; 4. вдове во время установленного траура по умершем супруге, а в случае беременности, до разрешения от беременности; 5. рабам (sic) со вдовами умерших господ своих», а также людям, находящимся в близком родстве<sup>[116]</sup>. Дворянкам позволялось выходить замуж с 17 лет. Венчанию предшествовало обручение невесты и жениха по обрядам православной церкви.

Найти супруга или супругу было делом непростым. В эти поиски были вовлечены не только члены семей: существовала даже особая профессия свах. Основной задачей свахи было предоставить жениху сведения о приданом различных невест и снабдить родителей девушек соответствующей информацией о женихах. За некоторую сумму можно было попросить сваху несколько приукрасить состояние дел (например, скрыть, что имения давно заложены, а карточные долги скоро приведут семью к разорению).

В повести «Rendez-vous» Л.В. Брант дает следующее описание свахи: «Аграфена Ивановна не принадлежала к числу тех простолудинок, устроительниц супружеского счастья, которых в наших романах и водевилях обыкновенно выводят на сцену под именем Савишн или Кузьминишн, в телогрейках и с головою, повязанной платком. Аграфена Ивановна занимала почетное место в особом разряде свах высшего полета. На ней была богатая шляпка и дорогая шаль; ее шелковое платье и все принадлежности ее наряда, не без вкуса и не без претензий, доказывали, что, посвятив себя неутомимым хлопотам к коммерческому составлению брачных союзов, сама она отнюдь не чуждалась желанию нравиться»<sup>[117]</sup>.

Порой наличие пожилых родственниц в дворянской семье делало вмешательство свах излишним. Среди знатных фамилий аристократов также очень редко прибегали к услугам профессиональной свахи. Эту роль



выполняли старшая родственница, отец жениха<sup>[118]</sup> либо друг жениха<sup>[119]</sup>. В.П. Бурнашев говорил, что графиня Татьяна Ивановна Хвостова очень любила обуустраивать свадьбы своих дальних бедных родственников, а кумушки и приживалки, которые наполняли ее старинный гостеприимный дом и которых она выдавала замуж, называли ее добрейшей «графинюшкой». На этих свадьбах она была посаженной матерью<sup>[120]</sup>. Александр Васильевич Мещерский рассказывал, что старушка-княгиня Вяземская, любившая устраивать судьбу молодых людей, хотела и его самого женить на графине Лидии Арсеньевне Закревской, но ей это не удалось<sup>[121]</sup>. А в «Семействе Холмских» Д.Н. Бегичева неожиданная для героя помолвка была следствием глупости бабушки, которая думала, что все прежние обычаи остались в том же виде и положении, как было в ее время. Поняв слова внука, что девушка ему не противна, в том смысле, что он желает жениться, бабушка стала сватать, не спросив его<sup>[122]</sup>.

\* \* \*

Обряд сватовства и свадьба были длительным ритуальным действием, характер которого постоянно менялся в различные десятилетия. В Москве неизменной оставалась только благочестивая традиция перед началом сватовства служить молебны Иверской Богоматери.

В начале XIX века в дворянском быту появилась тенденция сближения с народными обычаями. Традиции предков были романтически переосмыслены и возродились в специфически измененной форме. Д.Н. Бегичев приводит пример сватовства по старинным обычаям: следовало «помолившись перед образом и отвесив ему низкий поклон, произнести вот такую речь: здравствуй, любезный сосед, я пришел к тебе не пир пировать, не рожь торговать, а думу крепкую думать. У тебя есть товар, а у меня есть купец. Соблаговоли принять вот этого сынишка моего Сережу к себе в зятя»<sup>[123]</sup>. Это свидетельствует о том, что дворянство, отдалившись во многом от крестьянства и купечества, все же сохраняло в быту некоторые фольклорные формулы. Впрочем, употребление таких специфических оборотов вовсе не было повсеместным.

Во время помолвки жених обычно приезжал со своими старшими родственниками, которые и делали официальное предложение. Прежде всего следовало предварительно убедиться, что девушка и вся ее семья охотно породнятся с семьей молодого человека, а затем узнать о приданом. Здесь случались неприятные казусы. У Александра Сергеевича Пушкина было несколько неприятных разговоров с дедом своей невесты, Афанасием

Николаевичем Гончаровым, который безуспешно пытался осчастливить жениха 48 тысячами долга в приданое. Часть его нижегородского имения, в селе Катунки Балахинского района, оценивалась в 120 000 рублей, но в Опекуном совете на нем числилось 168 000 долгу. Поэт не дал себя обмануть, но был вынужден заложить нижегородскую деревню Кистенево и отдать Гончаровым 11 000 рублей на приданое невесте, а затем еще тысячу Наталье Николаевне на карету<sup>[124]</sup>.

Итак, сватовство состояло обычно в беседе с родителями, причем обращаться нужно было к отцу невесты<sup>[125]</sup>. Если же известно было, что супруги придерживаются разных взглядов и муж считается с мнением жены, то жених мог сначала поговорить с тем, кто представлял наибольший авторитет в доме. Например, так поступил герой романа С.О. Бурачка «Герои нашего времени» князь Борис. Обращаясь к княгине Анне Васильевне, он произнес: «Осчастливьте меня родством с вашим семейством: я люблю вашу дочь, и только с нею, только с вами, могу найти блаженство, на которое утратил право и всякую надежду»<sup>[126]</sup>.

После полученного от родителей предварительного согласия в залу приглашалась невеста, у которой спрашивали, согласна ли она выйти замуж. Заранее объясняться с девушкой считалось нарушением приличий. Однако уже начиная с 1770-х годов молодой человек предварительно беседовал с девушкой на балу или в каком-нибудь общественном собрании<sup>[127]</sup>. Таким образом он заранее узнавал мнение девушки (например, Чадский в «Семействе Холмских» сделал предложение Софье на балу во время полонеза)<sup>[128]</sup>.

Дворяне также не забывали о православных обычаях: в момент сговора молодых благословляли иконами Иисуса Христа и Богородицы. Затем эти иконы передавались молодоженам. В 1823 году сироту княжну Марию Дмитриевну Голицыну опекуны С.С. Апраксин и М.П. Голицын «сговорили» за князя А.И. Ухтомского «с благословением Святых образов, в начале святыя образа: первый Спасителя, второй Иверския Божия матери». И выделили приданого на 120 610 рублей 71 копейку, что и значится в Рядной записи<sup>[129]</sup>. Внучку Елизавету Петровну Давыдову граф В.Г. Орлов сговорил за князя Юрия Алексеевича Долгорукого и благословил их Святыми образами Спасителя, Казанской Божьей Матери и святых князя Владимира, Елизаветы, Петра Афонского и Наталии (то есть святых покровителей его – Владимира, ее отца – Петра, матери – Наталии и невесты – Елизаветы)<sup>[130]</sup>.

\* \* \*

В XIX веке девушки очень стремились выйти замуж, потому что от «партии» зависело ее место в обществе, ее женская «карьеря». Можно сказать, что сам семейный уклад зарождал и укреплял в умах девушек это желание. С детства дворянским дочерям внушалась мысль о замужестве как о центральном событии в жизни женщины. Из двух основных потенциальных способов существования дворянки в обществе – выйти замуж или остаться девицей (в миру или в монастыре) – общественное мнение неизменно отдавало предпочтение первому<sup>[131]</sup>. На страницах «Семейства Холмских» Д.Н. Бегичев спорит с этой установкой, вкладывая в уста своей молодой героини высказывания в пользу незамужней жизни. Насмотревшись на неудачные браки своих сестер и знакомых, Софья не желает повторять их судьбу. В целом автор не отвергает идею реализации женщины именно в браке (как жены, матери, хозяйки, воспитательницы детей и помощницы мужа во всех его делах). Но при этом Бегичев не осуждает и женщину (в лице своей героини Свияжской), решившуюся на безбрачное, независимое состояние. Роман заканчивается описанием идиллической картины счастья совершенных, по мнению автора, героев, воплотивших идеалы христианства<sup>[132]</sup>.

\* \* \*

Что представляла собой «девушка на выданье», как она жила? Вот замечательный пример образа молодой дворянки, живущей у своей тетушки в Санкт-Петербурге. Женщины одевались и жили по картинкам мод и по законам светских романов: зашнурованные и накрахмаленные, в щегольских блузах, в утренних, сверх гладких волос, чепчиках, они садились поутру к чайному столику по всем обрядам английского сервиза. Зимой – перед растопленным камином, летом – на террасе дачи. Такая жизнь была размеренна и театрализована, и молодая женщина нередко ощущала себя иллюстрацией к модным журналам. За чинным обедом вечером следовал театр, бал, вечер или простой визит. Все было наполнено скукой и пустотой. «Мы совершали эту утреннюю трапезу, наблюдая такой же строгий *decoeur*, как будто эта сцена разыгрывалась на подмостках театра. Мы хотели доказать, что живем и сами про себя также прилично, как и в глазах общества»<sup>[133]</sup>. Такого уклада придерживались, чтобы соответствовать требованиям, диктуемым модными журналами (заграничными эталонами); чтобы создать образ светскости, утонченности и даже прогрессивности. В конечном счете именно этот образ помогал в

поиске выгодной партии.

В Москве девушек привозили на так называемую «ярмарку невест» – на балы в Благородном собрании. Там завязывались знакомства с потенциальными женихами.

Матери старались поскорее выдать дочерей замуж, а для того постоянно их расхваливали и прибегали к различным уловкам: к примеру, выдумывали несуществующих женихов, которые якобы сватались и получили отказ. Невесты лет тридцати, о которых матери говорили как о двадцатилетних, частенько пользовались румянами и скрытно принимали разные порошки (то есть лечились от разных заболеваний, например гастрита, о которых женихам не рассказывали)<sup>[134]</sup>. Матери выводили в свет восемнадцатилетних дочерей, но говорили, что им еще нет и шестнадцати, чтобы тем самым убавить годы и себе. Также удобнее было ввести дочь в свет прямо после ее возвращения из-за границы: считалось, что юной красавице лучше произвести первое, «пробное» впечатление в каком-нибудь фешенебельном европейском месте. Несимпатичных дочек старались вывозить в свет как можно ранее (когда они хоть как-то хороши своей молодостью), чтобы они не остались на руках<sup>[135]</sup>. В «Княгине Лиговской» М.Ю. Лермонтов язвит над участью девушек, оставшихся до 25 лет незамужними. Сперва их выводят в свет в 15 лет, но говорят, что им 17, и до 25 им все еще как будто 17 лет. Их увядшая красота уже никого не волнует: «Она была в тех годах, когда еще волочиться за нею было не совестно, а влюбиться в нее стало трудно»<sup>[136]</sup>. Старательные матери приукрашивали не только возраст, но и таланты своих чад. В пьесе А.С. Грибоедова «Молодые супруги» муж жаловался на то, что «светских девушек образование ложно»: мать говорит, будто дочка рисует (хотя на самом деле это работа наемных художников), великолепно играет на фортепиано (ей подыгрывает учитель), а когда дочка выходит замуж, все искусства, которыми она и не владела, забываются<sup>[137]</sup>.

Чтобы обратить внимание потенциальных женихов на дочь и ее приданое, устраивали бал в день ее рождения или именин. Так, в романе А.Ф. Вельтмана на свой день рождения девушка на выданье Саломея Петровна «осыпалась подарками и желаниями; украшала собой великолепный обед, была царицей этикетного бала, с присутствием полиции для порядка приезда и разъезда»<sup>[138]</sup>.

Честь девушки берегли как святыню. Даже дома при разговорах, касающихся отношений мужчины и женщины, молодую девицу просили удалиться из комнаты, а в обществе такие речи при ней и вовсе были

непозволительны. Любой пущенный слух мог лишить ее возможности не только выйти замуж, но и появляться в высшем свете. А.В. Мещерский рассказывает о таком случае: с наступлением поста девицы семейства Я. стали ходить в церковь в свой приход, а за ними туда стали ходить и все их поклонники. Один из таких поклонников – граф Д.А. Толстой – попросил своего друга, искусного рисовальщика, тайком в церкви сделать карандашом портреты дочерей семьи Я. Но один соперник все заметил и донес маменьке: будто все видели, как в церкви граф Толстой публично снимал портреты с ее дочек, – и Толстому тут же отказали от дома, боясь распространения слухов<sup>[139]</sup>. В романе «Сосед» В.А. Вонлярлярский наглядно показывает, что девушка, назначающая ночные свидания молодым людям, очень и очень компрометирует себя, когда об этом становится известно в обществе. От бесчестия она может избавиться только с помощью скорого замужества<sup>[140]</sup>. Более того, по сюжету этого романа молодую девушку сперва искусно оклеветали, обвинив в распутстве, потом много шума наделала ее неудачная помолвка со лжебароном, а затем (в тот же день) – с каким-то проходимцем. Вследствие этого отец ее потерял расположение всех знакомых и покровительство родственников, прекратились все сношения их семьи с петербургским обществом<sup>[141]</sup>.

Не только назначать свидания, но и дарить незамужним девушкам дорогие подарки считалось предосудительным. Пылким поклонникам приходилось идти на разные хитрости. В начале века распространилась мода на такое занятие как «le parfilage de l'or»: светские дамы дома или на званых вечерах распускали золотое шитье поношенных мундиров, отделяя чистое золото от шелка; затем это золото обменивали в магазинах на какой-либо товар. Мужчины, ухаживавшие за дамами, пользовались этой модой, чтобы преподнести дорогой подарок (например, воротнички стоимостью несколько сотен рублей); честь девушки от этого не страдала<sup>[142]</sup>.

Родители, как правило, не принимали во внимание мнение детей по поводу их дальнейшей судьбы. Как пишет Е.А. Сабанеева: «их личные склонности не согласовались с планами родителей, однако их это не раздражало – таков был дух, таковы были нравы той эпохи [1820-е]. Очень может быть, что каждая молодая девица имела свою сердечную тайну, которую берегла в душе и надеялась... а дальше судьба рассудит, и Бог определит»<sup>[143]</sup>.

Вот еще одна типичная сцена, описанная М.Ф. Каменской (в девичестве

Толстой): рассказ о том, как Иван Петрович Мартос выдал свою младшую пятнадцатилетнюю дочь Катерину за умного, богатого пятидесятилетнего архитектора Василия Алексеевича Глинку:

«В один прекрасный день Мартос, надев парик, академический мундир и все регалии, ожидал Глинку. Когда тот приехал, в гостиную была позвана дочь, и отец торжественно сказал ей:

– Катенька! Вот почтеннейший Василий Алексеевич делает нам честь просить твоей руки. Я и маменька за это ему очень благодарны и даем ему наше согласие. Теперь дело только за тобой, скажи: согласна ты, или нет?

Старик, вопросительно глядя на дочь, ждал ответа. Жених, в сильном волнении, готовился услышать решение своей участи.

Катенька, вся покраснев до ушей, упорно молчала.

– Молчание – знак согласия! Человек! Шампанского! – громко и радостно крикнул радостный отец»<sup>[144]</sup>. В данном случае отец сам приискал жениха и сладил дело.

Несколько лет спустя барон Петр Карлович Клодт сватался за вдову Катеньку Глинку, но мать ее, Авдотья Афанасьевна решила, что он не сможет прокормить свою жену, и не дала согласия. Главным аргументом матери против этого брака стало то, что ее дочь якобы не приучена к труду и тем более не сможет жить в бедности – в отличие от ее племянницы, Ульяны Ивановны. Тогда барон стал просить руки Ульяны Ивановны, и ему тут же дали согласие. До конца дней своих они буквально боготворили друг друга, а вскоре к нему пришли слава и богатство<sup>[145]</sup>.

Итак, знатный, богатый и немолодой жених мог свататься и без согласия девушки, уступавшей приказу или уговорам родителей. В таком случае у невесты оставалась возможность реализовать свой отказ в церкви<sup>[146]</sup>. Отказать родителям напрямую было сложно в силу традиций: «„Умничать, умничать смеешь ты, девчонка?“ – кричал с одной стороны Иван Михайлович. „Хочешь положить нас в гроб?“ – кричала с другой стороны Олимпиада Аверкиевна»<sup>[147]</sup> (эта сцена из «Соседа» В.А. Вонлярлярского, к сожалению, очень типична).

Родительское благословение имело столь большое влияние на брак<sup>[148]</sup>, что властолюбивые матери и сыновьям подыскивали невест. Несамостоятельные молодые люди не смели им противиться (так, граф Николай Александрович Самойлов неудачно женился на богатой графине Пален только от того, что не мог перечить матери)<sup>[149]</sup>.

Генеральша Рытова решила выдать замуж внучку, которую отец оставил на попечение своему брату, Федору Петровичу Толстому. К нему



она и привезла внучку с женихом и уже с порога обратилась к брату: «Поздравьте, граф, жениха и невесту!» Так делать было нетактично – молодой человек не был знаком Толстому, да и другим родственникам тоже. Соблюдать здесь правила поведения было бы не только прилично, но и предусмотрительно. К сожалению, генеральша подыскала в женихи поручика гвардии Дмитрия Николаевича Никитина, который оказался карточным шулером, рядившимся в разные мундиры. После свадьбы его нашли, арестовали и разжаловали в солдаты<sup>[150]</sup>.

В большинстве случаев родители больше внимания уделяли тому, каковы состояние, связи и чин жениха, а уж потом смотрели на его душевные качества. По выражению одного из героев В.А. Вонярярского (отца молодой девушки): «как бы ни пристроить дочку, а лишь бы пристроить», и, по замечанию автора, «думают так, к несчастью, многие, очень многие отцы семейств»<sup>[151]</sup>.

Однако встречались и семьи, где девушке позволяли самой решать, выходить ли замуж за того, кто к ней сватается. В таком случае избраннице приходилось лично взвешивать все «за» и «против». Подруга Александры Андреевны Протасовой (в замужестве Воейковой) писала ей, что некто Мерлини просит ее руки и родственники предоставили ей самой решать свою судьбу. Девушка все никак не могла этого сделать: рассматривая кандидатуру со всех сторон, она обращала внимание и на внешность, и на вероисповедание, и на состояние, и на род службы, но прежде всего пыталась расслышать голос сердца, который не говорил ни «да», ни «нет». «Как все чувственные и слабые человеческие существа, как мы можем знать: как найти счастье, где не прогадать, как поступить хладнокровно, не колеблясь бесконечно и по всякому поводу», – сетовала она<sup>[152]</sup>.

Как говорила одна героиня Ф.В. Булгарина, «влюбляться в жениха позволено только мещанкам (a des petites bourgeois), Вертеровским Шарлотам и героиням романов»<sup>[153]</sup>. Но на самом деле многие девушки искали себе жениха по сердцу, а не для «карьеры». Так вышла замуж мать А.И. Дельвига (не посмотрев на то, что жених был лютеранином и с небольшим доходом)<sup>[154]</sup>, так обстояло дело с женами Ф.П. Толстого, М.А. Дмитриева, декабриста С.П. Трубецкого.

\* \* \*

Частый приезд молодого человека уже накладывал на него обязательства, так как «отпугивал» других женихов и, в случае внезапного прекращения визитов, давал повод для обидных для девушки

предположений и догадок. Например, Е.А. Драшусова рассказывала, как мать ее приютила раненого воина (полковника) и он какое-то время жил в их доме. Тогда же к ним начал ездить писатель В.И. Карлгоф, который был очарован автором записок, да и девушка влюбилась в молодого человека. Но, решив, что полковник имеет в глазах матери предпочтение, Карлгоф удалился, и долгое время они не виделись<sup>[155]</sup>.

Так что девушки очень внимательно присматривались к молодым людям, часто ездившим к ним в гости. Граф М.В. Толстой вспоминал, что, когда он приехал знакомиться с невестой, то разговор у них шел по-французски – как позднее призналась ему жена, она хотела узнать, насколько он владеет этим языком<sup>[156]</sup>. Слишком много времени посвящать разговору с одним гостем было опасно. В рассказе Александры Зражевской «Девушка-поэт» ее героиня, Вера, так много внимания уделяла князю (занималась только им, слушала его одного), что он решил, будто он ей нравится и она одобряет его чувства, так что он может делать предложение<sup>[157]</sup>.

Уже нареченный жених мог появляться у невесты каждый день («понятно, что, сделавшись женихом, я почти целые дни проводил у Левашевых и большую часть времени проводил у невесты»<sup>[158]</sup>). Во время ухаживания, как пишет героиня «Романа в письмах» А.С. Пушкина, молодой человек «говорил ей каждый час о своих чувствах и то ревновал, то жаловался»<sup>[159]</sup>. В «Рославлеве» Пушкина рассказывается о взаимоотношениях невесты и жениха в период войны 1812 года: жених уехал на войну сразу после получения согласия на брак. С полей битвы он писал невесте ничего не значащие письма, наполненные шутками, «пошлыми» уверениями в любви, но не от собственного ничтожества, а от предрассудка: как вспоминает его невеста, «он полагал, что с женщинами должно употреблять язык, приноровленный к слабости их понятий, и что важные предметы до нас не касаются»<sup>[160]</sup>.

Женихи всячески старались выглядеть в глазах всего дома невесты как можно лучше. А в романе А.Ф. Вельтмана сваха советует жениху: «Да не скупитесь, сударь; всякий раз, как приедете в дом, жалуйте людям на чай, – лучше прислуживать вам будут. <...> Сперва покажите свое внимание дочери, а потом и к маменьке подсядьте»<sup>[161]</sup>. Если первое представление молодых людей друг другу происходило на балу, то жених должен был подойти к ручке невесты, девушка – снять бальную перчатку. Затем жених должен был сказать что-то ловкое, любезное, занимательное<sup>[162]</sup>.

Матери также давали дочерям советы: например, в романе Вельтмана

мать объявила дочке Кате, что Федор Петрович ее жених и «потому она должна принять его как можно ласковее, говорить с ним как можно приветливее, а если он объявит ей желание свое, то сказать, что это зависит от папеньки и маменьки и что с своей стороны она готова принять с удовольствием предложение»<sup>[163]</sup>. В «Двух сестрах» В.А. Вонлярлярского старшая сестра советует младшей быть поласковой с гостем, которого она прочит ей в мужья, одеться получше, но не слишком парадно, а также разрешает прогуляться с ним в парке наедине<sup>[164]</sup>.

Во время таких посещений юноша мог объясниться с девушкой, гуляя, например, в саду (в комнате молодых людей одних не оставляли). В ответ на предложение девушкам прилично было пожеманиться. В «Браке по рассудку» А.Д. Боровкова Любомудров так просит руки у Марии: «Вы всегда готовы помогать ближним и лишены средств удовлетворять сию похвальную склонность, вы даже сами пользуетесь благодеянием других; примите мое предложение и обстоятельства ваши будут в лучшем виде.

– Я не понимаю вас, – возразила Мария, – говорите яснее.

Тогда Любомудров объявил в коротких словах о намерении своем соединиться с нею навеки. Мария, не ожидая такого благополучия, долго хранила молчание, потом искусно отказывалась от сего предложения, и описывала со вздохом неравенство их состояний. Искатель руки ее, истощив все красноречие свое, получил согласие, которое Мария изъявила со всею тонкостью ловкой и благоразумной девицы»<sup>[165]</sup>.

Таким образом, какие бы чувства молодые люди и их родители ни испытывали друг к другу, общение их не должно было выходить за рамки приличий, и четкое соблюдение правил этикета спасало честь сторон в случае отказа либо удерживало молодых от излишних вольностей в случае согласия.

\* \* \*

Герой произведения XIX века «Богатая невеста», подписанного псевдонимом Надежда В., жалуется на типичное для молодого человека положение при появлении в свете: «С тех пор, как я вступил на поприще гражданской службы и вошел в сношения с людьми, у всех моих знакомых была обо мне постоянная забота – женить меня. Входил ли я в изящную гостиную, наполненную прелестными, стройными девицами, наверно которая-нибудь из почтенных дам заводила со мной разговор о „скуке жизни холостой“... Приезжал ли обедать в семейный дом запросто, приветливая хозяйка непременно обещала сосватать мне невесту; дачи

моих приятелей превратились в огромные западни, где непременно сидела для приманки какая-нибудь невеста. То же было на водах, то же за границей»<sup>[166]</sup>.

Любопытна сцена в воспоминаниях М.П. Загряжского, где он «просит» руки А.И. Иевлевой. Молодого человека ловко вынудили жениться: «К[нягиня]: – Да скажи, пожалуй, хочешь жениться или нет? Я: – Вы столько милостивы ко мне. Должен говорить откровенно. Это предприятие для меня крайне тяжело. Ежели не по моему тихому характеру, то за что же самому себя сделать несчастным? К[нягиня]: – Пустое. Я тебе за нее ручаюсь. Она умна, имеет свое, тебя любит. Вы будете счастливы. До других в семействе тебе дела нет. <...> Ну так приезжай. Кроме ее и тебя никого не будет»<sup>[167]</sup>.

Как правило, молодые люди сначала спрашивали разрешения на брак у своих родителей. Андрей Иванович Дельвиг так торопился жениться, что пренебрег этим (ссылаясь на то, что мать однажды обмолвилась, будто одобряет его выбор). Мать, узнав о помолвке, очень расстроилась и заболела. Однако сын вымолил у нее прощение; тогда мать отослала подарок невесте (легкую золотую цепочку) и дала денег на расходы<sup>[168]</sup>.

В сознании мужчин XIX века женитьба прежде всего была переходом на новый социальный уровень. При выборе невесты первостепенное значение имели размер приданого и родственные связи, поскольку по протекции ее отца или другого старшего родственника можно было продвинуться по службе. Порой юноши потому еще не спешили связывать себя узами брака, что не всегда были в состоянии содержать семью. Требования родителей невесты, сознание собственной возможности – или отсутствия таковой – к несению материальных расходов стимулировали молодых людей подыскивать себе пригодную службу (рассчитывать на наследство приходилось далеко не всем). Так, М.Д. Воеводский пишет своей матери Марии Федоровне: «Если б мы были богаты, я бы право кажется приехал к вам с невестой, молоденькой, хорошенькой, с голубыми глазами, с черными как смоль волосами, но как кроме (неразборчиво) дачи у меня ничего не имеется, да и у вас тоже ничего кроме вашего пансиона, то, замолчав о той, которая так приглянулась мне, я стану лучше рассказывать вам о моем путешествии»<sup>[169]</sup>. А.С. Пушкин, собираясь жениться, пишет своему другу Н.И. Кривцову, что «хладнокровно взвесил все выгоды и невыгоды состояния, мною избираемого». «К тому же, – продолжает поэт, – я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущее является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не

удивят меня, они входят в мои домашние расчеты. Всякая радость будет мне неожиданностью»<sup>[170]</sup>.

Если дворянки считались невестами уже после 17 лет, то дворяне, как правило, женились в возрасте около 30 лет – к этому времени мужчина уже достигал некоторых высот по службе, у него накапливался жизненный опыт, к тому же он осознавал необходимость жениться, чтобы упрочить свое положение в свете и оставить потомство. «В нашем обществе требуется, чтоб человек упрочил средства существования прежде, нежели он обзаведется семейством», – так говорилось в одном из пособий по правилам поведения дворян<sup>[171]</sup>. А.Ф. Вельтман сетовал: «Теперь ни девушки между собой, ни в разговоре о девушках, не говорят уже о внутреннем приданом: о богатстве и чистоте души, о достоинстве свойств и о чистоте сердца, даже не говорят и не спрашивают вообще о здоровье существа мыслящего, о замужестве; но спрашивают только, как велико приданое, и по количеству денег выводят расчет о выгодах замужества»<sup>[172]</sup>.

Плуты и карьеристы нередко старались воспользоваться желанием родителей поскорее выдать дочь замуж. В 1845 году появился водевиль Д. Самойлова<sup>[173]</sup>, в котором женатый мужчина, скрыв свое семейное положение, делает предложение девушке, просит ее руки у ее отца и, получив согласие, одалживает у него крупную сумму денег без расписок, для чего, собственно, он изначально и приезжал.

\* \* \*

Если чин и достаток потенциального жениха не удовлетворяли требованиям родителей, а его постоянные появления отпугивали более завидных женихов, молодому человеку могли отказать в доме. Так, в рассказе Н.А. Полевого «Дурочка» бедному юноше заявили: «...вы позволяете себе слишком короткое обращение с моею племянницею Паулиною, и мы просим вас вспомнить, что таким обращением вы можете повредить нашим семейным распоряжениям. Вы должны были заметить, что она почти невеста (Прасковья Ивановна наименовала гусара), и мы просим вас оставить мою племянницу в покое»<sup>[174]</sup>.

Если же сама невеста отказывалась от брака<sup>[175]</sup> или родители спустя какое-то время находили эту партию неподходящей, отказ делался в ритуальной форме: претендента благодарили за честь, но говорили, что дочь еще не думает о браке, слишком молода или же, например, намеревается поехать в Италию, чтобы совершенствоваться в пении.

Впрочем, эту ситуацию можно было «повернуть вспять». В начале 1815 года Алексей Михайлович Милютин просил руки Елизаветы Дмитриевны Киселевой, но получил отказ, так как родители считали партию неравной. Тогда девушка принялась писать братьям, Сергей Дмитриевич приехал из Петербурга к ним в Москву и уладил дело. Да и сами родители, увидев, как расстроилась и даже заболела от переживаний их дочь, поспешили согласиться на этот брак<sup>[176]</sup>.

\* \* \*

Интересны примеры свадеб, произошедших из благородных побуждений: Иван Петрович Мартос был вдов, имел дочек и сироту-воспитанницу, которую, бывало, обижали его дочери. Узнав, что одна из дочек дала ей пощечину и Дунечка разобиделась и хотела уйти от них в услужение, хозяин дома надел вицмундир, все ордена и сделал воспитаннице официальное предложение: «Милостивая государыня, Авдотья Афанасьевна, имею честь просить вашей руки». Дочки злились на отца, но относились к мачехе с почтением, а та всю жизнь платила им добром за зло<sup>[177]</sup>.

В поместьях, вдали от «света», девушкам было предоставлено больше свободы. Например, героиня пушкинской «Метели», будучи влюблена в бедного армейского прапорщика, виделась с ним в сосновой роще или у старой часовни, где они клялись друг другу в любви и сетовали на судьбу<sup>[178]</sup>. Известно, что тайные бракосочетания были не столь редким явлением и в столицах (к примеру, как вспоминает Е.А. Сушкова, ее отец часто устраивал такие браки)<sup>[179]</sup>. Однако такой шаг для девушки был крайне опасен. Молодой человек мог обмануть и не жениться и, таким образом, опозорить ее. Так, одна героиня из повести «София», дочь благородных родителей, из-за своего падения говорит о себе: «я презренная Лиза, – я, которую каждый извозчик может с усмешкою назвать Лизою!»<sup>[180]</sup> Она боялась, что посторонние люди могли обратиться к ней непочтительно, только по имени, без отчества, подчеркнув позор ее падения, так, как обращались к женщинам легкого поведения.

К тому же похищение дочерей от родителей для вступления с ними в брак составляло уголовное преступление<sup>[181]</sup>. Чтобы избежать наказания, следовало просить прощения у родителей.

В «Героях нашего времени» С.О. Бурачка дана сцена подготовки к побегу двух влюбленных: «Здравствуй, ангел мой бесценный; говорил запыхавшийся Виктор, вбегая в комнату Марии; нежно обнял и поцеловал



ее, – ты одна?.. <...> Ну поздравь! мой друг; все готово! Вот твое свидетельство о крещении, вот о причащении, вот твой паспорт, моя дорожная, – деньги есть, – экипаж готов – едем!»<sup>[182]</sup> Есть подобные сюжеты и у А.С. Пушкина («Метель») и у И.С. Тургенева («Накануне»).

Совершались и фиктивные браки. Например, обер-штальмейстер Беклемишев выдал свою любовницу замуж за дворянина П.П. Мельникова, чтобы их сыновья получили дворянские права. Невеста видела своего «мужа» только при венчании в церкви, зато прижила с Беклемишевым двух сыновей<sup>[183]</sup>.

\* \* \*

В случае общего согласия начинался ритуал подготовки к браку. Всех близких и знакомых извещали о предстоящей свадьбе; на это извещение надо было отвечать горячими поздравлениями, даже если известно было что-нибудь, компрометирующее одну из сторон. По случаю помолвки рассылали розовые билеты с этим известием. М.А. Дмитриев вспоминал, что «написал известительные письма о моей помолвке ко всем, даже далеким родным, и к ближайшим знакомым. И к кому только не писал я!»<sup>[184]</sup>

Вот пример такого извещения: «Николай Семенович Киршев, извещая о бракосочетании его с Ольгой Николаевной Бедуновой, покорнейше просит пожаловать, для присутствования при священном обряде, в церковь Св. Троицы, а оттуда в квартиру его...»<sup>[185]</sup> А вот литературный пример извещения, написанного неподобающим образом: «Дарья Петровна Пронская, имея честь уведомить о помолвке пасынка своего, Николая Дмитриевича, с Софьей Васильевной Холмскою, покорнейше просит пожаловать сегодня на вечер»<sup>[186]</sup>. Составлено оно не по форме, к тому же его следовало написать и разослать заранее.

Жених обязан был делать визиты к родным, а также милостивцам и благодетелям невесты, дарить деньги слугам семьи невесты, затем (если позволяли средства) покупать обычные подарки для невесты: например, четырехместную карету, белую шаль, а также бриллианты, жемчуг, цуг вороных лошадей, богатую ливрею с гербами, нанимать щегольски одетых кучера и форейтора<sup>[187]</sup>. Менее обеспеченные женихи дарили конфеты, фрукты и цветы (правда, цветы становятся популярным подарком только к середине XIX века)<sup>[188]</sup>. Согласно рекомендации специального руководства о правилах светского тона, жених должен был заказать кольца, на которых обыкновенно вырезались месяц, число обручения и заглавные буквы (на

жениховом кольце – имени невесты, на невестином – жениха)<sup>[189]</sup>.

Перед свадьбой жених устраивал мальчишник: встречу с приятелями по холостой жизни и прощание с молодостью<sup>[190]</sup>. С.Н. Глинка писал, что перед его свадьбой, на прощальном холостом ужине, были у него почти все писатели того времени<sup>[191]</sup>. У девушек мог быть девичник. М.Ф. Каменская (до замужества Толстая) вспоминает, как накануне девичника, по русскому обычаю, молодые девушки были с невестой в бане, а потом у ее тети в комнатах без мужчин пели свадебные песни, пили, ели и плясали<sup>[192]</sup>. Также, судя по воспоминаниям М.Ф. Каменской, в 1830-х годах было еще в моде, чтобы подруги невесты сходились в ее доме шить приданое<sup>[193]</sup>.

\* \* \*

Венчались обычно через два месяца после сватовства. Жених и невеста обручались, «помолясь Богу, при чтении святых молитв и с благословения священника»<sup>[194]</sup>. Первым прибывал в церковь жених, затем невеста. Существовала практика приглашать посаженных отцов и матерей – в знак почтения к этим особам. Например, Алексей Федорович Львов (скрипач, композитор, дирижер, автор гимна российской империи «Боже, царя храни») просил Николая I быть посаженным отцом, а графиню Бенкендорф – посаженной матерью на его свадьбе с Прасковьей Агеевной Абаза. В день бракосочетания, 6 ноября 1839 года, в 7.30 царь уже ожидал Львова в Аничковом дворце, куда жених приехал с Бенкендорфом. Государь благословил его образом и дал отеческое наставление<sup>[195]</sup>.

При венчании у жениха и невесты было по трое свидетелей. Жених, его посаженные отец с матерью и шафер ехали в храм в одной карете и в церкви помещались по правой стороне. Шафер тотчас ехал за невестой, из дома он шел впереди нее с образом; в руках невесте полагалось нести букет из красных и белых роз; кольца также находились у шафера жениха<sup>[196]</sup>. Родственники и знакомые невесты становились по левой стороне в храме. Также во время таинства присутствовали молодые люди, которые держали венцы над головами брачующихся. По окончании венчания иногда служили молебен, затем принимали поздравления<sup>[197]</sup>.

Из церкви все ехали на свадебный пир на квартиру жениха, где их уже ждали родители с хлебом-солью. За здоровье гостей на свадьбе пили в строгой очередности – по родству и старшинству. Если был бал, то невеста была, разумеется, его царицей. Дамы уводили невесту от свадебного стола и передевали в кружевной чепчик и капот. После того молодая с бокалом

в руке показывалась в дверях спальни и прощалась с гостями<sup>[198]</sup>. На прощание гостей одаривали конфетами.

Скромные свадьбы устраивались редко. Так, например, женился Федор Петрович Толстой на дочери коммерции советника Анне Федоровне Дудиной: «В один прекрасный день из ворот дома Марии Степановны Дудиной, молодой, сияющий счастьем, мичман в отставке вывел за руку свою невесту, свою обожаемую Аннету... На нем был его неизменный морской мундирчик, на непокрытой голове развевались кудри... На ней было простое коленкоровое платье, да из своего сада венок из живых цветов на голове. Держась рука с рукой, они пешком перешли через улицу и вступили в храм Благовещения, где Бог судил им соединиться на веки... За ними следовали шафера, братья и сестры невесты, да несколько человек закадычных друзей отца моего и бабушки. Из церкви молодые и провожатые их вернулись в дом бабушки опять-таки по образу пешего хождения... Ни парадного обеда, ни бала в этот день не было. Пообедали запросто, чем Бог послал, и молодежь разбрелась по саду, поливала цветы, чистила дорожки, каталась в лодке по пруду и под вечер бегала в горелки на большом круглом лугу против дома... Как просто! А сколько тут было настоящей чистой, святой любви!...»<sup>[199]</sup>

\* \* \*

После официального бракосочетания следовали свадебные обеды у отца, у молодых, у близких родственников<sup>[200]</sup>, было необходимо сделать визиты – опять-таки в строгой очередности знатности и родства, на что могло уйти несколько дней. Так, в семье А.И. Дельвига была строгая дисциплина, «отношения племянников и племянниц к дядюшкам и тетюшкам были самые подчиненные; им казалось, что и жена племянника должна быть в тех же к ним отношениях. Все это очень тяготило мою жену, и она всеми способами отдалялась от моих родных, что порождало неприязнь»<sup>[201]</sup>. Существовал также обычай уезжать после свадьбы в небольшое путешествие, хотя бы в деревню. Молодые супруги старались, если была такая возможность, нанять отдельную квартиру.

Замужняя женщина, по сравнению со своим девичьим положением, становилась, в некотором отношении, более свободной. Она могла распоряжаться деньгами (приданое было в ее собственности, по крайней мере с юридической стороны), своим временем, приобретала вес в обществе – особенно если выходила замуж за богатого и высокопоставленного человека. К ней могли обращаться за протекцией.

Бывали даже случаи, когда не муж, а жена фактически руководила делами в департаменте, а то и в полку супруга. К примеру, Анна Николаевна Неклюдова вмешивалась в дела мужа – Сергея Васильевича, правителя Тамбовского наместничества<sup>[202]</sup>. Разумеется, степень свободы женщины зависела от характеров ее и мужа. Осуждалось только вопиющее тиранство и явные отступления от морали. О таких выгодах рассуждала в письмах к подруге М.А. Волкова: «Беда в том, видишь ли, что светские девушки выходят замуж, чтобы получить свободу и пользоваться ею без толку. Ни одна из них не думает об обязанностях, налагаемых замужеством; все они исполняют свои причуды и капризничают. Поэтому так мало счастливых супружеств»<sup>[203]</sup>. Эти выводы утрированы, но верно подмечена нацеленность светского воспитания дворянок на достижение видного положения в обществе, а не на развитие навыков ведения хозяйства.

\* \* \*

Разумеется, церемонии сватовства, помолвки и бракосочетания в царской семье отличались от общедворянского, соединяя в себе элементы внутрисемейного поведения и дворцового этикета. К примеру, вот, как в 1847 году встречали невесту великого князя Константина Николаевича, принцессу Альтенбургскую Александру: «11-го последовал торжественный въезд невесты в Царское Село, которого, жив там в то время, я (М.А. Корф. – *А.Ш.*) был свидетелем. Государь с остальными членами своей семьи встретил дорогих гостей у выходящих на Гатчинское шоссе ворот Царскосельского сада и оттуда, уже с ними вместе, проехал прямо в дворцовую церковь. В саду была расставлена пехота, а на большом дворе перед дворцом – кавалерия; при входе же невесты в церковь происходила пушечная пальба». В зале перед церковью было совершено краткое молебствие с многолетием, после которого духовник государев, Николай Васильевич Музовский, сказал принцессе несколько приветственных слов. Потом, в зале и в сенях, в нее ведущих, принцессе представили всех членов ее новой семьи. «Все в этой домашней картине дышало радостью; императрица обливалась слезами, государь был видимо растроган; мало кто и из нас не плакал...»<sup>[204]</sup>

Браки в царской семье часто устраивались без согласия молодых людей. Известно, что будущий император Александр I женился на Луизе Марии Августе Баден-Баденской (будущей императрице Елизавете Алексеевне) по принуждению<sup>[205]</sup>.

Великая княгиня Ольга Николаевна вспоминала, что во время венчания

с вюртембергским наследным принцем, впоследствии королем Карлом I, была как в тумане. Обряд шел установленным чередом, было две свадьбы: православная и лютеранская. Бесконечные церемонии утомляли невесту. Наконец, вечером ее переодели в одеяние замужней женщины, после чего все отужинали в тесном семейном кругу<sup>[206]</sup>.

Однако были и исключения: брак Николая I и Александры Федоровны. Впервые встретившись в 1815 году, они влюбились друг в друга, о чем свидетельствуют записи в дневнике Николая I: «...Провидением назначено решиться счастьем всей моей жизни; я увидел ту, которая, по собственному моему выбору и с первого моего взгляда, разбудила во мне желание принадлежать ей на всю жизнь». Он вспоминает ее слова: «Наша духовная жизнь схожа; пусть весь мир движется, как ему хочется, мы создадим наш собственный мир в наших сердцах»<sup>[207]</sup>. Правда, несмотря на то что отношения у супругов были практически идеальными, семейная жизнь не была образцовой. У императора были любовницы, с одной из них – Варварой Нелидовой – он долго состоял в близких отношениях.

Великую княжну Марию Павловну также не принуждали выйти замуж за принца Веймарского: она сама с радостью дала согласие на этот брак. В день венчания невесту в Бриллиантовой комнате Зимнего дворца облачили в свадебный наряд, важными деталями которого были «малая корона» и малиновая мантия на горностаевом меху – символы ее царского происхождения. После церковного таинства жених и невеста вышли на балкон, чтобы их могли увидеть и поприветствовать толпы собравшихся на Дворцовой площади петербуржцев. Торжество продолжилось обедом и балом, который открыли в первой паре полонеза император Александр I и его сестра Мария, только что ставшая принцессой Веймарской<sup>[208]</sup>.

Художник Орас Верне, присутствовавший для написания портретов императорской семьи в 1842–1843 годах в России, вспоминает свадьбу родственницы императорской семьи Аполлинарии Михайловны Виельгорской (ее мать Луиза приходилась племянницей последнему курляндскому герцогу). Венчание совершалось во дворце в семь вечера; невесту по традиции нарядили коронными бриллиантами; посаженным отцом был император, который после завершения обряда поехал с иконами к дому новобрачных и встречал молодых у дверей<sup>[209]</sup>. Таким образом, поддержание традиций семейственности исходило от самого главы государства, что консолидировало дворянское общество.

\* \* \*

Можно заключить, что сделать карьеру посредством удачного брака было весьма распространенной практикой в среде дворян. Наравне с этим существовали и воплощения романтических идеалов о браках по любви, вплоть до тайных венчаний без согласия родителей. Поиск выгоды, трезвый расчет соседствовали с подчас иррациональными, идеалистическими представлениями о супружеской жизни.

Ритуальные формы поведения в период сватовства, помолвки и бракосочетания формировались в течение столетий, подвергаясь влиянию русских и европейских традиций. Правила поведения в период сватовства, помолвки, бракосочетания были четко обозначены и соблюдаемы дворянами. Обозначенная манера поведения облегчала общение, улучшала взаимоотношения, поддерживала высокий уровень культуры, продолжала традиции. Определенная последовательность действий придавала происходящему торжественность, ощущение причастности к традиции, принадлежности к роду. Стили общения менялись в зависимости от социального положения брачующихся. В императорской семье подобные события отличались строгой церемониальностью, меньшей спонтанностью, поскольку приковывали к себе внимание всей страны и зарубежных соседей.



## 4. Жизнь в браке

Когда мы пытаемся оценить взаимоотношения супругов в XIX веке, только по письменным источникам невозможно определить меру открытости одного человека другому. Взаимоотношения супругов – отдельный, тайный мир, полностью охватить который не в состоянии ни одна наука. Однако давайте попробуем узнать о нем немного больше.

Как правило, фактическим главой семьи был муж. Известно, что когда декабрист К.Ф. Рылеев находился в заточении, его жена, Наталья Михайловна, столкнувшись с необходимостью заниматься финансовыми делами семьи, признавалась ему в своей нерешительности. Все крупные денежные вопросы ранее решал муж, поэтому она не знала, что отвечать кредиторам: «На все буду ожидать от тебя совета и решения, без чего не могу сама приступить ни к чему»<sup>[210]</sup>. Во время Отечественной войны 1812 года многим женщинам пришлось выполнять обязанности своих мужей, ушедших сражаться. Супруга флигель-адъютанта Александра Меншикова Анна Александровна пишет ему в 1813 году: «Скажи пожалуйста, милой друг, по чему давать жалования в год Насонову и двум лакеям...»<sup>[211]</sup>

Однако в некоторых случаях даже в мирное время главенствующая роль в семье всецело принадлежала жене<sup>[212]</sup>. Подчас жена была самостоятельной хозяйкой всего имения, могла распоряжаться им по своему усмотрению, а если ее доходы превышали мужнины, то муж и вовсе отходил на второй план<sup>[213]</sup>. (С другой стороны, многие дворянки передоверяли мужьям управление своими деревнями к общей выгоде и в интересах детей – впрочем, не всегда счастливо<sup>[214]</sup>.)

Графу Федору Андреевичу Толстому жена давала на личные траты по 10 тысяч рублей ассигнациями ежегодно<sup>[215]</sup>. Сын Н.М. Карамзина, Андрей, женился на богатой вдове Демидовой. Он был в отставке и не имел приезда ко двору, тогда как супруга его рвалась туда и тянула с собой мужа (хотя на придворную жизнь он формально не имел прав). По мнению В.А. Инсарского, именно потому он и погиб во время безрассудной и честолюбивой вылазки, пытаясь выслужиться в Восточной войне<sup>[216]</sup>. Знаменитая бабушка Лермонтова, Е.А. Арсеньева, отличалась властолюбием. Именно она настояла на том, чтобы внука назвали Михаилом (хотя в роду Лермонтовых чередовались имена Петр и Юрий), постоянно сеяла распри между своей дочерью и ее мужем<sup>[217]</sup>.

Однако в свете, на людях, унижать мужа было не принято, так как это порочило в первую очередь саму женщину. В России, как и в Западной Европе, муж часто считался «владыкой жены и поступал как деспот»<sup>[218]</sup>. Отношение к женщинам у мужчин было различным, но зачастую даже пренебрежительным, особенно если выяснялось, что воспитание супруга получила незавидное. Как правило, мужчины считали, что женщины неспособны понимать разговоры о высоких материях и тем более принимать участие в научных дискуссиях (такому мнению пытался противоречить, например, А.С. Пушкин<sup>[219]</sup>). Так, например, немец Гольберг, персонаж повести «Идеал» авторства Е.А. Ган (Зенеиды Р-вой) «о счастии женщины... имел короткое и ясное понятие: благосклонное обращение, снисходительность к капризам и модная шляпка – вот что, по его мнению, не могло не осчастливить женщины, и к этому он, вступая в супружеское звание, обязался мысленно подпискою»<sup>[220]</sup>.

Что касается адюльтера, то в высшем свете снисходительно смотрели на внебрачные связи только влиятельных особ мужского пола, чуть менее лояльно на измены влиятельных женщин и всегда строго осуждали тех, кто осмеливался демонстрировать адюльтер. Тем не менее замужняя женщина продолжала посещать балы и маскарады, танцевать и петь, принимать участие в гуляниях. Поэтому слова из пьесы П.И. Григорьева «Житейская школа» могли показаться современницам анахронизмом и тиранством:

Теперь ты замужем должна быть скромной, тихой,  
Хозяйничать, беречь весь дом,  
А не заботиться о том,  
Чтоб быть отчаянной кокеткой и франтихой<sup>[221]</sup>.

Как мы уже говорили в предыдущей главе, в XIX веке браки заключались как по любви<sup>[222]</sup>, так и по расчету<sup>[223]</sup>. Соответственно, и стили обращения друг к другу были различны: на «ты» либо на «вы» (если супруги были душевно далеки друг от друга<sup>[224]</sup>). Впрочем, браки по расчету могли быть и счастливыми – ведь расчет мог быть не только материальным, но и духовным. М.К. Кюхельбекер, например, находясь в ссылке, женился на Анне Степановне без любви, как он сам признавался, но был счастлив и все умилялся жене и детям<sup>[225]</sup>. Кстати говоря, многие ссыльные декабристы брали себе в супруги девушек из простых семей, подчас не знавших грамоты. Спутниц они выбирали одаренных природным умом, тактом, скромностью, стремясь создать прочные семьи, в чем и преуспели<sup>[226]</sup>.

В «Правилах светского обхождения» советовали мужу своей половине говорить «ты» и, говоря о ней, называть ее именно женой, а не супругой и сударыней<sup>[227]</sup>. В письмах и в беседах друг друга называли различно: «Душа моя», «мой ангел», «друг мой»<sup>[228]</sup>, «птичка моя», «дитя мое»<sup>[229]</sup>, «любезнейший друг мой», «милейший друг мой», «дружочек», «милый друг»<sup>[230]</sup>, «бесценное сокровище мое»<sup>[231]</sup> (и по-русски, и по-французски), «сударыня», «матушка»<sup>[232]</sup>. А.С. Пушкин называл Натали и «женкой», и «своей царицей»<sup>[233]</sup>. Мария Павловна Апухтина писала мужу Дмитрию Анисимовичу: «милейший друг души моей» и подписывалась: «твой верный друг М.А.»<sup>[234]</sup>. Михаил Александрович Фонвизин к жене Наталье Дмитриевне (урожденной Апухтиной) в письмах обращался: «милейший сердечный друг мой, Наташа»<sup>[235]</sup>. К своей молодой жене А.С. Грибоедов писал: «душинька», «Ангел мой», «душка», «Ниночка», «Ангельчик мой», «бесценный друг мой», обращаясь на «ты»<sup>[236]</sup>. Имена друг друга супруги часто произносили и писали на французский манер.

\* \* \*

Впрочем, не всегда супруги доверяли друг другу. Это зависело от того, как долго они знали друг друга, насколько близки были их интересы. Как вспоминала М.Н. Волконская, до свадьбы она будущего мужа почти не знала. О существовании Тайного общества он ей не рассказывал, так как был намного ее старше и не видел в ней верного друга в этом деле<sup>[237]</sup>.

Жены декабристов последовали за мужьями в ссылку, что было воспринято общественностью как подвиг. Однако, как справедливо отмечает Ю.М. Лотман, следовать за мужем в ссылку было нравственной нормой и для русского простонародья, и для боярских семей. В пору увлечения романтикой общество по-новому оценило этот поступок: «поэзия Рылеева поставила подвиг женщины, следующей за мужем в ссылку, в один ряд с другими проявлениями гражданской добродетели»<sup>[238]</sup>.

Князь Федор Петрович Шаховской в 1826 году был вызван в Петербург для дачи показаний по делу декабристов. Его супруга, Наталья Дмитриевна, переживала за его судьбу и по окончании следствия постоянно ходатайствовала о смягчении его участи. Отцу же, чтобы не волновать его, князь пишет: «Зная чистоту совести и поступков моих, она осталась совершенно спокойною. Переписка наша поддерживает твердость Ея души»<sup>[239]</sup>. В марте 1829 года Шаховской был переведен в Суздальский

Спасо-Ефимьевский монастырь, где скончался на руках верной жены.

\* \* \*

Многие супружеские пары того времени составляли одно целое: имели много сходного в характерах, нравственных установках, образе жизни. Этому способствовало одинаковое воспитание и единый круг общения.

Например, П.А. Вяземский отмечает «скупые пары» (влиятельная «графиня Толстая и ее муж Варфоломей Васильевич»)<sup>[240]</sup>. Некоторые супруги добровольно отдалялись от большого света<sup>[241]</sup>, а некоторые, как чета Закревских (Арсений Андреевич Закревский был в 1848 году назначен московским военным генерал-губернатором), сходились на том, что каждый живет своей жизнью, так как «расчетливый же муж молодой богатой жены, любивший гораздо более женины деньги, нежели ее самое и супружескую честь, не убивался ее развратом, которого она не заботилась и скрывать»<sup>[242]</sup>. Но были и достойные примеры счастливых семейных пар: так, чета Баратынских поражала современников своим спокойствием, упорядоченной, размеренной и тихой жизнью. Жена помогала мужу: сохранилось несколько объемных альбомов со стихами Е.А. Баратынского, переписанных Анастасией Львовной: она переводила его стихи на французский язык, была его музой, а также первым судьей и ценителем его произведений. В стихах, ей посвященных, спустя восемнадцать лет совместной жизни, поэт благодарит супругу:

О, сколько раз к тебе, святой и нежной,  
Я принимал главой моей мятежной,  
С тобой себе и небу веря вновь<sup>[243]</sup>.

Супруги Толстые (художник Федор Петрович с женой) все делали вместе – проводили праздники, обустраивали свое жилище. Их дочь писала, что в казенной квартире – доме с мезонином на Васильевском острове – вся мебель была сделана по рисункам отца охтенским мужичком-столяром. Обивку для мебели из дешевой материи вышивали три ее тетки. Мать украшала мебель греческими узорами, драпировала и вешала занавески<sup>[244]</sup>.

Л.А. Ростопчина приводит письма графа Ф.В. Ростопчина своей жене в 1812 году: «Целую твои ноги, благодетельница, молись за меня Богу: молитвы праведников доходят до Него»; «Целую тебя с сердцем, преисполненным твоими добродетелями, и умом, восхищенным счастьем, какое нас ждет»; «Вернись в город разрушенный, дом разоренный, к мужу

тебя боготворящему и уважающему беспредельно»<sup>[245]</sup>.

Петр Андреевич Вяземский страстно любил жену свою Веру Федоровну. Князь принимал участие в Бородинской битве и накануне писал жене: «Ты в душе моей, ты в жизни моей. Я без тебя не мог бы жить»<sup>[246]</sup>.

Счастье А.С. Грибоедова было недолгим. Сохранились письма его к жене, полные любви и нежности: «Бесценный друг мой, жаль мне тебя, грустно без тебя как нельзя больше»; «Потерпим еще несколько, Ангел мой, и будем, чтобы нам после того никогда более не разлучаться»; «Помнишь, друг мой неоцененный, как я за тебя сватался, без посредников, тут не было третьего»<sup>[247]</sup>.

Василий Иванович Григорович (конференц-секретарь Академии художеств) прекрасно жил со своей женой Софьей Ивановной – «любили друг друга умною, серьезною любовью» и в своих пятерых детях души не чаяли. По вечерам она раскуривала для мужа трубку, а затем они сидели друг против друга в креслах, курили и разговаривали о том о сем<sup>[248]</sup>.

Супруги Милютины (Алексей Михайлович и Елизавета Дмитриевна) двадцать три года прожили в постоянном, неизменном согласии, в сердечной друг к другу привязанности, разделяя обоюдные радости и печали. В письме к брату жены, Павлу Дмитриевичу Киселеву (на тот момент министру государственных имуществ), извещая его о кончине жены в 1838 году, вдовец писал: «Она была женщина необыкновенная, с чувствами возвышенными и сердцем любящим. Я потерял с нею все. Пожалейте обо мне»<sup>[249]</sup>.

Е.Н. Моллер (урожденная Муравьева) пишет в своих воспоминаниях, что жизнь ее была в высшей степени счастливая, так как вышла замуж она по любви за генерала Моллера, обладавшего (по ее словам) лучшими качествами души<sup>[250]</sup>.

Дочь Федора Петровича Толстого вспоминала, что семья их была очень дружная, отношения между родителями – самые нежные. Вот, например, как проводили они зиму 1825 года: днем каждый занимался своим делом, а вечером сходились за работой у круглого стола. Отец изготавливал медали, дамы работали и поочередно читали вслух. Когда Ф.П. Толстого назначили вице-президентом Академии художеств и дали ему чин статского советника, то в семье случился переполох и радость огромная. Его даже насильно усадили в кресло, надели бумажный лавровый венок и в шутку преклонялись перед ним как перед божеством<sup>[251]</sup>.

Н.М. Карамзин через три месяца после женитьбы на Катерине

Андреевне Вяземской писал своему приятелю Вильгельму Вольцогену: «Да, милый барон, я должен лишь благодарить Провидение за мое теперешнее положение, в котором мне почти нечего желать. Милая и нежная супруга – настоящее сокровище в этом мире... Разочаровавшись в иллюзиях, которые манят в юности, человек научается ценить домашнее счастье как истинно ценное...»<sup>[252]</sup> Прекрасные отношения между супругами сохранялись до самой смерти Николая Михайловича.

В своем предсмертном письме жене К.Ф. Рылеев благодарит свою супругу Наталью Михайловну за счастье их совместной жизни: «Ты мой милый, мой неоцененный друг, осчастливила меня в продолжении осьми лет. Могу ль, мой друг, благодарить тебя словами, они не могут выразить чувств моих»<sup>[253]</sup>.

Супруги Давыдовы, Василий Львович и Александра Ивановна, также всю жизнь сохраняли чудесные взаимоотношения. Они женились по любви, хотя поначалу мать юноши не давала согласия на брак из-за бедности и невысокого положения девушки. Но в 1825 году, после смерти Екатерины Николаевны, они смогли оформить брак официально. В 1826 году жена пишет мужу-декабристу, находившемуся в заключении: «Друг мой, с каким нетерпением я жду того счастливого дня, в который тебя увижу, так грустно это, терпение не достает, с тобой, друг мой, я все забываю, даже этот ужасный острог, от которого сердце кровью обливается. Я и в нем буду счастлива с тобой»<sup>[254]</sup>. Ни слова упрека, ни нотаций, только поддержка любимого супруга.

Как правило, именно жены проявляли смирение, чем добивались мира в семье. Умение подладиться под настроение мужа считалось добродетелью. Пример тому можно найти во взаимоотношениях императора Николая I и его супруги Александры Федоровны. Императрица всегда знала по звуку шагов, в каком расположении духа Государь. Однажды она налила ему чашку чая, и камердинер подал ее государю на подносе. Николай попробовал чай, а потом с досадой сказав – «Без сахара!» – бросил ее на пол. Императрица попросила человека вытереть лужицу, не стала говорить, что сахар был в чашке, а налила другую и сама поднесла мужу со словами: «Эта с сахаром». Государь на это сказал присутствующим в комнате: «*Set ange de bonté me désarmé toujours par sa douceur!*» («Этот ангел доброты всегда разоружает меня своей кротостью!»)<sup>[255]</sup>.

Вот как писала их дочь, великая княжна Ольга Николаевна, о своей любимой маман: «Главное ее назначение – быть любящей женой, уступчивой и довольной своей второстепенной ролью. Ее муж был ее



водитель и защитник, пользовался ее абсолютным доверием, и единственное, что утоляло ее тщеславие, это сознание, что он счастлив. Удалось ли ей сделать его счастливым? Прощальные слова моего отца, обращенные к ней перед смертью, пусть будут этим ответом: „С первого дня, как я увидел тебя, я знал, что ты добрый гений моей жизни”»<sup>[256]</sup>.

Несмотря на то что брак великой княгини Екатерины Павловны был мезальянсом и невзрачный супруг не выглядел ей подходящей парой, все же она смогла оценить и полюбить супруга Георга Ольденбургского и, согласно общему мнению, была совершенно счастлива в браке. Ф.П. Лубяновский вспоминал, что когда муж ее, принц Георг, уставал от обилия бумаг и дел и приходил в раздраженное состояние духа, он, бывало, громко кричал в соседнюю комнату (личный кабинет супруги): «Катенька!» Она неизменно отвечала ему: «Я здесь, Жорж», и своим приветливым и веселым голосом снимала и напряжение, и раздражение мужа. Он успокаивался, и работа продолжалась<sup>[257]</sup>.

\* \* \*

С одной стороны, именитые супруги хотели, чтобы их вторыми половинами всегда восторгались в обществе, – но, с другой стороны, это вызывало в них ревность<sup>[258]</sup> и зачастую – вовсе не беспочвенную.

Так, Александра Ильинична Толстая вышла замуж за графа Остен-Сакена, у которого вскоре после женитьбы обнаружились признаки умопомешательства. Сначала они проявлялись как приступы беспричинной ревности, потом развилась мания преследования. Он даже пытался убить жену, чтобы та не попала в руки «врагов». Примечательно то, что Алина (так звали ее в семье) никому об этом не говорила, пока в больнице он не набросился на нее с бритвой и на ее крик не сбежались люди<sup>[259]</sup>.

Граф М.Ю. Виельгорский, по замечанию зятя, «широко пользовался всякого рода приятными развлечениями»<sup>[260]</sup>, однако его жена смотрела на это сквозь пальцы, так что со стороны создавалось впечатление, будто «все в этом доме поют, пляшут и целуют друг друга»<sup>[261]</sup>.

Конечно, в первую очередь женщина старалась сохранить свое доброе имя. Если женщины изменяли мужьям, то молчали об этом – в отличие от мужчин, которые часто бравовали своими победами. Со стороны дамы даже намек на такое событие мог привести к скандалу и дуэли. Нельзя сказать, что все дворянки были безупречного поведения (особенно наглядно это показано в «Дневнике» А.Н. Вульфа<sup>[262]</sup>, а также упомянуто в письмах О. Верне<sup>[263]</sup>), но умели скрывать свои измены.

По замечанию Н.Л. Пушкаревой и С.А. Экштут, в 1820–1830-х годах романтическая литература не столько воспитывала женщин блюстительницами домашнего очага, сколько формировала в их сознании образ демонической женщины, *femme fatale*, нарушающей правила и презирающей условности<sup>[264]</sup>. Однако нарушения эти также оставались в определенных пределах: прослыть распутницей было унижительно, с такой женщиной прекращали общение все ее прежние великосветские знакомые. Позволялись намеки на разбитые мужские сердца, на дуэли за нее, но не более.

Леонтий Дубельт описывает в своем дневнике, какой переполох был в доме балерины Карлотты Гризи, когда в свете узнали о ее связи с отставным офицером Абаза (причем сведения исходили от любовника). На страницах дневника Леонтия Васильевича есть также запись о том, что маркиза Виргиния Боцелла, внебрачная дочь одного из князей Эстергази, находится в тесной связи с Анатолием Николаевичем Демидовым<sup>[265]</sup>.

Вокруг хорошенькой молодой хозяйки всегда образовывался кружок почитателей, и от нее требовался особый такт и умение держать дистанцию, чтобы не давать повода даже думать о близких отношениях с кем-либо из посетителей. В рассказе Л.В. Бранта «Коробочка» один мужчина, частый гость на маленьких вечерах, возжелав стать любовником хозяйки, стал смело ее преследовать, решился даже писать к ней по городской почте, дерзко требуя свидания. Теща разбранила наглеца, а Ольга (хозяйка дома) прямо ему сказала, что он глупец и только по этой причине ему прощается. За эту резкость мужчина стал усердно распространять порочащие Ольгу слухи. А. Павлова приводит аллегорические прозвища мужчин, которые рассказывают о своей победе над женщиной и уничтожают ее честь: лев, онагр, Актеон<sup>[266]</sup>.

Из-за таких слухов супруги и ссорились. При этом дальнейшее поведение участников ссоры диктовалось складом характера. Супруги запирали двери спальни, прекращали разговаривать друг с другом. Рукоприкладство не афишировалось, поскольку ударить женщину считалось поступком, позорящим мужчину, – но и не слишком осуждалось. Часто жены пользовались своей нервической слабостью, чтобы добиваться от супругов нужных им действий (падали в продолжительные обмороки, жаловались на онемение рук и ног, изображали судороги и так далее).

Ценность брака в первой половине XIX столетия была выше, чем теперь, но все же и тогда некоторые супруги не дорожили хорошими отношениями. Например, полковник А.Г. Замятнин опасно заболел, к нему

примчалась из другого города жена, и первые его слова к ней были: «Пашенька, ах, зачем ты приехала?» Такое приветствие «словно обдало ее холодом»<sup>[267]</sup>. Несмотря на официальное разрешение властей, развод осуждался обществом, казался чем-то «языческим и чудовищным», поэтому супруги зачастую просто разъезжались.

В рассказе Л.В. Бранта «Коробочка» ревнивый муж говорит: «Роль светского мужа не по мне. Я получил воспитание простое, старинное. Мы тихо разойдемся... навсегда»<sup>[268]</sup>. А.И. Дельви́г пишет, что возмутительным было поведение жены генерал-губернатора Москвы Закревского и его «дочери, графини Нессельроде, давно разъехавшейся с мужем и жившей у своего отца, который ее чрезвычайно любил, хотя и знал, что она родилась во время связи его жены с графом Армфельдом, впоследствии статс-секретарем по делам великого княжества Финляндского»<sup>[269]</sup>. Дочь Арсения Андреевича Закревского, Лидия Арсеньевна, вторично вышла замуж за Дмитрия Владимировича Друцкого-Соколинского (однако второй брак был признан Синодом недействительным).

В «Старой записной книжке» П.А. Вяземского описан случай, когда супруги рассорились и разъехались после серебряной свадьбы. На именины мужа жена «заготовила ему с полдюжины сюрпризов, разные подарки, обед на славу, пир на весь мир, вечером – спектакль и бал; одним словом – торжество на целые сутки. Муж был не в духе и все это принял брюзгливо. Когда кончился день и гости разъехались, он пенял жене, что она сделала большие издержки, что все это одна суетность, и так далее, и так далее. На следующий год, в день совершившегося двадцатипятилетнего брачного счастья, жена, помня прошлогоднее головомытье, ничего не готовит для празднования этого дня. Она молчит, и муж молчит. День прошел ничем не отмеченный. Недовольный супруг пеняет жене своей за невнимание ее, за равнодушие, за холодность. Она сердито отвечает, что худо была прошлого года вознаграждена за все свои сердечные заботы и за желание угодить ему. Муж пуще сердится, разговор обращается в крупный спор, спор в ссору, ссора чуть ли не в драку. На другой день двадцатипятилетние супруги навсегда разъехались»<sup>[270]</sup>.

Поэт Платон Александрович Кусков вспоминал, что его бабушка и дедушка 20 лет не разговаривали оттого, что бабушка не могла простить мужу измены с крепостной девушкой Дарьей. В доме дедушку уважали, каждое его желание должно было быть исполнено прежде всего, но никто не старался предупредить его желания (потому и ребенок шел к нему,

только когда дед сам звал его или пел песни). Дарья продолжала работать у них в доме, но любил ее только внук, остальные же домочадцы с ней и не разговаривали без нужды, хотя она была очень доброй и скромной женщиной<sup>[271]</sup>. Связи с крепостными были явлением весьма распространенным. Мемуарист А.Н. Вульф писал, что его тверской дядя Иван Иванович в несколько лет в Петербурге расстроил свое имение, уехал в деревню, где оставил жену, завел гарем из крепостных и нажил там с дюжину детей<sup>[272]</sup>.

В 1802 году князь Александр Голицын проиграл в карты графу Льву Разумовскому свою жену, Марию Григорьевну. Общество разделилось на тех, кто резко осуждал участников, и на тех, кто спокойно отнесся к разводу и повторному браку Марьи Григорьевны. Император в 1809 году назвал ее графиней, так что она наконец вступила в права законной жены<sup>[273]</sup>.

А.И. Дельвиг вспоминал, что жена его дяди, А.А. Дельвига, была доброй и миловидной женщиной, однако чрезвычайно вспыльчивой: она устраивала такие сцены своему мужу, что их можно было выносить только с его хладнокровием<sup>[274]</sup>.

Поводом для размолвок могла быть также и духовная жизнь супругов. Так, например, испортились отношения между супругами Ростопчинскими после того, как жена тайно приняла католичество<sup>[275]</sup>.

В семье М.И. Глинки разлад между супругами вносила мать жены («бедовая теща», как называл ее композитор). К тому же супруга была не музыкальна, интересов мужа не разделяла, и высокая сфера музыки была ей недоступна (зато она очень любила наряды, балы, экипажи, лошадей). Конечно, Марья Петровна таковой была и до свадьбы, но после эти недостатки в глазах Михаила Ивановича неуклонно росли. Однажды супруга заболела воспалением легких; врачу С.Ф. Вольскому удалось ее спасти, но капризы жены после ее болезни совершенно уничтожили и без того недружный брак (как считал М.И. Глинка). Первая сцена была из-за того, что муж не разрешил еще не выздоровевшей Марье Петровне навестить сестру, жившую неподалеку по соседству (погода была скверная): жена начала плакать, а теща шипела и ругалась. Такие сцены стали повторяться; Глинка ходил молча из угла в угол под шипение тещи и всхлипывание супруги, пока красноречие тещи не иссякало, а потом одевался и уходил (иногда на несколько дней) к приятелям. В конце концов они разъехались, развелись, и каждый впоследствии вступил в брак повторно<sup>[276]</sup>.

Дурные семейные отношения находили отражение и в художественной литературе. В «Семействе Холмских» Д.Н. Бегичев пишет, что Матвей Алексеевич Рифейский предпочитал оставаться подольше в Английском клубе – лишь бы поменьше общаться с женой. Вернувшись как-то раз пораньше домой, он воскликнул: «Ах, Боже мой! Какая адская жизнь!» – досадовал, что рано вернулся на «каторгу», на что жена Настасья Ивановна отвечала рыданием и истерикой. Подобные сцены происходили в семье почти каждый день [\[277\]](#).

Виновная сторона после развода не имела права вступать в повторный брак, однако этот запрет иногда нарушался. Например, генерал-адъютант, строитель Николаевской железной дороги П.А. Клейнмихель, разведенный с первой женой (В.А. Кокошкиной) по указу Синода, был лишен права вступать во второй брак, но, вопреки правилам и общественному мнению, женился на молодой, богатой, бездетной вдове Клеопатре Петровне Хорват, урожденной Ильинской [\[278\]](#).

\* \* \*

Супруги, знавшие нормы и правила поведения в свете, не всегда придерживались их в домашней обстановке с родными. Но в большинстве семей старались сохранить такт и взаимоуважение. Несмотря на то что браки часто заключались по расчету, супруги поддерживали ровные отношения, соблюдали приличия в свете, чтобы не уронить честь семьи.

В начале XIX века в общественном мнении развод все еще считался недопустимым и осуждался, даже разъезды супругов вызывали толки. К середине столетия картина меняется. Эмансипация еще только начала затрагивать консервативный мир дворянок, свое право любить человека по своему выбору они высказывали очень робко. Проблемы, возникающие между супругами, принято было решать за закрытыми дверями, не обсуждая в обществе.

Супруги жили на разных половинах дома. Это не порождало между ними отчужденности, но давало возможность обоим супругам иметь свою сферу в доме – это касалось не только ведения хозяйства (финансы, как правило, контролировал муж), но и интересов, которые второй супруг мог не разделять.

Итак, мужчины ходили на службу или занимались делами поместий, женщины вели хозяйство и воспитывали детей. Но, помимо разговоров о родственниках и хозяйстве, члены семьи принимали участие в совместных увеселениях.

## 5. Домашний досуг

В культурологии существует понятие «досуговое общение», то есть общение людей в свободное время. Досуговое общение – это свободная деятельность, приносящая радость, удовольствие не только от результатов, но и от самого процесса. Безусловно, досуговое общение имеет огромное значение в семейной жизни и особенно в нравственном воспитании детей<sup>[279]</sup>.

Досуг в XIX веке, как и сейчас, воспринимался людьми как время, свободное от работы. В.И. Даль дает такое определение: «свободное, незанятое время, гулянки, гулячая пора, простор от дел»<sup>[280]</sup>. К досугу можно условно отнести и балы, и заседания в Английском клубе, но мы остановимся подробнее на специфике домашнего досуга. Его можно условно разделить на досуг в будние дни и в праздничные. «Обычным признаком праздника является его четкая отграниченность от остального, „непраздничного“ мира, отграниченность в пространстве – праздник часто требует другого места (более торжественного: парадная зала, храм; или менее торжественного: пикник, трущобы) и особо выделенного времени (календарные праздники, вечернее и ночное время, в которое в будни полагается спать)», – писал Ю.М. Лотман<sup>[281]</sup>.

В просвещенной дворянской среде большой популярностью пользовались домашние спектакли. По выражению Лотмана, «театр вторгся в жизнь, активно перестраивая бытовое поведение людей». Развлечение это появилось еще в XVIII веке, и принимали в нем участие как титулованная столичная аристократия, так и провинциальное дворянство. Артистами, музыкантами и даже билетерами домашних постановок выступали сами хозяева и их гости. Особенно модными «благородные» спектакли стали во времена правления Павла I. В Москве в течение недели давалось по несколько представлений; Петербург не отставал от Москвы. Известный театрал князь А.А. Шаховской признавался, что почти каждый день участвовал в любительских спектаклях и ему приходилось учить по две роли сразу.

Домашние спектакли, как правило, проводились в одном из наскоро переоборудованных залов, но иногда строили и специальные театральные здания. Игались русскоязычные и переводные пьесы: комические оперы, балеты, трагедии, драмы, комедии, водевили.

М.Ф. Каменская, дочь художника Ф.П. Толстого, вспоминала, как на



именины или другие праздники они устраивали представления, для которых все делали своими руками и втайне от виновника торжества. В 1826 году на именины отца маменька решила сделать ему сюрприз: Николай Иванович Гнедич отрепетировал с ее сестрой и дядей, Константином Петровичем, сценку «Антигона и Эдип». Сделали декорации, маменька сшила костюмы... Но декламация исполнителей-самоучек была настолько ненатуральной, что отцу этот подарок крайне не понравился. Во время представления случались смешные казусы, которые только забавили публику: то дядя Константин Петрович выбежит на сцену, пока занавес еще не поднят, и только его ноги в полосатых чулках пробегут, то Надежда Петровна что-нибудь перепутает в тексте – вместо «А к нам гостей путем поналетало» скажет: «А к нам гусей поналетало»<sup>[282]</sup>.

Маленькие дети, которым не разрешали принимать участие в представлениях наравне со взрослыми, переняв их манеру, также разыгрывали разные сценки между собой. Например, Елизавета Ивановна Менгден вспоминала, что детьми их часто возили к бабушке, Екатерине Алексеевне Бибиковой, где перед ней устраивали «представление Андромеды»: брат привязывал Лизу к стулу, сам в роли дракона надевал шубу на выворот и бросался на нее, а сестра Катя в мужской шляпе и шали, перекинутой через плечо, освобождала пленницу. Лиза по-настоящему боялась шубы, а бабушка от души смеялась<sup>[283]</sup>.

Наряду с домашними спектаклями в дворянских семьях любили ставить так называемые «живые картины». Для них выбирали религиозные, мифологические, исторические, литературные, сказочные сюжеты, хорошо известные всем присутствовавшим. Матери семейств получали возможность блеснуть красотой и актерским талантом, но вот незамужние девушки остерегались привлекать к себе слишком много внимания и потому участвовали в живых картинах и спектаклях неохотно.

Во время войны с Наполеоном дворяне старались отказаться от французского языка, культуры – касалось это и постановок «живых картин» с французской тематикой. Французские спектакли в «частных домах» возобновились лишь после изгнания неприятеля из России: возврату к этой развлекательной практике содействовал лично М.И. Кутузов. Желая сделать подарок своей жене и зная, как это «устроить», фельдмаршал зимой 1813 года во время похода по Германии просил у императора разрешения возобновить постановку французских пьес в Санкт-Петербурге. Государь не мог отказать спасителю Отечества. 19

февраля первый такой спектакль состоялся в доме А.Л. Нарышкина<sup>[284]</sup>.

А.О. Смирнова-Россет рассказала об одной такой постановке: делали живые картины на тему «Урок музыки в Торбюри». Граф Гаген, секретарь прусского посольства, изображал игру на виолончели; Александра Осиповна в широких рукавах с кружевами, в длинных локонах и наурмяненная сидела, облокотясь, и слушала; стол был накрыт ковром. Ее тетка Татищева одевала Софью Урусову и забыла ее наурмянить, поэтому той пришлось закрывать лицо нотами. Медем подошел и сказал: «О, любезная Розалия!»; Потоцкий издала протягивал руки черноокой красавице. Публике так понравилось, что артистов заставили повторить картину. Потом была картина графини Завадовской «Мать Гракхов»: сама графиня лежала на кушетке, дети (сыновья Сенявины) стояли у нее за спиной. Эту картину повторяли три раза: «Она так была хороша и в ней было столько спокойной грации, что все остолбенели»<sup>[285]</sup>.

Во время так называемого «Сюрприза» на обеде в честь графа А.С. Строганова (президента Императорской академии художеств) его родные и друзья устроили для него целую выставку из «живых картин», восхваляющих его заслуги и таланты: «Зал был превращен в настоящий Храм искусств. На двух больших платформах была сооружена очень красивая колоннада наподобие открытой галереи. В арках галереи стояли те самые молодые артисты, окруженные атрибутикой всех видов искусств. Костюмы артистов были превосходны. Все это производило грандиозное впечатление. Молодыми артистами были дети Строгановых и Апраксиных. У каждой из арок галереи, у колонн, спереди и в глубине, были размещены плакаты, на которых было написано, какой из видов искусств артистом в этой арке представлен». В первой арке Владимир Апраксин будто проектировал Храм Искусств. Мадемуазель Адель Строганова находилась во второй арке – она представляла искусство чеканки и литья медалей. Далее Наталья Апраксина представляла Скульптуру и делала вид, что обрабатывает кусок мрамора. В четвертой арке Натальей Строгановой был представлен Рисунок. В пятой арке мадемуазель Апраксина держала в руках гравюру. В шестой арке – Живопись, воплощенная Елизаветой Строгановой. В глубине зала – Александр Строганов со своим гувернером. Вокруг них была установлена большая картинная рама. Они изображали, как Рубенс пишет портрет сына, бросая восхищенный взгляд на него. Каждая картина сопровождалась соответствующими стихами. У входа в зал написано было следующее стихотворение:

Бессмертные шедевры, что восхищают нас и нами так любимы,

Сотворены достойно и в будущее смотрят.  
И тот единственный, что всех объединяет,  
Сам есть Шедевр!»<sup>[286]</sup>

Подобные домашние развлечения позволяли членам семьи реализовать свои таланты, сделать жизнь разнообразнее, отвлечься от тягот по службе, забот о хозяйстве или мыслей на политические темы. И конечно же, помогали объединить членов семьи за одним делом, создать и поддерживать семейные традиции.

\* \* \*

П.И. Сумароков, несколько идеализируя прошлое, писал, что люди в начале XIX века «не дружились с целым городом, составляли общества из десятка коротких домов, не затруднялись что сказать, о чем спросить, и язык был поверенным сердца, поочередно посещали друг друга, старушки засядут в ломбер, памфил, по гривне; показалось лото – гремели мелкие монеты, кричали *амбо, терноры, кватерно*, спорили, уличали, что не так поставлены номера. Старики сражались в *тафлеи, в пикет*<sup>[287]</sup>, или особо рассуждали. Барышни в другой комнате забавлялись в фанты: *ох, болит, сижу посижу, весь туалет*; – громкий смех не перемежался»<sup>[288]</sup>.

Если в доме собиралось много молодежи, то для нее устраивались принятые для веселого времяпрепровождения игры. Были популярны и русские, и иностранные, например:

- «Письменные вопросы и ответы» – пишутся вопросы, бумажки перемешиваются и на них пишутся ответы. Затем секретарь к общему веселью их зачитывает.

- «Двойная декламация» – одна девушка сидит на коленях у другой, на последней покрывало, скрывающее все, кроме рук, и читает стихи; другая же всячески ей мешает своими жестами – то угрожая, то делая подарки, простирает руки и делает все, чтобы развеселить общество. Игра заканчивается, когда читающая стихи рассмеется и прекратит чтение.

- «Двусмысленное слово» – один человек удаляется из комнаты, в то время как оставшиеся придумывают какое-нибудь слово, а затем по очереди объясняют его значение вернувшемуся. Когда он угадает загаданное слово, то меняется местами с тем, кто наиболее доходчиво его объяснил.

- «Игра в тарелки» – вначале играющим раздаются имена (часто еврейские – Шмуль, Ицик и другие), потом один из игроков выходит в центр, ставит тарелку ребром, заставляет ее вертеться, а затем называет

одно из имен. Тот, чье имя прозвучало, должен продолжить движение тарелки и назвать имя следующего игрока. На ком тарелка остановится, тот платит фант или что-либо другое по условию.

- «Визави» – часть общества удаляется, а оставшиеся в комнате выбирают себе из первой группы, кого представлять. Из первой группы по одному проходят в комнату и пытаются угадать, кто выбрал его. Угадав, становятся за стул избравшего, если нет, то удаляются для повторной попытки<sup>[289]</sup>.

- «Туалет» – игроки называются разными предметами, ведущий называет их, а потом, по команде распорядителя «Весь туалет!», играющие должны повскакивать со своих мест и поменять их, а кто окажется без места – с того берут штраф. (На одном из вечеров в Николаевском дворце распорядителем игры был сам Николай I, а С.М. Загоскин занял стул прежде императрицы, но был за то только поощрен императором<sup>[290]</sup>.)

- В игре «сижу-посижу» девушка с завязанными глазами ходит в кругу подружек и приговаривает: «Братцы, сестрицы! Примите меня. Братцы, сестрицы! Возьмите меня». Девушки отвечают ей: «Иди по нас». Девушка подходит и садится к кому-нибудь на колени, приговаривая: «Сижу-посижу». У кого она сидит, тот должен молчать. Остальные ее спрашивают: «У кого?» Если девушка отгадает это лицо, то ему передается обязанность ведущего.

Эти и подобные игры были распространены и у простого народа. Но не считалось зазорным, как видим, и дворянам играть в них. В этом просматривается единство культурной среды. Обучаться играм могли и в деревнях у крестьян, и от гостей дворянских детей.

Были также популярны шарады, весьма схожие с «живыми картинами»: когда одни участники изображали отдельные слоги загаданного слова, а другие пытались догадаться, что было зашифровано. Подобным образом разыгрывались также загадки, каламбуры, логогрифы<sup>[291]</sup>, омонимы, анаграммы, романсы.

\* \* \*

Вне дома, на открытом воздухе, была очень популярной игра в свайку: на землю выкладывали железную ось и метали кольца, стараясь попасть в самую середину, на толстый гвоздь – свайку. Также с увлечением играли в горелки (обычно с крепостными девушками) – как Алексей из знаменитой пушкинской «Барышни-крестьянки». Такая практика совместных игр дворянства и крестьян несколько сокращала культурный разрыв между

сословиями. Игры позволяли легкий флирт, позволяли молодежи весело провести время в приятном несерьезном общении и лучше узнать друг друга.

Взрослые и дети любили кататься на тройках. В Москве на Масленицу благородное общество направлялось на Москворецкую набережную, где устраивались грандиозные катания, а на Вербную субботу катались на экипажах по главным московским улицам близ Кремля. «Семика» («Зеленый четверг», седьмой четверг после Пасхи за три дня до Троицы) отмечали гуляниями в Марьиной роще у графа Шереметева, Пасху – гуляньем под Новинским<sup>[292]</sup>. В Москве общественные балы устраивались зимой в Благородном, Купеческом и Немецком клубах, а летними вечерами дворяне чинно гуляли семьями (детям даже за городом не разрешали шуметь)<sup>[293]</sup>. Аристократическая, дворянская Москва конца XVIII и начала XIX века прогуливалась преимущественно по Тверскому бульвару и на Пресненских прудах<sup>[294]</sup>.

Что касается развлечений дворян старшего поколения, то огромную их часть составляли игры в карты. М.А. Бестужев-Рюмин отмечал, что нередко были случаи обмана, когда хозяева при игре в бостон вытягивали с гостей рублей сто благодаря заранее оговоренным жестам<sup>[295]</sup>.

К сожалению, здесь мы не имеем возможности в полной мере рассказать об огромной и своеобразной культуре карточных игр в России. Она подробно описана в трудах Ю.М. Лотмана, Г.Ф. Парчевского, В.И. Чернышева, В.В. Шевцова и других исследователей<sup>[296]</sup>.

\* \* \*

В будние дни свой досуг женщины занимали рукоделием. Многие создавали своими руками замечательные по красоте и качеству исполнения работы. Как отмечает жена британского посланника в России Анна Дисборо, столичные дамы «весьма изобретательны в рукоделии, особенно в рисовании и вышивке по ковру, и производят всевозможные виды красивых вещей»<sup>[297]</sup>. П.Ф. Вистенгоф, превознося в своем описании Москву, упоминает о том, что девицы устраивают базары в пользу бедных, где продают свои работы. Существовала также практика устраивать дома благотворительные лотереи. После одной такой лотереи в доме у графов Строгановых Софья Сергеевна писала В.П. Флерову: «Вот, любезный Василий Павлович, коврик для щипцов, который вы у нас выиграли. Он Лизанькиной работы, и может вам пригодиться; надеюсь, что он вам понравится»<sup>[298]</sup>.

Мужчины свое свободное время часто посвящали охоте («Здесь охотятся буквально на все: от медведя до воробья», – замечал британский посол Э.К. Дисборо<sup>[299]</sup>). Распространенность охоты не была связана с царскими предпочтениями: по свидетельству Н.И. Кутепова, императорская охота в начале века переживала упадок и начала вновь расцветать лишь во второй половине правления Николая I. Этот царь не был страстным охотником, но все же любил охоту на оленей и мелкую дичь – зайцев, фазанов, куропаток. В основном же охоты устраивались для приглашенных именитых гостей<sup>[300]</sup>.

Досуговое общение помогало создать уют и обеспечить полноценный отдых всем членам семьи. Совместные развлечения объединяли людей, а также позволяли развиваться талантам. Что еще способствовало консолидации семьи? Конечно же, общие трапезы.



## 6. Культура общения за столом

Культура питания является неотъемлемой частью культуры повседневности. Как сервирован стол, какие темы разговора приняты за трапезой, что лежит на тарелках участников застолья, как они пользуются столовыми приборами – во всем этом проявляются внутренняя жизнь человека, уровень его жизни и нормы социума. Отличия дворянского сословия от прочих жителей России, конечно же, проявлялись и в особенностях блюд, и в манере держать себя за столом (есть аккуратно, неспешно, используя разнообразные приборы и так далее). Хорошим тоном считалось гостеприимство и умение вкусно накормить и развеселить гостей.

\* \* \*

За столом собиралась вся семья (а в ресторанах обедали лишь холостяки<sup>[301]</sup>). Обедали в столице примерно с четырех часов до пяти, когда глава семьи возвращался со службы. Согласно приличиям, «когда обед не церемонный, и за ним присутствуют родственники и приятели, то все глубокие тарелки для супу ставятся обыкновенно перед хозяйкою, которая в таком случае сама разливает суп, а лакей разносит его по сидящим за столом»<sup>[302]</sup>. Затем пили чай, который также разливала молодая хозяйка или дочь-невеста, угощая всех собравшихся. Чай в России предпочитали черный, байховый, или цветочный – с сахаром<sup>[303]</sup>.

Е.А. Сабанеева в деталях вспоминает домашние обеды в доме своего деда, князя П.Н. Оболенского: «Дедушка кушал всегда на своей половине, в маленькой гостиной, семья же – в столовой, и во главе стола бабушка-фрейлина, когда она здорова. Я очень помню этот большой стол, за который не садилось менее 15 и даже до 20 человек, когда мы гащивали у дедушки. Подле бабушки всегда сидели почетные гости: дяди, тетки, мои родители, затем – одна бедная вдова с дочерью, живущая всегда в доме, Лизанька – сиротка, которую бабушка взяла на свое попечение, и мы, внуки, между ними в конце стола». Потом, перед тем как подавали пирожное, появлялся в гостиной дедушка, всегда опрятно и красиво одетый, с орденским крестом на шее: «Дедушка прежде всего подойдет к концу стола, где сидит бабушка, и там поговорит со всеми, затем обходит весь стол, всякому скажет доброе слово, с детьми, которых обожал, он всегда шутил»<sup>[304]</sup>.

Хлебосолье, входившее в привычку у дворянских семей, описано у многих мемуаристов. Так, у Ф.В. Булгарина мы находим описание обеда «запросто, на двадцать четыре куверта»<sup>[305]</sup>, ведь в Северной столице не скупилась на угощения. Это повседневный обед, за которым были гости, приглашенные без особого случая. «Пожилые люди разговаривают о погоде, повышениях и наградах. Дамы о современных происшествиях в гостиных, о моде и о Москве, т. е. об оставшихся в провинции родных. Это необходимый предмет разговора. Девушки разговаривают или со своими кавалерами, или между собой, о всякой всячине»<sup>[306]</sup>. Несмотря на то что эти разговоры были праздными, общая трапеза и атмосфера дружелюбия сплачивали людей, укрепляли связи между всеми собравшимися.

В повести «Идеал» Е.А. Ган героиня рассказывала, что к обеду у полковника «сходило человек двенадцать офицеров и оглашали маленькую комнату шумными разговорами; иногда, в веселый час, подчиненные отпускали полковнице по комплименту, всякий по своему умению, и после обеда все расходились спать»<sup>[307]</sup>.

В.П. Бурнашев говорит, что у графа Д.И. Хвостова всегда было очень много гостей, которых потчевали так: «чайный и кофейный завтрак, мясной, рыбный и шоколадный фриштик, затем полдник с бульоном и разными легкими кушаньями, далее в четвертом часу обед не иначе как в 8 блюд, правда, не всегда вполне удачных, в семь часов вечера чайный стол с всевозможными тортами, бисквитами, пряженцами, кренделями, сушками и пр., а в 11 часов ужин не менее как в 4 блюда с горячим мясным или рыбным»<sup>[308]</sup>.

В.А. Соллогуб вспоминал, что «главным и любимейшим их развлечением бывали обеды, даваемые в то время старушкой, приятельницей бабушки, графиней Апраксиной». Две сестры, суетливые, вечно жаловавшиеся на судьбу, приглашали его с братом, гувернера, приживалок бабушки и еще нескольких гостей обедать. «Подадут обед прекрасный: хозяйка в конце обеда спросит, хорошо ли угощенье, мы все станем рассыпаться в похвалах; вдруг Апраксина разрыдается и заголосит: „Да, вот обед хорош, а представьте – заплатить за него нечем, нечем”»<sup>[309]</sup>. И это бывало за каждым обедом! Но поскольку присутствовавшие были привычны к такому поведению хозяйки, то настроение их ничуть не портилось и все расходились довольные и умиротворенные.

Насколько важны были такие гостеприимные обеды, показывает случай с Сергеем Павловичем Потемкиным. Мать его не любила, была женщиной

взбалмошной и безнравственной, имела много связей, прежде чем вышла во второй раз замуж за М-а (офицера Измайловского полка), который также еще до свадьбы был у нее на содержании. Желая примирить их с сыном, А.В. Кочубей уговорил его дать обед и пригласить на него мать с ее вторым мужем – в итоге семейный мир был восстановлен<sup>[310]</sup>.

\* \* \*

Обычно в своих литературных произведениях и воспоминаниях дворяне пишут о трапезах с большой теплотой, так как протекали они тихо, без скандалов и ссор (за детьми, если они присутствовали, для этого следил гувернер). «Семейный обед наш кончился среди задушевных разговоров, в которых весело и непринужденно выливались все думы, все желания беседующих. Тепло и приветно бывало мне всегда в кругу милых и добрых сестер, в присутствии снисходительной матери», – говорила героиня романа «Александрина»<sup>[311]</sup>. Исключения из этого «общедворянского» правила составляют, пожалуй, лишь некоторые неблагополучные семьи, где за столом старались не обидеть друг друга, но после никаких бесед в добром тоне не вели (как, например, в семье Гончаровых, будущих родственников А.С. Пушкина, когда дети старались поскорее удалиться после общей трапезы<sup>[312]</sup>).

Во время особенно больших парадных обедов гостей рассаживали «официально»: мужчины чередовались с женщинами, что располагало к легкому флирту и разговору на несерьезные темы, в основном касательно анекдотов об известных людях. За семейным же обедом обсуждались темы более серьезные, касающиеся непосредственно семьи. Но если при этом присутствовали гости, разговор принимал уже другой характер: о погоде, о путешествиях за границу, о новостях в мире и в высшем свете. Существовали мужские темы для разговоров – политика, философия, религия, литература – и женские: дети, модные лавки, домашнее хозяйство.

По мнению наблюдателя середины XIX века, московские жители были гостеприимны, откровенны, услужливы, добры, щедры, легко знакомились и вообще любили рассеянный и просторный образ жизни<sup>[313]</sup>. В конце XVIII и в начале XIX столетия в Первопрестольной распорядок приема пищи было примерно следующим: «От обедни ехали домой обедать. Обеды были ранние, если не приглашали гостей. Но какой же праздничный обед в богатом московском доме мыслим был без гостей? Различали только большие и малые обеды; это значит, больше или меньше гостей ждали и только. <...> У некоторых москвичей еда превращалась прямо в какой-то

культ, и вся жизнь шла от обеда до ужина, а от завтрака до обеда, а там снова до ужина, с короткими промежутками для сна или для прогулки в экипаже»<sup>[314]</sup>. У «одержимых» пищей людей настроение напрямую зависело от ее качества. Например, как пишет П.А. Вяземский, «NN. говорит о Виельгорском: „Нельзя быть любезнее его, но за дурным обедом он становится свирепым”»<sup>[315]</sup>. Впрочем, подобное поведение было скорее исключением: потакать слабостям в ущерб хорошему тону, приятному светскому разговору было неприлично, все прощалось лишь очень состоятельным и высокопоставленным (как М.Ю. Виельгорскому) или неординарным людям (выдающимся писателям, музыкантам). При больших доходах всякое отступление от великосветских манер принималось за невинную шалость и милую особенность. Зато соблюдение правил и радушие у крезов превозносились как невиданные добродетели. К чести обеспеченных дворян начала XIX века стоит отметить, что прижимистость они воспринимали как дурной тон, обеды устраивались «с запасом» (если пожалует незваный гость). Случаи плюшкиных, которые все остатки вин и наливок приказывали сливать в одну бутылку и этой смесью потчевали гостей в будни (а то и пили ее сами), передавались из уст в уста как что-то экстраординарное.

В конце XVIII века особенным размахом гостеприимства отличался граф Алексей Григорьевич Орлов. Также славились своими еженедельными зваными обедами А.С. Небольсина на Поварской, князь Ю.В. Долгоруков на Никитской, дивные празднества устраивал С.С. Апраксин. Как вспоминала А.Ф. Кологривова, «зиму 1812 года провели мы, как и всегда, на балах, концертах, благородных спектаклях, из которых лучшие бывали у Степана Степановича Апраксина и у князя Петра Ивановича Одоевского»<sup>[316]</sup>. Граф С.С. Апраксин с 1809 года жил в Москве, где прославился своими обедами, приемами, а также литературными вечерами и спектаклями в своем театре, в постановках которого принимали участие князь Иван Михайлович Долгоруков, Алексей Михайлович и Василий Львович Пушкины, князь Федор Николаевич Голицын и другие любители театра.

Сенатор Григорий Аполлонович Хомутов также славился хлебосольством: на балы и обеды к нему съезжалась вся московская знать, литераторы, поэты и другие известные люди<sup>[317]</sup>. Его дом располагался на Басманной, а после пожара 1812 года – на Мясницкой.

Д.Д. Благово писал, что его бабушка была большая хлебосолка и любила кормить сытно, вкусно, а главное – не смотрела на знатность гостя.

Когда в простые дни у нее обедали только близкие люди, то и тогда всего с избытком подавалось, а уж званые обеды отличались особой роскошью и продолжались часа три<sup>[318]</sup>.

В.В. Селиванов тепло вспоминал о своей бабушке, Анне Акакиевне фон Рехенберг, которая жила в Москве в 1830-х годах на квартире. Она была отменной хлебосолкой – всегда кормила вкусно и чуть ли не силой заставляла есть, так что внук еле доезжал до дома после ее обедов. Посуда у нее была объемная, и пирожки пеклись всегда весом едва ли менее полуфунта<sup>[319]</sup>.

«В старину [в 1810-е] обедавали семейно, а ужинали в гостиных с гостями. Ужин был завершение, увенчание заботливого дня; послеужинный разговор был свободнее и мог быть продолжительнее разговора послеобеденного. Теперь съезжаются за пять минут до обеда и обыкновенно разъезжаются после кофе. Выгоды и прелести общежития и разговорчивости от этого страдают», – писал князь П.А. Вяземский в 1870-х годах<sup>[320]</sup>.

Безусловно, праздничные обеды требовали значительных расходов, но и каждодневные трапезы во многих домах, особенно в Москве, как мы видим, отличались изобилием. Часть продуктов шла от крепостных крестьян из имений и хорошему хозяину доставалась задешево<sup>[321]</sup>, часть – покупалась. Например, князьям Голицыным из их пермских вотчин поступали малина, морошка и рябчики. Дома слуги готовили пастилу, варенья<sup>[322]</sup> (малиновое, смородиновое и из морошки), варили квас и кислые щи. Покупались же изыски либо то, чем не были богаты имения дворян, – менее обеспеченные были вынуждены покупать и мясо, и рыбу, и овощи, и фрукты. Чем больше хозяин хотел поразить гостей, тем более дорогой магазин ему приходилось искать.

Среди богатых дворян был весьма развит, если можно так выразиться, дух соревновательности: у кого лучше повар, у кого оригинальней выглядят блюда, у кого зимой на столе представлены ягоды и так далее. Имело значение даже то, в каком магазине покупались продукты и кто их изготовил. Герой «Коробочки» Л.В. Бранта говорил: «следуя за большинством, я беру конфеты у Балле, ем излеровские растегайчики и кюрю спиглазовские папирсы»<sup>[323]</sup>.

Хозяева, чтобы развлечь гостей, составляли необычное меню. Эта особенность в культуре помещиков сложилась еще в середине XVIII века, как бы в противоположность боярам прежней эпохи, не отличавшимся ни образованностью, ни изысканностью<sup>[324]</sup>.

Если хозяин придерживался русского уклада, то к столу подавали традиционные блюда (которые столь красочно описаны Н.В. Гоголем в «Мертвых душах»: столы Манилова, Коробочки, Собакевича). Если хозяин увлекался западноевропейской культурой, повара пользовались французскими рецептами<sup>[325]</sup>, не забывая и о русских кушаньях. По свидетельству П.А. Вяземского, «в Москве до 1812 г. не был еще известен обычай разносить перед ужином в чашках бульон, который с французского слова называли *consommé*. На вечер у Василия Львовича Пушкина, который любил всегда хвастаться нововведениями, разносили гостям такой бульон, по обычаю, который он, вероятно, вывез из Петербурга или из Парижа. Дмитриев отказался от него. Василий Львович подбегает к нему и говорит: „Иван Иванович, да ведь это *consommé*”. „Знаю, – отвечает Дмитриев с некоторою досадою, – что это не ромашка, а все-таки пить не хочу”»<sup>[326]</sup>. Однако при всей любви к заморским кушаньям на столе всегда присутствовали национальные блюда и напитки. По замечанию Теофиля Готье, который в 1858 году посетил Россию, «подражая французской кухне, русские остаются верны некоторым национальным блюдам, и, положив руку на сердце, именно они-то и нравятся им более всего»<sup>[327]</sup>.

В России с начала XVIII и до конца XIX века существовал обычай звать гостей специально на какое-то центральное блюдо. Звали на осетра донского, на стерлядь сурскую, на икру уральскую, на семгу беломорскую, на рыжики каргопольские, на балык астраханский, на наважку мезенскую, на омулька байкальского, на шемаю азовскую, а также на гуся, индейку, поросенка с кашей – то есть либо на особо торжественное блюдо, либо на столь редкое, региональное, производимое так далеко, что оно не всегда привозилось для продажи в данном городе, а доставлялось откуда-нибудь с оказией, специально для хозяина<sup>[328]</sup>.

Анна Дисборо рассказывала, как Софья Григорьевна Волконская угощала своих гостей русским завтраком: «блюдо из лососевой кашицы в тесте, потом мучные изделия наподобие блинов, потом два вида грибов (здесь употребляют в пищу виды, считающиеся в Англии ядовитыми), и наконец – сладости из Мармары и дикая малина из Финляндии, весьма ароматная, вкусом похожая на айву»<sup>[329]</sup>.

Анна Керн говорила о вкусах Пушкина: «Мать его, Надежда Осиповна, горячо любившая детей своих, гордилась им и была очень рада и счастлива, когда он посещал их и оставался обедать. Она заманивала его к обеду печеным картофелем, до которого Пушкин был большой охотник»<sup>[330]</sup>.



А композитора Глинку та же госпожа Керн угощала пирогами и ватрушками, которые он очень любил: «Завидя перед обедом одно из таких кушаньев, он поворачивал свой стул несколько раз кругом, складывал руки на груди и отвешивал по глубокому поклону столу, ватрушкам и мне. Он говорил, что только у добрых женщин бывают вкусные пироги. <...> Любимый же его напиток было легкое красное вино, а десерт – султанские финики. Чай он пил всегда с лимоном»<sup>[331]</sup>.

За обедом в середине XIX века пили немного. К каждому блюду подавали определенное вино: к супу и «пастету» – крепленое, к рыбе – белые столовые вина, затем красное крепленое вино к «главному блюду», к жаркому – сладкие десертные, после десерта и кофе – ликеры. Шампанское пили по случаю праздника без соотнесения с особым кушаньем, но обычно – не раньше жаркого<sup>[332]</sup>.

\* \* \*

Правила хорошего тона за столом требовали строгой дисциплины от всех членов семьи. Мать должна была следить, чтобы утром дети являлись к столу чисто и опрятно одетыми – вид нечесанных волос, невымытых пальцев и неряшливого платья мог отбить аппетит у взрослых. Привести детей в надлежащий вид – задача нянь и бонн. Мать должна была препятствовать детским шалостям и предупреждать ссоры, например из-за хлеба, распределяя его между детьми. Поскольку ни дуть на чай, ни тем более наливать его в блюдечко было нельзя, детям нужно было подавать напиток теплым, а не горячим. Также детям запрещали крошить булку в чай – только пожилые люди и совсем маленькие дети за недостатком зубов могли себе это позволить. Но как только ребенок начинал есть самостоятельно, его приучали к правилам поведения за столом: искусству владения столовыми приборами, правилам обращения с посудой – не следовало за столом тарелку наклонять на ложку или вытирать хлебом, нужно было оставить в ней немного еды и так далее<sup>[333]</sup>.

В царской семье прилично держать себя за столом было особенно необходимо, и к хорошим манерам приучали с раннего детства. Когда венценосные родители жили в Варшаве в 1828–1830 годах, дети остались под надзором княжны В.М. Волконской и князя А.Н. Голицына. Великая княжна Ольга Николаевна писала, что обедали они всегда вместе, сестра Адини изображала хозяйку, принимавшую гостей, и оживленно болтала с ними<sup>[334]</sup>. А до этого «по воскресеньям обедали на Сашиной молочной ферме со всеми нашими друзьями, гофмейстерами и гувернантками, за

длинным столом до тридцати приборов»[\[335\]](#).

## 7. «И барский гнев, и барская любовь»

К 1858 году в Европейской части России насчитывалось примерно 21,16 миллиона крепостных и 20,05 миллиона свободных крестьян<sup>[336]</sup>. Как отмечала Жермена де Сталь, посетившая Россию в 1812 году, в России нет третьего сословия, что «не способствует развитию просвещения», но и не препятствует «счастью низших»: «Благодаря отсутствию посредников вельможи и простолюдины любят друг друга сильнее, чем в других странах»<sup>[337]</sup>. Это изречение спорно, поскольку любить из-под палки довольно сложно. Границы между сословиями четко осознавались всем обществом, крестьянство же крайне далеко отстояло от аристократии и по своим правам, и по экономическому положению, и по уровню образования. Дворянство имело возможность черпать у иностранных учителей идеи просвещения, которые постепенно стали проникать и в другие сословия. Можно сказать, что в начале XIX века в среде дворянства озадачились вопросами «счастья низших», но решали их везде по-разному.

Слугами в подавляющем большинстве были крепостные крестьяне, не работавшие на земле, а занятые только различными домашними обязанностями. Место слуг в обществе неоднозначно: по своему укладу они уже не относились к крестьянству, целиком зависевшему от сельского хозяйства, но, обеспечивая барский быт, не могли и сами стать независимыми наемниками и войти в круг своих хозяев на равных (выкупиться на волю и сделаться держателем лавки – редкое счастье).

\* \* \*

Быть хозяином крепостных – реальность большинства дворян с рождения. У кого-то в доме было много слуг, кто-то мог себе позволить только двух-трех, но не иметь их совсем значило находиться в крайне бедственном положении. Разумеется, все господа были разные. Одни относились к своим крепостным великодушно: наказывали в случае провинности, награждали за хорошую службу. Но существовали и салтычихи. Вот рассказ Е.П. Яньковой о своей родственнице, дворянке Неклюдовой: «Был у нее крепостной человек Николай Иванов управителем, так, говорят, она его не раз бивала до крови своими генеральскими ручками, и тот стоит, не смеет с места тронуться. Когда рассердится, она делается, бывало, точно зверь, себя не помнит. Многое мне не нравилось в ее характере и в обращении с людьми. У нее были

швей, и она заставляла их вышивать в пяльцах, а чтобы девки не дремали вечером и чтобы кровь не прилиwała им к голове, она придумала очень жестокое средство: привязывала им шпанские мухи к шее, а чтобы девки не бегали, посадит их за пяльцы у себя в зале и косами их привяжет к стульям, – сиди, работай и не смей с места встать. Ну, не тиранство ли это? И диви бы, ей нужно было что шить, а то на продажу или по заказу заставляла работать»<sup>[338]</sup>.

Крепостные слуги входили в «дом» дворянина, в его семью. Для многих господ слуга был не только человеком-функцией, которую он выполнял, но личностью, с которой завязывались и поддерживались отношения. Так, бабушка В.А. Соллогуба Екатерина Александровна Архарова представляла собой пример «прошедшего быта» для людей 1820-х годов. Внук вспоминал одну ее особенность: она привозила с придворного обеда две тарелки угощений и раздавала домашним «в порядке родовом и иерархическом». Не обделяла никого: «и Аннушка Кривая получала конфекту, и Тулем удостоивался кисточкою винограда, и даже карлик Василий Тимофеич... взыскивался сахарным сухариком». На Пасху она дарила яйца и трижды целовалась со всеми. Пьяному поваренку Ефиму хозяйка говорила: «А ты все пьянствуешь! Смотри, лоб забрею. В солдаты отдам. Дом срамишь. Побойся хоть Бога»<sup>[339]</sup>. Потом христосовалась с ним и, несмотря на то что пить он так и не бросил, в солдаты его не отдавала.

На Пасху слуги и господа мирились, и вообще в этот светлый праздник хозяева старались не бранить слуг. В семье М.Н. Загоскина утром все разговлялись яйцами и куличами. Бабушка М.П. Бибилова в день Вознесения Господня (престольный праздник в их церкви) угощала крестьян с террасы чаркою водки, затем все садились за столы, а потом песни пели и плясали<sup>[340]</sup>.

«Хорошие господа» на большие праздники, прежде всего на Пасху, одаривали своих слуг материей, одеждой или другими вещами, в зависимости от достатка. О таких хозяевах среди слуг шла хорошая слава, про них меньше распространяли сплетен.

Праздники вырываются из повседневности, обнажают на диссонансе то, что является обыденным, а что исключением. В обычные дни слугам запрещалось выпивать, их часто бранили (а в некоторых домах и били за недочеты в работе), не одаривали, кормили без изысков, не поощряли праздности и не отпускали надолго со двора.

При этом издавна крепостные уважали своих господ – в силу привычки

и установки «всякая власть от Бога». За оскорбительные выходки в отношении барина крепостной мог понести серьезное наказание, потому что многие годы службы слуги приучались не показывать явно своего недовольства. Старые лакеи и горничные оставались при доме, где их кормили и одевали, а обязанности состарившихся слуг переходили к их детям или внукам. Наличие потомственных дворовых было характерной чертой патриархальных дворянских семей. Часто крепостные люди любили своих господ и их детей как своих. Крепостные повара баловали маленьких барчат, припасали им любимые сладости. Крепостные дядьки преданно и заботливо пестовали своих воспитанников, нередко сопровождали их и на военной службе.

М.П. Бибиков упоминает дворецкого, удивительно преданного своему делу и семье, в которой служил. Будучи уже в преклонном возрасте, Илья Васильевич не хотел уходить на покой и даром есть барский хлеб. Он продолжал докладывать о том, что кушать поставил, вставал за стулом барина, а после смерти хозяйки дома стал ухаживать за ее внуком (рассказчиком): подметал его комнату, следил за чистотой и исправностью белья<sup>[341]</sup>.

По воспоминаниям одной институтки, у них в семье был дворник из крепостных крестьян. Он очень любил барских детей, рассказывал им сказки, разрешал играть со своей бородой, называя девочку «барышня-голубушка», «моя ясочка», «моя ласточка», «барыня-матушка», а девочка в ответ говорила ему – «голубчик-дедушка», несмотря на то что няня пугала ее этим же дворником, говорила, что он Бубыка<sup>[342]</sup>.

Теплые чувства к слугам испытывали и питомцы. Мемуаристы часто отмечали высокие моральные качества крепостных слуг: самоотверженность, ум, глубокую привязанность. «Подруга дней моих суровых» – не лучшее ли подтверждение? Пушкинской Арине Родионовне за ее службу дали вольную. Влияние же крепостных на своих господ (особенно пока те находились в юном возрасте) было довольно сильным. «Суеверия и предания окружали мое детство», – писал Аполлон Григорьев<sup>[343]</sup>. Практически во всех семьях дворян общалась с детьми: сказки, гадания, народные приметы и предания – все это узнавалось именно от них. Родители не всегда благосклонно относились к частым беседам своих чад с дворовыми людьми. Но это вполне объяснимо: как вспоминал Аполлон Григорьев, «рано, даже слишком рано пробуждены были во мне половые инстинкты и, постоянно только раздражаемые и не удовлетворяемые, давали работу необузданной фантазии; рано также

изучил я все тонкости крепкой русской речи и от кучера Василия наслушался сказок о батраках и их известных хозяевах». Дворня также потчевала мальчика рассказами о таинственных козлах, бодающихся в полночь на мостике у села Малахова, о кладе в Кириковском лесу – все это возбуждало воображение впечатлительного ребенка. Рассказчик затем отмечает, что «была и хорошая, была даже святая сторона в этом сближении с народом, с его даже попорченными элементами»<sup>[344]</sup>.

В семье у Д.М. Погодина в 1830–1840-х годах жил престарелый кучер Яков, которому было уже за 70 лет. Он служил еще покойному деду и считался членом семейства. Иногда он заходил в детскую, где няня его угощала чаем, а дети садились к нему на колени и просили: «Дядя Яков, дядя Яков, расскажи-ка нам что-нибудь»<sup>[345]</sup>. А.П. Арапова тепло вспоминала свою няню, по ее описанию, очень преданную своим господам<sup>[346]</sup>. И.М. Долгоруков также с особой теплотой вспоминал свою мамушку Марью Карповну, которая, воспитав его с братьями и сестрами, состарилась и умерла в их доме<sup>[347]</sup>. «Дети вообще любят слуг; родители запрещают им сближаться с ними, особенно в России; дети не слушают их, потому что в гостиной скучно, а в девичьей весело», – отмечал А.И. Герцен. По мнению многих дворян, дети перенимают дурные нравы у крепостных, подчас слишком пристрастных к вину, но, как пишет тот же автор, – «и в гостиной они принимают грубые мысли и дурные чувства. Самый приказ удаляться от людей, с которыми в непрерывном сношении, безнравственен»<sup>[348]</sup>. Дети инстинктивно стремились туда, где больше искренности, простоты в выражении чувств, где ими интересуются и рассказывают увлекательные истории. Если родители и нанятые учителя с гувернерами не могли вполне удовлетворить детскую любознательность, потребность в симпатии, а также желание чувствовать себя любимыми, то дети восполняли все это в среде крепостных слуг.

Когда молодой барин готовился жениться, он даже мог представить свою невесту няне и спросить ее одобрения (такая традиция не была повсеместной, но указывала на высокое положение няни в доме и уважение к ней). Так, невеста А.В. Паткуля (будущего генерал-адъютанта) маркиза Мария Александровна де Траверсе сперва познакомилась с родней жениха, а затем была представлена старухе-няне, Григорьевне, нянчившей его до поступления во дворец. Няню спросили, нравится ли ей выбор Александра Васильевича. Старушка прослезилась и бросилась целовать руку девушки. Та обняла ее, и няня сказала: «Полюби моего Александринку, ведь он такой у меня хороший, добрый». Затем созвали всю прислугу, чтобы



показать невесту молодого барина<sup>[349]</sup>.

Нередко у господ со слугами существовали даже условные знаки: например, барин мог подмигнуть правым глазом слуге, что означало, что в тот день он намерен принимать всех гостей<sup>[350]</sup>.

Слуги выполняли роль информаторов своих господ, передавая хозяевам известия о жизни их приятелей и знакомых. Новости из одного дома в другой могли передаваться через слуг, как, например, это описано в повести В.Ф. Одоевского «Княжна Мими»: сестры-горничные нанимались в двух домах и рассказывали своим господам все, что только могли узнать (а за неимением информации – и придумать) о «соперницах»<sup>[351]</sup>. В «Коробочке» Л.В. Бранта с успехом действует в этом же направлении горничная Наталья Павловны Параша, доставлявшая сплетни наперсница всех затей своей барыни<sup>[352]</sup>. При этом дворянину подчас следовало опасаться, как бы его слуги не проболтались о сокровенных тайнах своих господ, а для того их запугивали или одаривали.

В 1840-х годах в Москве на Охотном ряду был трактир, где по утрам собирались «господские люди разного рода», а по вечерам туда заглядывали лакеи с шубами своих господ, когда те были в театре или в доме Благородного собрания. Там, за простой, но обильной трапезой, за чаем передавались новости о хозяевах, открывались тайны и «маленькие преступления»<sup>[353]</sup>. Поэтому господам следовало с особой осмотрительностью набирать свидетелей своей частной жизни.

Слуги служили почтальонами своих господ, передавали письма, визитные билеты, подарки, а также носили записки любовников. Особенно бойкие и преданные помогали в авантюрах. Например, когда младший сын Елизаветы Алексеевны Голохвастовой Николай Павлович влюбился в небогатую и незнатную девушку Елизавету Петровну Казначееву (а мать, не давая согласия на этот неравный брак, просила всех родственников отговорить его), то сын с помощью прислуги в одну ночь убежал из дома и обвенчался с возлюбленной (только перед смертью мать простила его)<sup>[354]</sup>.

Как отмечал П. Вистенгоф, в Москве 1840-х годов среди дворян была распространена привычка посылать слуг в дома знакомых с различными вопросами, особенно часто этим грешили молодые девушки, осведомляясь посредством слуг о новостях, о планах на вечер, о новых нарядах у своих подружек<sup>[355]</sup>. Такая циркуляция информации была необходима для поддержания дружеских отношений, а главное – для выбора правильной «стратегии» поведения. Ведь главной заботой девушек было «сделать партию», поэтому им столь необходимо было знать, кто и как будет одет, в

какой и когда поедет театр, стоит ли обманывать приятельниц и так далее.

При этом слуги, которым было доверено передать записку, зачастую заходили сначала в кабак и только потом направлялись в дом адресата. Об этом писал и автор «Очерков жизни Москвы» Вистенгоф. Обращает он внимание и на различное поведение слуг в зависимости от чина их господ: чем выше рангом хозяин, тем выше задирает нос его слуга перед своими товарищами. По поведению слуг несложно было воссоздать психологический портрет барина<sup>[356]</sup>.

В.В. Селиванов пишет, что старинные баре (жившие в начале XIX века) никогда сами не вели никаких судебных процессов, а доверяли всякого рода тяжбы своим крепостным поверенным. «Это был особый тип служителей. Начало своего юридического образования они получали при вотчинных конторах, вели приходно-расходные книги и по доверенности управляли имениями. Для них при помещичьих усадьбах и при московских домах отводили особые помещения во флигеле или в доме, всегда особенно теплые с необходимою домашнею утварью. <...> При них всегда были карманные серебряные часы на бисерном шнурке и прислуга, состоящая из какого-нибудь дворового мальчишки-сироты или старухи. С господами обращались они почтительно, но и сквозь эту почтительность всегда проглядывала какая-то фамильярность: вследствие внутреннего сознания, что у них с господами бывали общие тайны, да уж такие, что если б сослали в Сибирь одного, то не потянул бы за собой и другого. К тому ж, кто бы вел без них тяжбы, которых у всякого было вдоволь, или защищал бы интересы поместий и вотчин от набегов земской полиции и сводил бы с ней счеты»<sup>[357]</sup>.

\* \* \*

Среди слуг существовала особая иерархия. По словам Д.Н. Свербеева, дворовые крепостные всегда ставили себя несравненно выше всякого помещичьего крестьянина<sup>[358]</sup>. Как вспоминал П.И. Сумароков, «служительницы и служители верстались должностями между собою. Мамы, няни и барские барыни<sup>[359]</sup> занимали первые места, перед ними вставали, величали их по именам, отчествам, Анною Кузьминишною, Марьею Ерофеевною, Пелагеею Матвеевною. Мамы жили на покое, господа обходились с ними ласково, вежливо и позволяли им сидеть перед собою. Няни выдавали сахар, чай, кофе, наблюдали за хозяйством. Барские барыни одевали госпожу, смотрели за ее гардеробом, чистотою комнат, за горничными, выезжали с барынею по гостям, и дорогою в деревню сидели

с нею в карете. <...> Из мужчин главными лицами были дворецкий и дядька сыновей, с жалованьем по 10 рублей в год; им давали еще одежду, рубашки, шубу; все прочие служители получали по 5 рублей и менее. Казначей, парикмахер, стряпчий брали первенство перед лакеями. Подарит барин или барыня платье со своего плеча – почитали это за высокую награду, гордились ею, оставляли без переделки и надевали только в торжественные дни. Это равнялось с возвышением дворянина в чин или в новодворянство. Подача со стола причислялась также к отличиям. Вот какими малыми средствами умели поощрить к делам честным, похвальным. Не обидьте только, не заделите, умеете выбирать, и в полезных усердных слугах не будет недостатка»<sup>[360]</sup>.

Слугами в основном становились хозяйские крепостные, но бывали и наемные – крепостные оброчные, которые из зарплаты выплачивали оброк своему барину. Для найма слуг в Москве существовали в 1840-е годы два «вольных места»: на Новой площади и у Варварских ворот, где, кроме домашней прислуги, можно было встретить множество чернорабочих<sup>[361]</sup>.

Иногда в богатых домах все управление прислугой осуществлялось метрдотелями (порой иностранного происхождения, как Паоли у Волконских), которые учили слуг обращаться с гостями и с хозяевами на европейский манер, вели дом по западному образцу. В основном же слугами командовал крепостной, вышколенный дворецкий, на которого ложилась обязанность следить за тем, как слуги исполняют свои обязанности, и наказывать нерадивых<sup>[362]</sup>.

В Петербургских домах часто держали иностранных слуг. Русские слуги в подражание западным коллегам перенимали их манеры и даже имена: так, среди лакеев были «Пьеры», «Жаны», «Людвиги»<sup>[363]</sup>. Господа любили переименовывать своих крепостных для создания иллюзии «полностью европейского», утонченного дома.

Особенной была роль швейцара – от его умения проводить гостей в комнаты, правильным образом давать ответы и держаться с достоинством зависела репутация хозяев. Первое впечатление о доме гости получали на входе, именно при встрече со швейцаром. На его же долю выпадала обязанность отказывать от дома гостям по указанию хозяев, делая это в той форме, какую ожидает от него господин. Поэтому и манерами швейцар походил на своего хозяина, отличаясь подчас еще большей чопорностью, невозмутимостью и надменностью.

В богатых домах слуг было так много, что у каждого существовала определенная зона ответственности. Например, жившая у матери

Анненкова старая полная немка должна была греть хозяйке кресло. В семье Толстых «у Полины была идея, вполне соответствующая ее великосветским правилам: подобрать каждому из братьев слугу – дворового парня одного с ним возраста. Так в услужение ко Льву (Льву Николаевичу Толстому. – *А.Ш.*) поступил Ванюша; помимо обязанностей камердинера, он выполнял также работу переписчика, переписывая набело первые литературные произведения своего хозяина»<sup>[364]</sup>. Т.П. Пассек вспоминала, что, когда она с матерью в 1817 году приехала к княгине Хованской в Москву, в передней их «встретили старые седые лакеи, которые, по заказу, строчили подтяжки, и два-три мальчика, читавшие потрепанные книги духовного содержания. Во внутренних комнатах приветствовали чинные горничные, одетые в темные платья, с большими чепцами на головах. Все ходили тихо, говорили шепотом, доклады делали едва шевеля губами»<sup>[365]</sup>.

В.А. Инсарский в своих «Воспоминаниях» рассказывает про некоего слугу Кудрявцева, который был типом дворецких знатных домов. Довольно полный, благообразный, с солидными манерами, он не только имел большой вес между всеми другими придворнослужителями, но и пользовался уважением князя Ивана Ивановича и княгини Марьи Федоровны Барятинских. Он распоряжался в разных вопросах: как и что ставить на стол, как убирать комнаты, нередко споря с самой княгиней<sup>[366]</sup>.

Важную роль в доме играл повар: умение вкусно накормить гостей высоко ценилось в светском обществе. За хороших поваров не жалели денег. Ему в помощь по кухне определяли нескольких (в зависимости от достатка) работных баб. Повар даже у небогатых господ «одевается франтом, курит папироски, водит знакомство с княжескими поварами и прочею лакейскою знатью и сам знает себе цену»<sup>[367]</sup>.

В менее зажиточных домах место повара занимала кухарка. Если не было возможности нанять много слуг, то кухарка выполняла обязанности и горничной, и прачки. При этом ее главной заботой оставались, конечно, покупка свежих продуктов по невысокой цене и вкусное их приготовление.

Существовала также должность кучера. Кучера были выездные и ямские, иногда и собственные – возившие только барина.

По возможности слуги облачались в особые ливреи с гербами их владельцев. Разумеется, качество одежды прислуги создавало у окружающих то или иное представление о финансовом положении господ.

Считалось, что хорошо вышколенные слуги в доме – это заслуга хозяина, показатель того, насколько он справляется со своими

обязанностями, и это высоко ценилось аристократией. Хотя случалось вместе с тем, как отмечал неуказанный автор в «Московском наблюдателе», и «в лучших домах лакеи заставляют вас ждать по три минуты за соусом, который необходим к спарже, а между тем спаржа стынет и теряет вкус свой. Случается часто, что обнося кушанье, они задевают вас рукавами по лицу. Но что сказать о частом похищении тарелок с кушаньем еще недокушанным, о необходимости тянуться со стаканом к слуге, который между тем глядит в потолок или на сидящую против вас даму»<sup>[368]</sup>. Потому в слугах так ценились усердие в службе и честность: «Ванюшка мой, хоть глуп, и часто мелет вздор, зато послушен и не вор, – а это редкость здесь»<sup>[369]</sup>.

Словом, качество службы напрямую зависело от устоев дома, от характера хозяина. Любопытный пример препирательства нерадивых слуг в передней изображает Н.В. Гоголь в «Лакейской». Ни один из них не хочет идти на зов барина; когда тот начинает их стыдить, притворяются, будто и не слышно колокольчика, а когда барин уходит, один вздыхает: «Уж служба такая! Как ни старайся – все выбранят»<sup>[370]</sup>.

\* \* \*

Власть над крепостными негативно воздействовала на многих дворян, развращала их. Характерная деталь: после холеры 1831 года уехавшие аристократы сперва направляли в город своих слуг и только по получении от них известий, что болезни и опасности больше нет, сами возвращались в столицу<sup>[371]</sup>.

Особенно показателен в этом смысле обычай держать в доме шутов и находить их выходки – а также свои жестокие шутки над ними – забавными.

Среди московского дворянства считалось модным иметь при себе шута или дурака. У князей Орловских жила шутиха Матрешка, у барыни Хитрово – карлик и карлица, у князя Хованского – дурак Иван Савельевич. Он был известен всему городу: выезжал в шутовском наряде на гулянья в собственном экипаже и, распевая песни, потешал публику. После смерти хозяев он был «на посылках» еще у нескольких московских бар.

Своеобразный, порой непристойный юмор шутов и дураков не знал сословных границ. Любой гость, оказавшийся в доме хозяина, мог быть выставлен ими на посмешище. Сами хозяева также постоянно потешались над дураками и шутами – привязывали, например, шута к качелям, поднимали вверх и палили в него из ружья холостыми патронами. Шут

крестился и орал благим матом, а господа покатывались со смеху. Однако шут не оставался в долгу и, спустившись на землю, награждал хозяев такими эпитетами, которые потом повторяла вся Москва. Обижаться на дурака было не принято.

В своих воспоминаниях Д.Н. Свербеев отмечает, что в Москве в начале XIX века (и до 1820-х годов) в домах сохранялись такие забавы для шутов: «Их дразнили до бешенства, их заставляли пить отвратительную микстуру из разных кушаний, приказывали из чаши с помоями доставать языком пяточок или гривенники, хохотали, когда они, рассерженные, ругали всех и каждого непристойными словами, и все это делалось в присутствии девушек, только что окончивших свое образование; иногда призывали их по два, по три, и доводили до драки, которую, во избежание серьезного увечья, приходилось разливать водой тут же в комнате». При первой встрече дураку обыкновенно задавался вопрос: «Что от меня родится?», на который тот выдумывал смешной ответ<sup>[372]</sup>.

По словам В.В. Селиванова, у Александра Матвеевича Нестерова в доме жил дурак, имевший право ругать своего барина в глаза и обращаться к нему без малейшего стеснения. Иногда, рассердившись на дурака всерьез или в шутку, он приказывал его сечь. И хотя делалось это деликатно, дурак отменно кричал и ругал барина. А однажды шута обливали во дворе колодезной водой; он неистово ругал барина, а тот смеялся (дурак впоследствии умер от горячки). Иногда А.М. Нестеров приказывал за обедом своему дураку петь, а дочери, Варваре Александровне, подтягивать, что она всегда выполняла, но при гостях даже слезы наворачивались у нее на глаза от стыда<sup>[373]</sup>.

Подобные развлечения и эксцентричные поступки шута в его простонародном дурачестве приезжие иностранцы находили варварским обычаем<sup>[374]</sup>.

\* \* \*

Дворовых называли «людьми» и обращались к ним по имени: Федька, Параша, Наташка, Акулька, Анисья, Иван... Стариков (особенно нянек, кормилиц) звали по отчеству: Гавриловна, Григорьевна, Семеновна. Своих господ слуги всегда должны были звать по имени-отчеству, говорили об одном человеке во множественном числе, чтобы подчеркнуть его значимость. У крестьян и крепостных имена были простонародные, которых не встретишь в модной гостиной. Дворяне же специально звали друг друга на французский манер (Александрина вместо Александры, Поль



вместо Павла, Жорж вместо Георгия...), чтобы подчеркнуть отличие между благородным сословием и простолюдинами.

Высшая категория слуг в своих манерах и одежде пыталась подражать господам. В праздничные дни они являлись ревностными посетителями театра<sup>[375]</sup>. Однако, при всем стремлении скопировать внешний лоск господ, слугам недоставало внутренней культуры, должного образования. Зачастую при таком стремлении к внешнему благородству и одновременной невозможности сблизиться с высшим сословием получались лишь карикатуры на элиту.

\* \* \*

В руководстве по светскому поведению середины XIX века находим следующую рекомендацию: дворяне в отношении слуг должны быть «добры и строги, внимательны и ласковы, разумеется так, как можно быть со своим человеком, и, по возможности, вознаграждайте их услуги»; не допускается никакой фамильярности: «исполняйте обязанности свои, будьте честны и благородны с ними и этого уже достаточно, чтобы приобрести их расположение»<sup>[376]</sup>.

В.П. Бурнашев, помогая женщинам стать эталонными хозяйками, писал, что пища для слуг должна быть сытной и вкусной: «Хорошая похлебка с куском свежего или соленого мяса, вареные овощи, каша или кисель, притом квас и хлеб вдоволь; по праздникам же пироги с мясом, капустою, яйцами, кашею или творогом, кой-когда хорошая жареная часть говядины, свинины или баранины – и люди ваши будут довольны. Если же вы по воскресным дням, или в именины кого-нибудь из членов вашего семейства, дадите старикам по чарке вина, а молодым по стакану домашнего пива или меду, то поверьте, что слуги ваши никогда не будут иметь повода жаловаться на дурное содержание»<sup>[377]</sup>.

В «Журнале для удовольствия» рекомендовалось почаще хвалить и благодарить слуг: «Я примечал всегда, что гораздо более действует на слугу, если похвалить его хотя за одно доброе дело, нежели бранить его за дурные поступки; а чтобы возбудить в нем охоту делать вам угодное, то должно показать, что и вы им довольны; ибо самым лучшим поощрением будет для слуг, если вы покажете ему, что он точно так поступает, как вам было угодно»<sup>[378]</sup>.

Примером терпения, милосердия и выдержки может служить поведение князя Дмитрия Владимировича Голицына. У него был пожилой камердинер, который часто напивался мертвецки пьяным. Однажды князь

вернулся поздно домой, его никто не встретил; он прошел в соседнюю комнату и обнаружил там лежащего на полу пьяного камердинера. Он его разул, раздел и уложил в постель. Наутро камердинер раскаялся, просил прощения и обещал больше не пить; с тех пор он действительно не напивался<sup>[379]</sup>. А.Д. Блудова писала, что у ее отца со времен его юности был слугою Гаврила, однако он «был так уважаем им, что нас, детей, приучил вставать перед Гаврилой, когда он приходил к нам в детскую, а бабушка писала ему „Гаврило Никитич“, по имени и отчеству»<sup>[380]</sup>.

\* \* \*

Лакей Григорий, персонаж «Лакейской» Н.В. Гоголя, говорил: «Нет, брат, у хорошего барина лакея не займут работой, на то есть мастеровой. Вон у графа Булкина – тридцать, брат, человек слуг одних; и уж там, брат, нельзя так: „Эй, Петрушка, сходи-ка туды“. – „Нет, мол, скажет, это не мое дело; извольте-с приказать Ивану“»<sup>[381]</sup>. Правда, если нрав у барина крутой, то ничего и не скажет Петрушка, а смиренно пойдет и сделает, что прикажут. Телесные наказания крепостных были настолько обыденным явлением, что только прогрессивно настроенные господа воспринимали их как унижение личности (и наказуемого, и наказывающего). В массе своей хозяева не считали «людей» равными себе, а находили естественным, что одно сословие обязано повиноваться другому. А.И. Дельвиг и М.Ф. Каменская, вспоминая о нравах начала XIX столетия, отмечают, каким причудливым образом сочеталось православное религиозное мировоззрение с привычкой (подчас просто тиранической) практически неограниченно властвовать над крепостными. Дядя А.И. Дельвига, князь Дмитрий, колотил своих людей костью, на который опирался, но при этом был религиозным и набожным человеком. Дядя Александр также бил людей. И в отношении девок оба тоже не стеснялись себя<sup>[382]</sup>. Памятен случай рукоприкладства в одном из самых знаменитых русских романов – «Войне и мире» Л.Н. Толстого: Николай Ростов разбил перстень, когда ударил старосту, раздражавшего его.

Если же преступление слуги было действительно тяжелым, как, например, воровство, то хозяева обращались к властям – как для поимки крепостного (в случае его бегства), так и для наказания, вплоть до ссылки в Сибирь. В Центральном историческом архиве Москвы содержится Фонд 54 Московского губернского правления, где можно найти, в том числе, дела о наказаниях крепостных за различные преступления. Например, крепостной князя Федора Николаевича Барятинского Федор Макаров был «осужден в

краже у господина своего разного серебра для наказания здесь в Москве на публичном месте плетьюми сорока ударами»<sup>[383]</sup>. В другом деле описан случай в доме некоего И.А. Павловского: «Подсудимая дому коллежского асессора Павловского дворовая женка Авдотья Алексеева, в учиненных ей в лафертовском частном суде со увещанием священника допросах призналась в побеге от того помещика своего, в краже у него при побеге детской бекешки, в назывании себя солдаткою с переменою своего имени и в непотребстве, которая и прежде в неоднократных преступлениях обращалась, за что и была наказываема, и сие подтвердила в присутствии сей палаты; то ее Алексееву за вышеписанное преступление, согласно сомнениям уездного суда по силе именного 1754-го года мае 13-го дня 15-го пункта и указах 1799-го года июля 31-го дня наказать в мещанской части плетьюми десятью ударами, и по наказании как помещик ее коллежский асессор Павловский принять к себе в дом не желает, отослать в Сибирь на поселение»<sup>[384]</sup>.

\* \* \*

В 1799 году Август Вицман опубликовал «Наставления слугам»: автор советовал господам читать своим подданным не реже чем раз в месяц. Слугам рекомендовалось быть всегда послушными своим хозяевам во всем, «что не есть противно справедливости и благоразумию, как св. апостол Павел тебя научает, и во всем что согласно есть с Божественными законами». А служанок остерегают оставаться наедине в комнате с мужчинами; при склонении же хозяином к сожителю советуют немедленно тот дом оставлять (данные рекомендации могут быть отнесены единственно к вольным служанкам – крепостным девушкам оставить господ было невозможно). Также говорилось о том, что нельзя плохо отзываться о хозяевах, открывать их недостатки, худое поведение или то, что они хотят держать в тайне<sup>[385]</sup>. У добрых господ, вникающих в жизнь своих крепостных, по воспоминаниям современников, слуги действительно были не словоохотливы.

\* \* \*

Российской истории известны примеры исключительной преданности слуг своим господам. Так, в журнале «Сын отечества» за 1813 год приводится случай, происшедший в Отечественную войну 1812 года. Действительный статский советник В.В. Неронов жил в Москве в собственном доме. Ему было уже 92 года, и встать с постели он не мог. Французский генерал, занявший помещение, приказал выкинуть хозяина на

улицу. Тогда двое верных крепостных на руках снесли его в церковь неподалеку, около недели ухаживали за ним и кормили тем, что могли достать. А через неделю на руках вынесли из города и 40 верст шли до деревни, где смогли сделать носилки, нанять людей и довезти хозяина до Рязани<sup>[386]</sup>.

Нередко случалось обратное: слуги бунтовали против своих господ – хотя если для крепостных деревень бунт был явлением нередким, то для двора такое поведение скорее нехарактерно. А.В. Мещерский рассказал случай из своей биографии: на него напал его повар Ларион, который должен был находиться безвыездно на квартире в Царском Селе и ждать барина, однако пропал непонятно где долгое время, а вместо оправданий решил придушить князя. Столь безнравственное поведение, по мнению автора, являлось следствием пропаганды протестантизма в Прибалтийских губерниях, где Ларион прожил около десяти лет. Через несколько лет они нечаянно повстречались в Риме; Ларион испросил прощение и получил паспорт. Больше их дороги не пересекались<sup>[387]</sup>.

\* \* \*

Привычка всю жизнь служить господам, невозможность изменить свой жизненный уклад рождала особый тип людей. Как писал И.А. Гончаров о характере отношений Обломова и Захара, «старинная связь была неистребима между ними». Идеализируя прежних слуг и господ (иронически), автор затем отмечает: «Если Захар, питая в глубине души к барину преданность, свойственную старинным слугам, разнился от них современными недостатками, то и Илья Ильич, с своей стороны, ценя внутренне преданность его, не имел уже к нему того дружеского, почти родственного расположения, какое питали прежние господа к слугам своим. Он позволял себе иногда крупно браниться с Захаром»<sup>[388]</sup>.

Слуги составляли отдельную субкультуру, обладающую своими традициями, особой системой ценностей. Дворовые из поколения в поколение служили одной семье и дорожили своим положением среди остальных барских крепостных – так делали их родители, такое поведение заведомо ожидалось от слуг всем обществом. Они гордились своими господами – если те совершали что-то выдающееся, то слава господина переходила и на его слуг. Строго придерживались правил этикета, при этом иногда позволяя себе учить господ, какого гостя где следует разместить за столом, какая девушка может быть невестой молодого барина, а какая ему не ровня и так далее.

Репутация дворянской семьи нередко зависела от вышколенности слуг – разносят ли они неприятные для дома слухи, вежливо ли обращаются с гостями. Но если внешне картина взаимоотношений порой выглядела идиллически, то реальное положение дел не было полностью благополучным. Единственное, что удерживало помещиков от убийства, – закон. Исследователь истории дворянства А.В. Романович-Славатинский, рассматривая вопрос о пределах власти помещиков над крепостными, замечает, что таких границ практически не существовало – злоупотребления были не повсеместны, но случались довольно часто<sup>[389]</sup>. Правда, за убийство крепостного дворянина ожидали конфискация имущества, покаяние в монастыре, ссылка в Сибирь или в действующую армию. Ко времени отмены крепостного права нравы несколько смягчились, однако ни о каком равенстве с крепостными не было и речи.

## 8. Родственные связи

П.И. Сумароков писал о начале XIX столетия, что «родство сохранялось не между одними кровными, но до четвертого, пятого колена во всей силе. „Ведь ты мне не чужой, – говорили, – бабка твоя Аксинья Федоровна была тетка моему деду, а ты крестник мне, приходите чаще к нам и сказывайте, в чем нужда вам!“ Дружный сын, однофамилец считались домашними, об них пеклись и, представляя другим, просили быть милостивыми к ним. Заболеет кто из тех или других, – хлопотали, посещали, ссужали деньгами. Каждый юноша знал, к какому отделению он принадлежал, кто родственник, покровитель его, и укоренялся в чувствах любви. Целое общество, можно сказать, держалось рука за руку, и крепился состав государственный. Правнучатный брат матери моей, собираясь из деревни в Москву, писал к ней без околичностей: сестра, приготовь мне комнаты, – и поднимались страшные суеты: приготавливали флигель, мыли полы, курили, ставили мебели, и свидание походило на торжество. Встречают его с распростертыми руками, ухаживают и стараются угодить. „Не устал ли ты, братец, приляг, отдохни, не прикажешь ли чего?“ И несут самовар, кофей, завтрак. „Дети, подходите, это ваш дядя!“ – и гость протягивал руку нам. Теперь и родные не так близки, как были правнучатые»<sup>[390]</sup>.

Столь крепкие семейные связи позволяли людям почувствовать защищенность от различных невзгод. Бедные родственники могли рассчитывать на то, что их детей возьмут на воспитание или помогут определить в учебное заведение более состоятельные дяди, тети, дедушки и бабушки. Так, Андрей Иванович Дельвиг в воспоминаниях о своем детстве указывает, что после смерти отца его мать осталась с четырьмя детьми и почти без денег, однако благодаря родственникам все дети получили образование и смогли в дальнейшем найти себе достойное применение<sup>[391]</sup>.

По воспоминаниям магистра словесности И.И. Танеева, во время пребывания своего в университете и на службе он около пятнадцати лет прожил в Москве, в доме дяди своего и благодетеля генерал-майора Андрея Зиновьевича Дурасова, известного своими заслугами и гостеприимством. Благодаря дяде Иван Ильич приобрел обширные знакомства и был принят в лучших домах<sup>[392]</sup>.

Часто в большом доме одновременно проживало несколько



родственников. Например, три сестры Левашовы, Татьяна, Настасья и Екатерина Ивановны, с рождения и до глубокой старости жили в большом левашовском доме, что в Ваганьковском переулке. Изначально он принадлежал их деду, Василию Яковлевичу, в котором он, будучи московским главнокомандующим, принимал и царский двор, и всю столицу. Затем этот дом унаследовал их племянник, Иван Александрович, но старушки продолжали занимать так называемые «детские» комнаты на антресолях, куда были поселены непосредственно после рождения<sup>[393]</sup>.

В дворянской среде (особенно в начале XIX века) принято было выказывать гостеприимство, родственность, любовь и уважение друг к другу<sup>[394]</sup>. Если искреннего желания общаться со всеми (весьма многочисленными) родственниками не возникало, то приходилось принуждать себя следовать общим нормам поведения, создавая иллюзию дружественных отношений, которые, благодаря соблюдению строгих этикетных правил, все же не исчезали. Это создавало в целом благоприятную атмосферу для общества, где все в той или иной степени приходилось друг другу родственниками.

Отец Ф.И. Тютчева Иван Николаевич, по словам биографа поэта И.С. Аксакова, отличался «необыкновенным благодушием, мягкостью, редкою чистотою нравов». По-московски радушно и хлебосольно он принимал в доме многочисленных родственников, представителей всего московского света, ученых, литераторов. В его доме регулярно устраивались детские балы, для которых сестра поэта, Дарья, тщательно готовила пригласительные списки<sup>[395]</sup>.

Родство имело огромное значение при налаживании общественных связей. В 1836 году молодая чета Ростопчиных приехала в Петербург и поселилась в скромной квартире на Сергиевской улице. «По своему немалочисленному родству и связям в высшем петербургском обществе они были приняты отлично в его кругу, в особенности Евдокия Петровна, имевшая обаяние молодости, красоты, ума, любезности и поэтического таланта»<sup>[396]</sup>. Граф В.А. Соллогуб, говорил о 1820-х годах, что в то время «родственные связи были связями, нас возили часто к Нарышкиным, и тут я имел случай видеть и слушать всех влиятельных людей той эпохи»<sup>[397]</sup>.

\* \* \*

В руководствах по правильному поведению в обществе говорилось, что от хозяев прежде всего требуется «предупредительность желаний гостей и внимательность к ним; их обязанность – робкого ободрить, скучного

развеселить и всякому доставить удовольствие, никого не связывая принуждением»<sup>[398]</sup>. Это было главным правилом, которое хозяева должны были соблюдать вне зависимости от того, по какому случаю они принимают гостей. Подобное проявление уважения и симпатии к гостю, пусть даже и не искреннее, приветствовалось, в то время как грубость унижала достоинство самого хозяина в первую очередь. Свое пренебрежение можно было выразить, например, более сдержанными жестами: подать при пожатии рук только два пальца, натянуто улыбаться и говорить исключительно на темы, никого лично не волнующие: о погоде, о спектаклях, цветах.

«Тон и разговоры должны согласовываться с обстоятельствами, для которых учинено посещение»<sup>[399]</sup>. Обычно же после вступительной беседы о здоровье личном и всех домашних, говорили «о влиянии погоды не только на здоровье, но даже на расположение духа»<sup>[400]</sup>.

При встрече гости раскланивались; перед высокопоставленным гостем дамы делали реверанс, простого же человека могли приветствовать только наклоном головы. Друг друга дамы целовали в зависимости от ситуации – когда более душевно, когда менее, но на Пасху – всегда тоекратно. Мужчины довольно редко при встрече обнимались (такая манера была более распространена в провинции), старого знакомого могли взять за обе руки. Если хозяин дома встречал гостя в передних комнатах, то, провожая его в свой кабинет, он должен был пропустить гостя вперед себя, а затем развлечь его разговором или интересным для обоих занятием<sup>[401]</sup>.

Заболевшие хозяин или хозяйка дома были вправе не принимать гостей. Если швейцар отказывал визитеру в приеме, не объясняя причин, это означало, что отказывают от дома вообще<sup>[402]</sup>. В архиве И.М. Долгорукова было обнаружено «Запрещение швейцару», в котором были даны предписания, как слугам следует себя вести в случае посещения дома визитерами, неприятными хозяину:

«1ое Есть ли господин Смирнов Савва Сергеевич или кто из его семьи, и из семьи купца Филипа Алферова приехав в дом наш пожелает меня видеть в собственных моих покоях, то сказать, что меня для них нет, и не будет никогда дома. В удостоверении чего позволяю тебе показать им сей за рукою моею приказ. Кн. Иван

2ое Естьли от кого либо из них же придет не к жене моей, а ко мне зачем нибудь слуга, то не впускать его ко мне ни для какой важной причины, отобрать зачем пришел и мне доложа ожидать моего приказы, а до оного ни в кабинет, ниже в сени кабинета не впускать. Генвар 14 дня

1795 года Долгоруков»<sup>[403]</sup>.

\* \* \*

Межсемейные отношения включали в себя взаимные визиты по праздникам, при переезде в новый дом или квартиру либо при отъезде за границу. Своим дочерям маменьки буквально с рождения пытались составить выгодную партию, а для этого, разумеется, нельзя было пренебрегать родственными связями, новыми и старыми знакомствами, да и молодых людей хотели женить на богатых девушках<sup>[404]</sup>. П.А. Вяземский писал, что его родители были довольно разборчивы и строги в своих приятнях и связях<sup>[405]</sup>.

Случалось, что дружба возникала при печальных обстоятельствах: например, когда у Н.Е. Кашкина умерла жена, то только старый князь П.Н. Оболенский мог «смягчить сенатору эти часы отчаяния. Он тоже почти не покидал его, их сблизил эти печальные дни скорби. Дружба между обеими семьями укрепилась теснее под влиянием этого скорбного периода их жизни»<sup>[406]</sup>.

Для подобного же «изъявления участия» делали визиты к больным. И.А. Арсеньев рассказывал, что однажды они с братом, будучи еще детьми, по просьбе заболевшего отца навестили его заболевшего друга, поэта И.И. Дмитриева. Тот принял их очень ласково, подарил по экземпляру своих басен, напоил шоколадом. На прощание, передавая по фунту конфет, очень благодарил за доставленное ему удовольствие их визитом. А через две недели Иван Иванович посетил их (детей двенадцати лет!) с ответным визитом, сказав недоуменному отцу, что он «раб приличий и советует юношам придерживаться всегда тех же правил»<sup>[407]</sup>.

Для детей устраивались детские балы, на Рождество – елки. В этот торжественный день взрослые украшали елку, развешивали на ней конфеты и другие угощения, а когда собирались дети с родителями, то каждого ребенка одаривали особым подарком (в зависимости от состоятельности хозяев). Типичное описание детских балов мы находим у М. Корсини: дети приезжали со своими родителями и гувернерами (гувернантками). Мальчики говорили о своих учителях, о фехтовании, о том, в какое казенное учреждение их определят. Девочки кокетничали, передразнивали взрослых, танцевали. Гувернантки собирались в отдельный кружок, родители – в свой. Детей угощали фруктами, затем устраивали танцы и обед<sup>[408]</sup>. Эти мероприятия давали подрастающему поколению необходимые навыки поведения в обществе, уберегали от неловкости,

способствовали возникновению дружеских связей. Больше же всего детей сближало совместное обучение. Причем, если девушки по окончании пансиона могли уже более не видаться, а при встречах лишь учтиво раскланиваться, то мужчины, как правило, сохраняли приятельские отношения.

Детям следовало поддерживать традиции вежливости. Например, Борис, главный герой «Счастливой женщины» Е.П. Ростопчиной, повстречавшись с барыней, с которой видаться не хотел, был обязан «оказывать уважение другу его матери, кланялся очень много, говоря очень мало»<sup>[409]</sup>.

В специальной брошюре, предназначенной для молодых девиц, был особый раздел, посвященный визитам. Большое внимание там уделялось самым первым визитам, когда девушка еще очень застенчива и может своей неловкостью составить о себе дурное впечатление. В этом руководстве девушкам также настоятельно советовали держаться свободно, но не развязно. Руководствующая дама должна была идти впереди девицы в гостиную и после первых приветствий представлять ее хозяйке. Хозяйка приветствует девушку ласковыми словами, а та отвечает почтительным поклоном и молчит («Ибо неприлично и смешно было бы, если бы вы хотели сказать, например: „Я очень рада вашему знакомству” или подобные тому приветственные речи, каковых никогда не должна говорить молодая девица даме высшего звания»). Затем следовало завести разговор на легкие темы, и девице следовало радушно отвечать на поставленные вопросы, если вдруг к ней обратятся. Часто случалось, что по утрам дама принимала в своем будуаре. Обычно у нее был какой-нибудь рисунок или неоконченное вышивание – тогда следовало внимательно и пристально посмотреть на работу и сказать несколько общих приятных слов, без подробностей – не зная предмета, можно нечаянно обидеть хозяйку<sup>[410]</sup>.

\* \* \*

По словам П.А. Муханова, обряд рассылки визитных билетов был принят в Москве теми, кто не любит каретной жизни: «От знатных господ ездят по Москве верхом, от не весьма богатых путешествуют по улицам на собственной паре. Есть условленные места в городе, где эти посланники сходятся и размениваются билетами»<sup>[411]</sup>. Карточки во время личных визитов по различным поводам загибались по-разному. Если это был простой визит вежливости, во время которого гость не заставлял хозяев

дома, то верхний левый угол или часть левой стороны карточки следовало загнуть в направлении ее лицевой части. Если же визит был связан с выражением сочувствия или соболезнования, то в этом случае необходимо было загнуть правый нижний угол или правую сторону карточки внутрь, в направлении обратной ее стороны (иногда даже разрывали сгиб). Например, в течение шести недель родственники покойного, в соответствии с правилами светского этикета, должны были разослать визитные карточки всем, кто оставил у них свои или прислал письма с соболезнованиями. В этом случае члены семьи писали на визитных карточках: «Благодарим за доброе участие». Вдовы именитых сановников и состоятельных людей на время траура заказывали траурные визитные карточки с черным кантом, на которых указывался изменившийся статус, например «вдова статского советника». По истечении срока траура подобное обозначение уже не использовалось<sup>[412]</sup>.

Из этих правил, конечно, были исключения, продиктованные жизнью, – не все ситуации можно обозначить простым загибом уголка или цветовым оформлением. На визитных карточках могли оставлять послания. Например, иностранный гость, не застав дома А.С. Хомякова, когда ему уже приходилось уезжать, оставил такую запись на визитке: «Мне чрезвычайно жаль, что из-за своих дел я вынужден покинуть Москву без возможности связаться с Вами. Я надеюсь, что в мой следующий визит в Москву Вы позволите мне иметь великое удовольствие увидеть Вас и поговорить с Вами»<sup>[413]</sup>. А на визитке графа Карла Ланкоронского значится следующая надпись о кончине фрейлины императрицы Елизаветы Алексеевны: «Графиня Варвара Головина, урожденная княжна Голицына. Скончалась в Париже 11 сент. 1821 г.»<sup>[414]</sup>

В Новый год, на Рождество, Пасху, именины или же после свадьбы являлись с поздравительными визитами, как это описано, к примеру, в «Войне и мире» Л.Н. Толстого. Граф Ростов встречал и провожал гостей, приглашая всех к обеду и обращаясь к каждому, независимо от его социального положения, «*ma chere*» или «*mon cher*». Задерживаться надолго в таких случаях считалось невежливым, о чем и говорит графиня Ростова: «Что за манера! Уж сидели, сидели!»<sup>[415]</sup>

\* \* \*

Также нужно было делать визиты в случае отъезда на долгое время из города. Особенно много прощальных визитов принято было делать в Москве. Например, М.И. Римская-Корсакова как-то должна была с

дочерьми Катей и Сашей провести лето в Карлсбаде, а зиму в Вене, так что перед этим она посетила более 70 домов. А когда к ней начали съезжаться с ответными визитами, Мария Ивановна испугалась такого количества гостей и приказала швейцару никого не принимать<sup>[416]</sup>.

Множество гостей также приглашалось всегда на именины, по случаю которых устраивали балы, праздничные вечера. Бывало, такие праздники растягивались на несколько дней – особенно в загородном имении, где богатые помещики могли развлекать гостей долго и разнообразно. Уже с утра к имениннику приезжали родные и знакомые с поздравлениями, получая приглашение на торжественный обед или ужин. В случае большого торжества гостей приглашали заранее, рассылая билеты. По воспоминаниям Сергея Загоскина, сына знаменитого писателя М.Н. Загоскина, к именинам отца (8 ноября) все приемные комнаты особенно тщательно чистились и прибирались, а в самые именины кабинет переполнялся гостями, которых в это утро приезжало более ста человек<sup>[417]</sup>.

В дни именин и рождения княжны Хованской, по словам Т.П. Пассек, все родственники, «даже такие отдаленные, что их можно счесть за родных потому только, что они на одном солнце рубашки сушат», являлись с поздравлениями, а самые близкие привозили ей в подарок безделицы, большею частью забавные, которые она любила<sup>[418]</sup>.

\* \* \*

На такие праздники, как Пасха и Рождество, родственники всегда ездили друг к другу в гости с поздравлениями. Вот, например, письмо Натальи Петровны Киреевской (урожденной Арбеновой) Флерову Василию Павловичу от 14 апреля 1845 года:

«Многоуважаемый, Почтеннейший  
Василий Петрович,

Вместе с Иваном Васильевичем, поздравляю Вас, достойнейшую супругу Вашу и милого Сережу, с наступающим светлым Праздником, от души желаем, чтобы вся жизнь Ваша была всегда светла, радостна и счастлива – как этот день – принесший всему миру радость. Позвольте по-христиански сказать Вам и семейству Вашему от всего сердца: Христос Воскресе!!

Надеюсь что Вы доставите нам удовольствие Вас видеть, – удовольствие, которого я так давно желаю.

Примите уверения в моем совершенном к Вам Уважении



Н. Киреевская

Р.С. Иван Васильевич посылает милому Сереже колясочку, и просит его – когда будет сухо и тепло приехать в ней к нам»<sup>[419]</sup>.

\* \* \*

В Москве звали друг друга в гости маленькими письмами, отсылаемыми в тот же день или накануне. Вот, например, приглашение Василию Павловичу Флерову:

«Извольте завтра к нам быть вместе с Натальей Андреевной, так около часу, Мама дома останется и очень рада будет вашему посещению.

Софья Строганова

Четверг вечером»<sup>[420]</sup>.

Если друзья находились в день праздника далеко друг от друга, посылали письма и подарки по почте или со слугами. Например, князь Василий Мещерский отправил князю Ивану Ивановичу Барятинскому и его жене Марии Федоровне в подарок на Новый год яблоко и грушу из своих оранжерей с пожеланиями им и их детям доброго здоровья и всех благ<sup>[421]</sup>.

Чем дальше отстояли люди друг от друга в родстве, в возрасте и чинах, тем более официальным было приглашение на вечер или на бал. Например: «Ее Королевское Высочество Мадам Герцогиня Д'Ангулем завтра, в четверг, 25 сентября, в 11 часов 30 минут примет Мадам Графиню Толстую. Герцогиня имеет честь сообщить ей об этом и просит принять уверения в своей признательности. Среда 24 сентября 1817»<sup>[422]</sup>.

Разговор в высшем обществе в присутствии женщин отличался деликатностью тем и употребляемых выражений. Так, например, про человека, равнодушного к алкоголю, говорили, что он «пьет мертвую чашу». А если человек был крайне рассержен, то, уходя, вместо «черт с вами» говорил «кланяюсь вам»<sup>[423]</sup> – и его вполне понимали.

Переняв моду из Франции на салоны (маркизы Рамбуйе, мадам Бурдоне, мадам Граммон, мадам Рекамье<sup>[424]</sup>), русские женщины стали устраивать приятные вечера, наполненные интересными беседами с литераторами, музыкантами; иногда обсуждались и политические вопросы (известны салоны З.А. Волконской, А.О. Смирновой-Россет, Е.М. Хитрово, А.П. Елагиной, С.Н. Карамзиной). Замужние женщины здесь могли вступать в разговор с мужчинами, вторгаясь в «мужскую» сферу интересов – проблемы общества, философия, религия – впрочем, не слишком при этом демонстрируя глубину своих знаний. Существовали,

впрочем, и такие салоны, душой которых был хозяин дома (в домах А.Н. Оленина, В.Ф. Одоевского, М.Ю. Вильегорского, В.А. Соллогуба). После Отечественной войны 1812 года Петербург блистал либеральными салонами княгини Куракиной и графа Лавалья<sup>[425]</sup>. В салонных беседах формировались эстетические принципы, во многом определившие развитие русской литературы и искусства XIX века. Мужчины также собирались в особых кружках и клубах не только для игры в карты, но и для обсуждения различных общественных и философских вопросов, таких, например, которые невозможно было бы поднимать в присутствии дам.

\* \* \*

Межсемейные связи в дворянском обществе крепили благодаря развитому гостеприимству, существованию единого культурного поля, практике частых собраний (балы, торжественные вечера, салоны). Столичное дворянство внешне по своему характеру представляло собой традиционное общество, придерживавшееся установленных правил поведения и общения, а также придававшее огромное значение родовым связям. При этом в самом дворянском обществе постоянно происходило переосмысление ценностей, а следовательно, и образцов поведения.

К сожалению, ссоры между семьями также не были редким явлением. Е.П. Ростопчина в романе «Счастливая женщина» приводит в пример такую ситуацию: девушка, за которой вся семья Ухманских ухаживала как за будущей женой, оказалась с рождения невестой своего троюродного брата. «Ухманские разобиделись ужасно. Графиня Эйсберг (мать невесты. – *А.Ш.*) вдвое больше. Они рассорились домами и скоро перестали совсем кланяться между собой»<sup>[426]</sup>. Такое «необщение», конечно, весьма бросалось в глаза на фоне соблюдения общей атмосферы приятельства.

Как родственные, так и межсемейные связи были особенно важны в ситуациях некаждодневных, таких как свадьбы, крестины и похороны. Об особенных правилах общения в минуту скорбную и пойдет речь в следующей главе.

## 9. Завершение земного пути

В дворянском обществе говорить о смерти считалось неделикатным. Причины были различные: не хотели портить настроение собеседнику, который, возможно, боится смерти, или опасались причинить душевную боль человеку, который уже пережил утрату близких и родных, либо считали неуместным обсуждать философские, религиозные вопросы в обществе дам (за редким исключением). Отношение к смерти на протяжении XIX века было неоднозначным. Преобладало христианское мировоззрение (это считалось естественным, и похороны в большинстве случаев совершались по православному обряду), то есть люди верили в Божий суд, после которого души попадают или в рай, или в ад, стремились покаянием и добрыми делами загладить проступки, перед смертью исповедоваться и причаститься Святых Христовых Таин. Но при этом существовала и традиция атеизма, пришедшая в Россию из Западной Европы. Да и глубоко верующих людей среди дворян было меньше, чем тех, кто лишь поверхностно воспринимал происходящее в храме. А к середине столетия внимание дворян, ищущих ответы на вечные вопросы, начала привлекать восточная мистика – но это отдельный большой вопрос, выходящий за рамки нашей книги.

\* \* \*

Итак, в России дворянские семьи в подавляющем большинстве случаев хоронили своих родных по христианскому обряду. Исповедь и причастие упоминаются даже в свидетельстве о смерти. Например, в свидетельстве о смерти Н.В. Давыдовой в Италии говорится, что она наступила через «два дня по совершении христианского долга исповеданием, приобщением святых таин и помазанием Святого Елея»<sup>[427]</sup>. Редко кто отказывался от предложения родных позвать священника: умирающие чаще сами просили об этом. Священник также вносил особую запись в приходскую метрическую книгу, где фиксировались сведения об усопшем, месте его захоронения и лице, совершившем отпевание. В метрической книге московской Спасо-Божедомской церкви за 1842 год под № 8 значится такая запись: «Марта 19го дня умер живший в собственном своем доме отставной генерал майор Михаил Федорович Орлов 50 лет. 22 дня отпевание тела отправил приходской священник Лука Никитич Милохоров, с диаконом Димитрием Ивановичем Казанский погребено тело

в Новодевичьем монастыре»<sup>[428]</sup>.

Христианская кончина в сознании россиян XIX века воспринималась как самая достойная. Идеалом дворянина XIX века было умереть на поле брани, а если в своей постели – то мирно, простившись с домочадцами, успев послужить Отечеству и не оставив долгов в прямом и в переносном смыслах – обид, невыполненных обещаний и обязательств.

Обычно дворяне составляли завещание, в котором прописывалось, кому что следует из имущества. В случае если оставались несовершеннолетние дети, мог быть указан будущий опекун. Например, в дополнении к Духовному завещанию князя Горчакова Александра Михайловича: «Коллежского Советника Анатолия Николаевича Демидова, назначаю его в случае моей смерти быть одним из опекунов малолетних детей моих Князей: Михаила и Константина, и прошу его принять на себя, в таком случае, сию обязанность, – в полном убеждении, что, как при опеке, так и по достижении совершеннолетия их, он заменит меня в чувствах родительской попечительности»<sup>[429]</sup>. В завещании указывалось также, кому из друзей и домочадцев следуют денежные суммы, кому из дворовых людей даровалась вольная. Например, граф Ф.Г. Орлов дворовым людям своим Михаилу Гендрикову, Василию Соколинскому и Василию Шибалину с женами и детьми дал вечную свободу и за добропорядочную, верную и усердную их службу наградил деньгами<sup>[430]</sup>.

Перед смертью дворянин также мог устно высказать свою волю, которую родственники, в идеале, должны были исполнить безусловно. Так, Наталья Владимировна Давыдова умерла в Италии и сказала мужу, чтобы ее там и похоронили, поскольку она не хотела подвергать свое тело вскрытию, бальзамированию и другим процедурам, необходимым, чтобы в сохранности доставить его в имение отца. Муж, П.Л. Давыдов, так и поступил, захоронив ее на кладбище в Ливорно. Однако позже, по настоянию тестя, полностью повинаясь воле старшего в семье, он все же организовал перезахоронение на родине<sup>[431]</sup>.

Исследовательница российского дворянства М.Л. Маррезе отмечает, что различие завещаний мужчин и женщин состояло в том, что женщины чаще оставляли денежные пожертвования на благотворительность<sup>[432]</sup>.

\* \* \*

Сразу после смерти родственника самые близкие ему люди отправляли письма с черной печатью и черной каймой о случившемся, приглашая знакомых на похороны. Например, такого содержания:

«Алексей Андреевич и Авдотья Петровна Елагины с душевным прискорбием уведомляют о кончине сына своего Андрея Алексеевича. Вынос будет в Церковь Успения на Могильцах Декабря 30 дня»<sup>[433]</sup>.

Если человек умирал за границей и захоронение его совершалось там или в России, но спустя какое-то время, то извещали только об этом прискорбном факте, используя другой специальный шаблон<sup>[434]</sup>. Например, «**Елизавета Алексеева Жуковская**, урожденная **Рейтерн**, с душевным прискорбием извещает о кончине своего мужа Тайного Советника и Кавалера **Василия Андреевича Жуковскако** (опечатка в тексте. – *А.Ш.*), воследовавшей в Городе Баден-Бадене 12/24го Апреля 1852 года, в половине второго часа по полуночи».

К родственникам, разумеется, послания были более развернутыми, в них содержались соболезнования и описания собственных скорбных переживаний. Так, в черновике письма к леди Шерборн по поводу смерти своей невестки Франциски-Марии Е.П. Барятинская пишет: «Смерть Ф, этой чистой ушедшей души, для меня так же тяжела, как смерть ребенка... Дорогая Фани – каждый день ее жизни, навсегда останется в моем сердце. Примите заверения в искренности моих чувств и соболезнований»<sup>[435]</sup>.

\* \* \*

Как и во всех значимых событиях повседневной жизни, в ритуале похорон все было четко регламентировано, всякая мелочь предусмотрена. Все элементы ритуала создавали соответствующую атмосферу скорби и выражения горя. Специальные руководства приводили в качестве образца наиболее сообразные со званием дворянина поступки и новшества, пришедшие из Европы. Например, одно из руководств предписывало приглашенным приезжать в дом покойного в трауре, а самым близким родным – в глубоком трауре: женщинам в черных фланелевых платьях, в таких же платках, обшитых плерезами (белой коленкоровой каемкой, покрытой флером); мужчинам – также всем в черном, с крепом на шляпе и плерезами на рукавах, иногда и на воротнике. Таким образом пришедшие на похороны выражали свою скорбь, причастность к горю ближайших родственников умершего.

Традиции ношения траура достаточно медленно, но менялись. В конце XVIII столетия вдовы носили траур три года: в первый год только черную шерсть и креп, на второй год – черный шелк и черные кружева; на третий год в парадных случаях можно было надевать на платье серебряную сетку (а не золотую).

По отцу и матери носили траур два года: в основном шерсть и креп; по большим праздникам разрешалось надевать что-нибудь шерстяное, но не слишком светлое. Если в семье, где еще носили траур, случались свадьбы, то черное платье на время снимали и меняли на лиловое, что считалось трауром для невест<sup>[436]</sup>. Со временем этот эталон поведения постепенно исчезает, период облачения в черное платье сокращается, равно как и время, когда скорбящие по умершему не должны принимать участия в светских развлечениях.

Со времен правления Петра Великого традиции проведения похорон для членов венценосной семьи были значительно изменены. Скорбное событие приобрело характер светского мероприятия, сделалось более публичным, чем ранее, даже театрализованным<sup>[437]</sup>. Сочетание западноевропейских – в плане этикета – и православных традиций (исповедь, причастие и соборование, чтение молитв и Псалтири об усопшем, отпевание в церкви, подача сорокоустов, совершение панихид) с небольшими изменениями просуществовало вплоть до 1917 года.

\* \* \*

Похороны – это прежде всего дань уважения покойному, возможность достойно попрощаться с ним. Для христиан погребение, отпевание в церкви также служили возможностью помолиться о душе усопшего.

По православному обряду отпевание совершалось на третий день после смерти, в церкви или на дому, для чего специально приглашали священника. При этом все провожающие усопшего молились с зажженными свечами, знаменующими Невечерний Свет вечности. Прощались с усопшим после отпевания, погасив свечи. Обходя гроб, совершали крестное знамение, просили у почившего прощения, целовали венчик на лбу и икону, расположенную на груди. После прощания икону из гроба вынимали, а тело полностью накрывали покрывалом, после чего священник крестообразно посыпал его землей. Гроб закрывали крышкой и заколачивали (на кладбище его уже не открывали). Из храма гроб выносили ногами вперед; при этом все присутствовавшие пели молитву «Трисвятое». Стоит заметить, что этот обряд и сегодня выглядит примерно так же.

На панихиде в доме покойного и во время служения в церкви члены семейства занимали места, ближайšie к гробу. Как ни велика была печаль родных, они, из приличия, должны были стараться умерять ее хотя бы наружно. Образованный, светский человек должен был приучиться во всем «побеждать себя». Считалось недопустимым, подобно простолюдинам,



кричать и рыдать в голос на похоронах, тем более что часто в этом и не испытывали сердечной необходимости.

После панихиды присутствовавшие выходили из дома покойного и провожали гроб до кладбища. Первые кареты принадлежали самым близким родственникам. Те, кто следовал за гробом пешком, шли без шляп (в плохую или холодную погоду шляпу можно было надеть). При этом недопустимо было забывать, что разговоры, особенно веселые, были неуместны: каждый должен был стараться показать, что он огорчен утратой. Провожающие покойного имели право не следовать за ним до церкви, если не приходились ему родственниками. По возвращении из церкви иногда делали поминки, то есть обед в доме покойного; приехать на этот обед, не бывши на похоронах, считалось неприличным<sup>[438]</sup>. Проститься же с покойным и затем не быть на обеде могли люди, лишь поверхностно знакомые с ним и не приглашенные собственно на поминки.

В.А. Вонлярлярский так рассказывает о похоронах в Москве своей знатной и богатой героини:

«В девять часов вечера, накануне похорон, однообразное и протяжное чтение Псалтири над телом покойницы прервано было появлением множества черных фраков, чепцов и духовенства». Приезжавшие дамы переходили от графини (родственницы, взявшей на себя все хлопоты) к Ольге (воспитаннице-сироте), целовали ее, жали ей руки и потом грациозно клали перед телом земные поклоны. Отслужили вечернюю панихиду. Уходя, дамы снова целовали Ольгу и уже в дверях говорили: «*Ademain, chere comtesse*» («До завтра, дорогая графиня»). На следующий день в 11 утра были похороны – невиданные даже для Москвы: «Шесть лошадей тащили дроги; на них, под богатым балдахинном, качался роскошный гроб княгини Татьяны Сергеевны. Сотни факелов, разноцветные ленты на плечах прислуги, разноцветные гербы на лошадях, пестрота толпы и, наконец, бесконечная нить экипажей – все вместе составляло прекрасную картину». После отпевания в церкви управляющий раздал мешок медных монет и созвал толпу бедных на поминальный обед<sup>[439]</sup>.

Из письма Рафаила Ивановича Долгорукова к брату нам известно о последних днях жизни и похоронах их отца – поэта, князя Ивана Михайловича Долгорукова (1823). Сын объясняет отсутствие завещания и своеобразные предписания отца относительно своих похорон излишним стихотворным увлечением и вечным пребыванием в высоких материях: «Чтобы его положили в самый простой гроб и в саван и чтоб до того

времени пока это исполняют, никто его тела не видел, чтобы остатки (sic) его положены были на Филях и подальше от церкви, ближе к Москвереке»<sup>[440]</sup>. Однако, «положено было с общего согласия от исполнения сих его желаний отступить, и дух его этим оскорбиться не может», поскольку родственники решили отдать дань уважения почившему. Его положили в простой гроб, но в мундире, и похоронили в капелле рядом со второй женой. От дома до Донского монастыря гроб несли на руках друзья и знакомые. «Решительно можно сказать, что не было похорон менее блестящих мишурой, но более великолепных почестью, как похороны покойного нашего отца. Какая прекрасная красноречивая похвала его достоинствам!» – восклицает сын<sup>[441]</sup>.

В том же Донском монастыре в 1796 году совершились похороны генерал-аншефа, обер-прокурора Правительствующего сената Федора Григорьевича Орлова, на которые было потрачено 9592 рублей 94 копейки – огромные по тем временам деньги. Было разослано 200 карточек с извещением о похоронах; семья, слуги – все оделись в новые черные платья, гроб был обит бархатом, на покров пошли парча и тафта. Большие средства были пожертвованы на помин души покойного графа<sup>[442]</sup>.

\* \* \*

На погребение, а также на сороковой день и далее в дни памяти усопшего настоятелем храма (либо духовником, либо епископом – в зависимости от статуса покойного и пожеланий его родственников) произносились «Слова». Так назывались составленные по законам гомилетики речи, в которых воздавалась честь умершему и выражался призыв молиться о его бессмертной душе. Запись таких «Слов» сохранилась в семье князей Барятинских на погребение Его Сиятельства тайного Советника Действительного камергера и кавалера князя Ивана Ивановича Барятинского, а также в сороковой день со дня его кончины и в день памяти: «Пролием же братие со всею церковью о нем теплые молитвы к Богу Духов и всякия плоти, в сей день памяти его представления, сколько последуя уставу церкви, столько не менее исполняя долг почтения и любви нашей к нему, которая яко присно пребывающая добродетель, не должна ограничиваться одною здешнею жизнью, но простираться за пределы гроба. – Да тако и всегда память Сиятельнейшаго сего князя пребудет для нас священна! Аминь»<sup>[443]</sup>. В день погребения графини Анны Ивановны Орловой было сказано схожее «Слово», с традиционным восхвалением почившей («Блаженна ты, ибо почил о Господе») и призывом к

собранным жить, соблюдая заповеди Христа<sup>[444]</sup>.

В церкви обязательно выдавалось свидетельство о смерти и погребении. Оно могло быть, например, такого содержания: «Я нижеподписавшийся Исаакиевской Соборной Церкви Протоиерей Яков Иванов сын Воскресенский, дал сие Свидетельство в том, что умерший Действительный Статский Советник и Кавалер Андрей Яковлевич Дашков, прошлого 1831 года в Июне месяце 23 числа действительно мною погребен при Церкви Охтенского Кладбища, в чем и удостоверяю. С. Петербург. Апреля... дня 1832 года.

Исакиевского собора Протоиерей Иаков Воскресенский»<sup>[445]</sup>.

Также свидетельство о смерти мог выдать врач. Как, например, в случае смерти Дмитрия Аркадьевича Воеводского:

«5-го класса Дмитрий Аркадьевич Воеводский, с давних пор страдавший водяною болезнью в груди, сего ноября 7 числа в 9 часов 5 минут по полудни волею Божьею скончался, – в чем и свидетельствую. – 1845 г. ноября 8 дне. – пользовавший его врач Доктор медицины и хирургии Александр Загорский»<sup>[446]</sup>.

\* \* \*

Поминовение усопшего совершалось в продолжении шести недель; в сороковой день и через год делались поминки, на которые приглашали всех родственников и знакомых усопшего.

До сорокового дня близкие и родные покойного не должны были делать визитов и особенно участвовать в увеселениях, поскольку, по христианским представлениям, именно в это время душа умершего требует усиленных молитв. Считалось, что скорбь об усопшем облагораживает душу, заставляет задуматься над тайной смерти и подготовиться к ней самому.

Родственникам покойного, с которыми он жил, делали специальные *visites de condoléance* (визиты сочувствия). Это были самые скромные, более молчаливые посещения: со стороны гостя считалось неприличным восхвалять достоинства покойного и тем приводить в уныние его родных. Напротив, каждый гость должен был стараться не напоминать о потере. По истечении шести недель близкие родственники покойного уже могли сами делать визиты знакомым и другим его родственникам<sup>[447]</sup>.

Итак, достойным окончанием земного пути для дворянина считался проведенный с соблюдением всех норм приличия похоронный обряд. Состояние домашних дел покойного волновало общество: завершил ли он

начатые им труды, составил ли завещание, оставил ли наследников.  
О наследниках и пойдет речь в следующей части.

## **Часть II**

## 1. Появление на свет

Анализируя общение в семье, нужно особое внимание уделить миру детства. Чтобы понять его, следует рассказать о взаимоотношениях ребенка и с родителями, и со сверстниками, и с учителями, и со слугами, и с гостями. Мир детства существует, с одной стороны, в полной зависимости от мира взрослых, с другой – представления детей о многих понятиях расходятся с родительскими. Дети непрерывно учатся, меняются и, наконец, сами становятся взрослыми, поэтому мир детства постоянно обновляется. Но, несмотря на динамичность, можно обнаружить присущие исключительно ему черты и даже проследить его эволюцию. Сейчас нас интересуют особенности феномена детства в дворянской столичной семье первой половины XIX века.

Сейчас трудно сказать, когда именно ученые заинтересовались феноменом детства. С древнейших времен лучшие умы человечества задавались вопросами воспитания и заботы о детях. Тем не менее историки сходятся во мнении, что Новое время, особенно XVII–XVIII века, ознаменовалось ростом интереса к ребенку во всех сферах культуры, признанием за периодом детства автономной, самостоятельной социальной и психологической ценности. В Средневековье человек (независимо от возраста) рассматривался прежде всего с точки зрения спасения его души, и образ ребенка присутствовал в литературе того периода как идеал чистого, бесхитростного восприятия действительности, близости к Богу. В литературе классицизма детские образы не занимают значительного места, поскольку мыслителей классицизма интересовало «всеобщее, образцовое в людях, и детство предстает как возрастное отклонение от нормы (не-зрелость), так же как сумасшествие – психическое отклонение от нормы (не-разумие)»<sup>[448]</sup>.

Основоположником современной научной педагогики считается чешский педагог-гуманист Ян Амос Коменский (1592–1670). Он рассматривал обучение и воспитание в единстве, ратуя за то, что подрастающему поколению необходимо не только давать научные знания, но и прививать нравственные принципы. Взгляды этого ученого оказали существенное влияние на философскую и педагогическую мысль последующих эпох и множества стран, в том числе и в Российской империи.

Просветительские идеи о воспитании были широко распространены в



России, особенно в дворянском кругу. Появлялась специальная детская литература, которая носила назидательный характер. С другой стороны, детские и юношеские годы занимали все больше места в просветительских автобиографиях и «романах воспитания», где изображались как период становления, формирования личности героя. Детство и отрочество для человека эпохи Просвещения – еще не самоценные этапы жизни, а только подготовка к ней<sup>[449]</sup>. Отдельно следует выделить книги Ж. – Ж. Руссо, имевшие большое влияние на современников и хорошо известные российским дворянам. Руссо пытался войти во внутренний мир ребенка, угадать закономерности его развития, приветствовал свободу и природосообразность в воспитании. Также были распространены в России труды немецкого детского писателя и педагога И.Г. Кампе, идеи которого были сходны с основными установками Руссо.

В эпоху романтизма отношение к детям постепенно меняется. Как отмечал литературовед Н.Я. Берковский, «романтизм установил культ ребенка и культ детства. XVIII век до них понимал ребенка как взрослого маленького формата, даже одевал детей в те же камзолчики, прихлопывал их сверху паричками с косичкой и под мышку подсовывал им шпажонку. С романтиков начинаются детские дети, их ценят самих по себе, а не в качестве кандидатов в будущие взрослые. Если говорить языком Фридриха Шлегеля, то в детях нам дана как бы этимологизация самой жизни, в них ее первослово... В детях максимум возможностей, которые рассеиваются и теряются позднее. Внимание романтиков направлено к тому в детях и в детском сознании, что будет утеряно взрослыми»<sup>[450]</sup>. Детство ассоциировалось у романтиков с гармоничным образом наивного человечества, пребывающего в единстве с Богом, в раю до грехопадения, где неведомо ни добро, ни зло<sup>[451]</sup>.

Исследователь М.С. Костюхина отмечает, что в европейской литературе 1830-х годов впервые появляется психологически верный детский образ, а возраст ребенка становится важным для автора и читателя<sup>[452]</sup>.

Итак, дворянская культура, входившая в состав общеевропейской, усваивала новые педагогические идеи, ориентировалась на иностранные идеалы воспитания. В первой половине XIX века дворяне как наиболее просвещенная часть общества в процессе воспитания стремились понять детей, разглядеть их стремления и таланты, помочь им стать достойными людьми. Детей учились воспринимать как личностей и много внимания уделяли их образованию и воспитанию. Согласно закону, «родители

обязаны давать несовершеннолетним детям пропитание, одежду и воспитание, доброе и честное, по своему состоянию»<sup>[453]</sup>. Если по каким-то причинам родители не могли в полном объеме обеспечить это своим отпрыскам, то была надежда на помощь со стороны родственников и государства.

\* \* \*

Появление на свет ребенка – обычно радостное событие в жизни семьи. На страницах дневников, писем, воспоминаний мы находим описания счастливых моментов осознания себя в новой роли – роли родителей. В марте 1802 года у Н.М. Карамзина родилась дочь Софья, и он был несказанно счастлив. Он писал своему другу Дмитриеву: «Я отец маленькой Софьи. Лизанька родила благополучно, но еще очень слаба. Выпей целую рюмку вина за здоровье матери и дочери. Я уже люблю Софью всею душою и радуюсь ею. Дай Бог, чтобы она была жива и здорова, и чтобы я мог показать тебе ее, когда к нам возвратишься». То же в письме к старшему брату, Василию Михайловичу: «Теперь я каждую минуту занят и матерью и дочерью»<sup>[454]</sup>.

Русский историк и дипломат Д.Н. Свербеев писал, что его отец был так обрадован появлением на свет сына в дни своей старости, что тотчас после родов жены, ночью, пошел пешком в церковь Симеона Столпника на Поварской и, разбудив священника, упросил его отслужить молебен Дмитрию Ростовскому. Это было тем более памятно для Дмитрия Николаевича, что вообще служение молебнов, всенощных и прочие церковные церемонии не были в привычках его отца<sup>[455]</sup>.

«Не могу описать затем чувство радости, охватившее меня, когда я услышал первый крик новорожденного ребенка. У меня родился сын Петр», – вспоминал сенатор А.В. Кочубей<sup>[456]</sup>.

В.Ф. Одоевский в рассказе «Новый год» запечатлел удивительную атмосферу дома, в котором появился новорожденный младенец: и родители, и гости за столом говорили шепотом, чтобы не разбудить дитя, а когда он только засыпал, папа и мама стояли возле колыбели и светились от счастья<sup>[457]</sup>.

В.К. Кюхельбекер писал о своем сыне: «Миша мой истинно благословенное дитя: с его рождения вокруг меня будто просветлело»<sup>[458]</sup>.

Впрочем, иногда отцы весьма отстраненно воспринимали рождение ребенка. Вспомним, например, реакцию князя Андрея Болконского на рождение сына: «В углу комнаты хрюкнуло и пискнуло что-то маленькое,

красное в белых трясущихся руках Марьи Богдановны». Лишь спустя некоторое время с рождения ребенка, смирившись со смертью жены и осознавая свой долг перед ней и сыном, отец уже с радостью смотрел на него<sup>[459]</sup>. Юрий Тынянов, вероятно, сообразуясь с описаниями подобных сантиментов, в своем романе «Пушкин» заставляет Сергея Львовича Пушкина почувствовать себя отцом только при рождении третьего сына, – Льва. «Он умилился и поцеловал Надежду Осиповну с чувством. Слезы текли по его лицу». В детскую комнату он не заглядывал, как многие отцы, «считая это для себя смешным и неудобным, ненужным»<sup>[460]</sup>.

\* \* \*

Роды проходили в спальне жены в присутствии акушерки, повивальной бабки, старших родственниц и, иногда, врача. Состав помощников менялся в зависимости от желаний женщины или ее мужа и отца.

Особенное отношение было к рождению детей в царской семье. Возле роженицы находились не только акушерка и врач, но и государыня – мать одного из супругов. Александра Федоровна, вспоминая о появлении на свет сына Александра, отмечала поддержку супруга. Когда им сказали, что родился мальчик, молодая мать почувствовала не только счастье, но и «ощутила нечто важное и грустное при мысли, что этому маленькому существу предстоит некогда сделаться Императором»<sup>[461]</sup>. За здоровьем женщин, носивших под сердцем великих князей, всегда следили личные врачи, тем более что по большей части беременности проходили с различными осложнениями<sup>[462]</sup>.

\* \* \*

Обычно на третий день после рождения ребенка крестили. В церкви имя новорожденного заносили в метрическую книгу, там же указывались его родители и крестные восприемники. Как, например, в метрической книге церкви Николая Явленного на Арбате в статье о родившихся под № 29 написано: «Августа двадцать четвертого числа, у живущего в доме Секунд Майора Загряжского Действительного Статского Советника Камергера Князя Александра Михайловича Горчакова и законной супруги его Марии Александровны, от первого его с нею, а ее второго с ним брака, родился у них сын Михаил, крещен 3 числа Сентября месяца, восприемниками были: Действительный Тайный Советник Камергер и Кавалер Князь Александр Михайлович Урусов и Полковница Елизавета Михайловна Обольянинова. Молитвовал имя нарек и крещение совершил

приходской Священник Петр Алексеевич Беляев с причтом»<sup>[463]</sup>.

В специальном «Руководстве к познанию правил общежития» говорилось, что приглашения на этот обряд восприемников следует делать заблаговременно, чтобы те успели подготовиться должным образом: крестный отец покупает малышу крест на ленте и платит священнику за совершение обряда, за свечи, купель и за прислугу церковнослужителям, а крестная мать привозит ризки (ситец, кисею, гарусную или шелковую материю) в подарок матери новорожденного, рубашечку и шапочку для ребенка и платок полотняный, шелковый или батистовый для священника<sup>[464]</sup>. Затем приглашали родных и знакомых. Следует также отметить, что если восприемником новорожденного от купели был император, то подарить малышу крестик должен был сам отец новорожденного. Обряд совершался во дворце, если августейшие особы лично присутствовали на нем<sup>[465]</sup>.

В другом же сборнике рекомендаций, переведенном с французского языка, сказано, что крестному отцу следует нанять две кареты (если нет своих), а также преподнести подарки родительнице по ее вкусу, крестной матери – дюжину белых перчаток, а если она молодая девица, то еще и букет померанцевых цветов; засушенных в сахаре плодов на всех (не меньше 24 коробочек), несколько наполеондоров<sup>[466]</sup> кормилице и повивальной бабushке, еще денег священнику, дьячку, швейцару и на церковь бедным<sup>[467]</sup>.

Крестными родителями могли быть люди, даже непосредственно не присутствовавшие на Таинстве. Так, восприемным отцом новорожденного Петра Аркадьевича Кочубея был его дед, князь Н.Г. Вяземский, а восприемной матерью – графиня М.Г. Разумовская. Но в храм они не приехали, и за Разумовскую была княгиня А.Н. Голицына, а за Вяземского – некто NN<sup>[468]</sup>. По метрической книге Санкт-Петербургского Исаакиевского собора значится, что у камер-юнкера В.П. Давыдова, надворного советника Коллегии иностранных дел, и супруги его Ольги Ивановны, урожденной княжны Барятинской, от первого брака родился в 1849 году 26 июня сын Сергей, который был крещен 5 июля. Крестным отцом был служивший в Черноморском флоте лейтенант князь Виктор Иванович Барятинский, а в лице его при купели находился адъютант Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича князь Владимир Иванович Барятинский, крестной матерью – Олимпиада Владимировна Барятинская, супруга Анатолия Ивановича<sup>[469]</sup>.

В рекомендациях по правилам светского обхождения указывается, что

если кум и кума не знакомы, то следует их представить друг другу до начала обряда.

По окончании таинства, по установленным обычаям, повивальная бабка подносила вина – сначала священнику, потом куме и куму, которые поздравляли родителей ребенка и, выпив вино, клали на блюдо деньги в пользу бабки. После она подносила вино гостям и хозяевам, которые благодарили восприемников и также одаривали бабку деньгами. Если после крестин устраивали обед, то шампанское подносили за столом. После совершения обряда кум платил священнику и дьячку за купель и свечи.

Иногда кум, кума и знакомые дарили матери малыша золотые монеты – «на зубок».

Через 6 недель (40 дней) после родов мать малыша, по принятии очистительной молитвы, делала вместе с ребенком визит куме, которая «подпоясывала новорожденного» и делала ему подарок<sup>[470]</sup>. Отец ребенка также делал визит крестным родителям.

\* \* \*

Императоры нередко бывали посаженными родителями на свадьбах своих придворных, затем – восприемниками их детей. Баронесса Прасковья Григорьевна Розен писала, что на свадьбе ее родителей (барона Г.В. Розена и фрейлины Е.Д. Зубовой) Александр I с супругой присутствовали именно в роли посаженных отца и матери. После император крестил их первенца, императрица – второго ребенка. Показывая свое особое расположение к этой семье, император снова воспринял от купели их первую дочь, Лидию, на квартире Розена. И после смерти Александра I эта семья продолжала пользоваться особым расположением царских особ: Николай I присылал цветы и фрукты Елизавете Дмитриевне, играл с детьми, которых часто возили составить компанию в играх великих княгинь. Эта дружба продлилась на долгие годы<sup>[471]</sup>.

Кстати сказать, император Николай Павлович тоже не забывал своих крестников. Из-за разъездов он заочно стал крестным отцом Федора, сына А.Ф. Львова (композитора, автора гимна Российской империи). Государь как-то приехал к нему, взял на руки ребенка, качал его и нянчил как своего, а когда кормилица уронила пеленку, то поднял и подал ей. После этого посещения с Алексеем Федоровичем стали более обходительны и почтительны при дворе.

Таким образом, церковный обряд крестин объединял дворянское сословие. Если крестными родителями становились император или

императрица, этот знак особой милости служил залогом благоприятного отношения к крестникам царской фамилии на протяжении всей дальнейшей жизни.



## 2. Воспитание дворянских детей

Положение детей в дворянском доме было, если можно так выразиться, строго определено – и отделено от мира взрослых. Например, при разговорах на политические или другие важные темы детей с гувернерами обычно просили удалиться<sup>[472]</sup>. Ребенок не считался равным родителям, иерархия семейных отношений неизменно поддерживалась, так что каждый член семьи знал свое место.

При этом многие авторы мемуаров с душевной теплотой и признательностью вспоминают своих родителей, их любовь и заботу. А.И. Дельвиг с восхищением рассказывал, как его мать, оставшись вдовой в 26 лет с четырьмя маленькими детьми на руках и почти без средств смогла всем дать приличное образование и всячески заботилась об их нравственном облике. Она рано стала учить детей, так что Андрей Иванович и не помнит себя, не знающим арифметики<sup>[473]</sup>.

Отцы обычно занимались со взрослыми детьми, а малышей оставляли на попечение матерей, нянек и мамушек. Поэтому столь неожиданным предстает дневник декабриста Сергея Петровича Трубецкого, практически целиком посвященный детям. Трубецкой вникает во все мельчайшие подробности их жизни – у кого режутся зубки, кто занемог, кто ленится учиться, у кого какой характер. Он рассказывает о бессонных ночах, когда дети болеют и капризничают, упоминает, что маленькая Лиза во время болезни спала на кровати у матери, а Кита (то есть Никита) успокаивался, только когда отец ночью брал его на руки<sup>[474]</sup>. Столь полное вовлечение главы семейства в повседневные заботы можно объяснить сложным и непривычным бытом: ссыльный декабрист был вынужден воспитывать своих детей без помощи слуг, а также самостоятельно давать им начальное образование. Конечно, объясняется это и любовью к родным, чувством долга перед женой, последовавшей за ним вопреки желанию ее семьи и препятствиям со стороны чиновников. Следует учесть и то, что дети в семье Трубецких были долгожданними и особенно желанными.

Сходно было отношение Дмитрия Николаевича Шереметева к сыну Сергею. Отец тяжело переживал смерть первенца Николая, а затем своей жены Анны Сергеевны, поэтому заботился о моральном облике наследника (его следовало «приучать к богоугодным делам и воспомоществованию бедным»), а особенно – о здоровье и безопасности, так что ограждал его от любых опасностей, запрещая лазить по деревьям и заборам, сидеть на

окнах, поднимать тяжелое, «близ печей и зеркал не резвиться» и так далее<sup>[475]</sup>.

Граф-историк М.Д. Бутурлин говорит о своей дочери (Аннетине, как он ее называет): «Девочка наша была не по возрасту развита, свободно и безошибочно болтала по-русски и по-итальянски и отличалась уже понятливостью и находчивостью в ответах, была живого нрава и правильно напевала слышанные от нас оперные отрывки. Помню, как однажды она всех нас потешила, аплодируя ручонками появившемуся вдруг солнечному лучу, вслед за ливнем, и приговаривая: „bravo sole, bravo sole!”»<sup>[476]</sup>

Князь Петр Николаевич Оболенский очень любил и понимал своих детей. Его дочери прибегали к нему выплакать горе, если гувернантка их наказывала; он вникал во все детские нужды и потребности, как самая заботливая мать<sup>[477]</sup>.

Павел I, согласно воспоминаниям, был нежным отцом, баловал детей, называя их «мои барашки», «мои овечки». Однажды он подарил Николаю золоченую коляску с парой шотландских вороных лошадок и жокея<sup>[478]</sup>.

Наравне с такими радужными картинами заботы о детях нам известны и иные исторические примеры, когда родители не были готовы к заботам о ребенке и препоручали ее родственникам (как, например, княжне Зизи из одноименного рассказа В.Ф. Одоевского). Иван Алексеевич Яковлев (отец А.И. Герцена) впервые увидел своего сына Георгия, когда тому было уже 9 лет, сразу невзлюбил его и больше не интересовался им. Воспитанием мальчика занималась тетка – княгиня Мария Алексеевна Хованская. Бывало, что детьми занимались только кормилицы, няни, затем гувернеры. Поэт Н.П. Жандр изобразил такую картину:

Как все с большим полетом птицы,  
Чей мир в гостиных, для связей, –  
Как все почти тамап столицы,  
Кому нет часу для детей,  
Княгиня гувернера к сыну  
Приставила, – а дочь Алину  
Наставнице передала<sup>[479]</sup>.

П.И. Сумароков в 1841 году писал, что иных родителей редко после обеда можно найти дома: «мужья в клубе, жены в магазинах или в гостях, дети остаются с гувернерами, нянями; занимаются ими только мимоходом, когда свободны от карт и нарядов»<sup>[480]</sup>. Разумеется, нельзя сказать, что так

было везде. Автор несколько приукрашивает прошлое и принижает современные ему нравы и обычаи. Все зависело от воспитания и чувства долга, поскольку в одном и том же обществе сосуществовали дворяне, уделявшие детям достаточно времени, и те, кто отговаривался службой, делами, балами. Негласным правилом среди дворян было воспитать ребенка достойным гражданином, который не посрамит своего рода и принесет пользу Отечеству. Если идеал этот с течением времени не достигался, то родители тяжело переживали – считалось, что их родительский долг не выполнен. К этому добавлялись и чувство стыда и зависть к более успешным знакомым. Например, в романе Е.П. Ростопчиной «Счастливая женщина» главный герой влюбляется в замужнюю женщину и становится ее любовником вопреки желанию своей матери. Тогда «с искренними слезами и настойчивостью женщины, привыкшей повелевать всеми своими и не видевшей дотолле себе сопротивления, мать бросилась на колени перед Борисом, заклиная его не огорчать, не убивать ее»<sup>[481]</sup>. Согласно нормам дворянской и христианской морали такой поступок для молодого человека считался недопустимым, поэтому его мать могла восприниматься обществом как плохая воспитательница своих детей.

Что касается выражения отношения к детям и приемов воспитания, то они зависели прежде всего от личных качеств родителей. Князь П.А. Вяземский вспоминал, что его отец был с ним очень строг, ребенок больше боялся, чем любил его. «Был я довольно труслив и, вероятно, уже тогда нервического сложения, отец хотел победить во мне и этот недостаток. Меня заставляли одного барахтаться в Остафьевском пруду, с тем, чтобы выучился я плавать. Летом, в темную ночь, посылали меня одного в рощу. Разумеется, на всякий случай следили за мною, но тогда я этого не знал».<sup>[482]</sup> Стоит отметить, что П.А. Вяземский рано лишился матери, и отец воспитывал его один.

\* \* \*

В дворянских семьях, как, впрочем, везде и во все времена, существовали любимые и нелюбимые дети. Так, в семье Пушкиных брат Александра Сергеевича Николинъка (умерший в детстве) был любимцем отца, который вообще мало интересовался детьми<sup>[483]</sup>. Д.М. Погодин, вспоминая о семействе Аксаковых, говорит, что Константин, сын Сергея Тимофеевича, был «любимец и баловень всей семьи, только и слышались восторженные возгласы его сестер: «Константин сказал то-то, Константин

думает так-то»<sup>[484]</sup>.

В доме у И.П. Бибикова принято было обожать дочерей, а сыновей «считать ни во что». Мать так и говорила: «Mes filles sont des anges, et mes fils de la chair au canon» («Мои дочери – ангелы, а сыновья – пушечное мясо»). Отец был ласков к дочкам, но те его боялись, потому что он был ужасно строг к сыновьям, мать же была к сыновьям равнодушна, и те скоро к ней охладели<sup>[485]</sup>.

По воспоминаниям А.И. Дельвига, его теща Е.Г. Левашева любила детей своих неровно, что было заметно и посторонним. Она не могла надыхаться на младшую дочь, в то время как отец, Н.В. Левашев, любил больше старшую<sup>[486]</sup>.

Оттого что мать отдавала большее предпочтение сестрам и брату, сильно переживал И.М. Виельгорский, о чем упомянул в своем журнале за 1837–1838 годы: «Мне кажется, и оно справедливо, что Мама стала ко мне гораздо холоднее и равнодушнее; это мне раздирает сердце, мучит и возбуждает зависть к сестрам и брату, которых она более ласкает. Но это надобно приписать и моей холодности к ней, постоянному противуречию, и собственным ее скорбям». И через несколько дней: «Мама больше обрадовалась увидеть дядю, нежели меня; это мне было ужасно больно»<sup>[487]</sup>.

Подобные ситуации предпочтения одних детей другим нередко описываются и в художественной литературе. В романе Л.Н. Толстого «Война и мир» старшую дочь Веру в семье Ростовых любили меньше других детей (в том числе из-за ее надменности)<sup>[488]</sup>. У Барона Брамбеуса в «Идеальной красавице, или Деве чудной» красавица Анна была идиолом родителей: «все в доме относилось к ней, и она все относилась к себе». Вторая дочь, Катенька, не была красавицей, в отличие от Анны, поэтому во взгляде матери на нее «было меньше удовольствия, в поцелуе меньше теплоты, и в самом ободрении как будто заключался упрек»<sup>[489]</sup>. Вообще, подобное поведение среди родителей было весьма распространено, и, как видим, детей оно сильно печалило. Такое отношение к ним легко объяснить небольшими познаниями родителей в психологии и педагогике, уверенностью в том, что не нужно считаться с чувствами ребенка, который обязан уважать и почитать родителей независимо от их действий.

\* \* \*

Некоторые родители и бабушки с дедушками сильно баловали детей<sup>[490]</sup>. Это не приветствовалось значительной частью общества, о чем

рассказывают мемуаристы и писатели. Так, М.И. Глинка, родившийся в провинции, вспоминал, что около трех-четырёх лет он виделся с родителями очень редко, так как первоначально им занималась бабушка. Она баловала его до «невероятной степени». Рос он один, без друзей. «Всегда окруженный женщинами, играя только с сестрою и дочерью няни, я вовсе не походил на мальчиков моего возраста. При этом страсть к чтению, географическим картам и рисованию, в котором я начал приметно успевать, часто отвлекала меня от детских игр, я по-прежнему был нрава тихого и кроткого»<sup>[491]</sup>.

А.И. Дельви́г писал, что С.Х. Зуев с женой очень баловали детей и ничего путного из них не вышло: сын Леонид пьянствовал, женился на дворовой девке, а дочь Марья разошлась с мужем<sup>[492]</sup>. Примечательно, что автор делает акцент на поведении людей в семье (не на службе, не в свете) для описания их нравственных качеств.

В.А. Вонля́рлярский в «Соседе» так представляет читателям избалованного ребенка: Ваня десяти лет одет в каску как драгун, носит игрушечную саблю, обращается к отцу «ты», «папаша». Тычет пальцем в пожилого, богатого и уважаемого родственника; гостю, который ему почему-либо неприятен, говорит: «Не хочу быть ласковым с таким гадким», дерзит всем, кто ему не опасен, и уверен, что все ему сойдет с рук. Его никогда не наказывают серьезно, отец ограничивается угрозами (иногда говорит сыну: «Молчи, молчи, вот я тебя, да еще таких задам» и т. п., но на деле никогда не исполняет обещанного), оттого сын ничего и не боится. В то же время старшая дочь, Аглая, за обеденным столом не смела возвысить голоса, хотя ей было уже 18 лет<sup>[493]</sup>.

А.И. Герцен писал, что на половине отца ребенком держал себя чинно, у матери же кричал и шалил сколько душе угодно. Отец баловал его лет до десяти, после был им почти всегда недоволен<sup>[494]</sup> – хотя связано это было не с продуманной системой воспитания, а скорее с особенностями характера.

\* \* \*

В основном же в дворянских семьях принята была строгая система воспитания. Детей водили к родителям здороваться и прощаться, благодарить за обед. Дети целовали родителям руки и не смели говорить им «ты». Писатель В.А. Соллогуб вспоминал, что мать его детьми своими никогда не восторгалась и не ласкала, но всегда верно ценила их хорошие и дурные стороны. За такое воспитание Владимир Александрович был

родителям весьма признателен<sup>[495]</sup>: «В то время любовь к детям не пересаливали. Они держались в духе подобострастия, чуть ли не крепостного права, и чувствовали, что они созданы для родителей, а не родители для них»<sup>[496]</sup>.

Некоторые отцы были и вовсе деспотами для своих детей. Такое поведение обществом тоже осуждалось, но напрямую в воспитательный процесс никто не вмешивался. Например, М.С. Николева так рассказывает о семье Николая Петровича Воейкова: «Одна из девочек, болезненный ребенок лет пяти, часто плакала и, если это случится в присутствии отца, то, чтобы заставить ее молчать, он выльет, бывало, ей на голову ведро холодной воды. Дети боялись его страшно». Отец вел весьма разгульный образ жизни, и мать не могла нанять для своих дочерей гувернантку, так что они «выучились только танцевать, а мать не жалела для них нарядов»<sup>[497]</sup>. Правда, имея хорошее приданое, они все сделали со временем приличные партии.

В воспоминаниях Е.И. Раевской говорится о странном, на взгляд рассказчицы, отношении графа Алексея Орлова к дочери Анне: если приходил дорогой ему гость, то он, выражая свое почтение к нему, заставлял свою дочь мыть полы. Перечить отцу графиня не смела<sup>[498]</sup>. В начале XIX века широко обсуждалась нашумевшая история тайного советника В.М. Попова, избившего свою дочь за то, что она не захотела примкнуть к секте хлыстов, к которой принадлежал он сам<sup>[499]</sup>.

Отношения матерей и дочерей тоже были не всегда основаны на взаимном уважении и доверии. Так, например, мемуаристка Е.А. Сабанеева вспоминала, что А.Е. Боборыкина, несмотря на любовь к дочери, была с ней очень строга, чем удивляла общество. Как-то раз в чужом доме дочь Полина ей чем-то не угодила, и мать на виду у всех дала ей громкую пощечину. Поэтому Полина, повзрослев, и не могла быть с нею откровенной<sup>[500]</sup>.

Власть родителей над детьми не прекращалась и после вступления последних в брак или поступления на службу, хотя, разумеется, несколько ослабевала. Если взрослые дети проживали совместно с родителями, то могли по своему вкусу оформлять свои комнаты, принимать гостей отдельно от родителей, иметь собственных слуг<sup>[501]</sup>.

\* \* \*

Чтобы воспитание приносило ожидаемые плоды, родителям следовало быть согласными между собой в манере воспитания, чаще бывать с детьми,



обходиться с ними сообразно их возрасту, не жалеть на воспитание денег, быть беспристрастными и уважать педагога, чтобы тот пользовался авторитетом и в глазах ребенка<sup>[502]</sup>. Публицист Н.И. Греч писал, что главное в воспитании – «образование ума и сердца, а не наполнение памяти. Научите юношу правильно мыслить и судить, внушите ему любовь к занятиям, любовь к наукам, к истине, к изящному, и если он одарен от природы понятливостью и памятью – ему довольно этого воспитания»<sup>[503]</sup>.

Мальчиков и девочек воспитывали по-разному. Телесные наказания практиковались в некоторых семьях, но это не считалось оскорблением, так как было широко распространено; к девочкам телесные наказания применялись значительно реже, чем к мальчикам. Князь В.П. Мещерский вспоминает: «В деревне мы с братом украли на оранжерее дыню; пятна на рубашках нас выдали; мы сознались, но наш отец, сказавши нам, что кража есть страшный грех, – подверг нас наказанию розгами и переполнил наши детские души ужасом и страхом к этому преступлению»<sup>[504]</sup>. Однако розги у Мещерских применялись в крайних случаях – за другой проступок мать объяснила сыну с «глубоким чувством», как нужно поступать. Князь П.А. Вяземский вспоминал, что и его за подобное преступление отец сам наказал розгами<sup>[505]</sup>. В других же семьях (например, у М.А. Дмитриева) никто и не думал их применять.

Известно, что в семье Достоевских дети с особой почтительностью относились к отцу. Учителей приглашали на дом, а иногда отец сам занимался с детьми. «У отца же братья, занимаясь нередко по часу и более, не смели не только сесть, но даже облокотиться на стол. Стоят, бывало, как истуканчики, склоняя по очереди: mensa, mensae, mensae и т. д. или спрягая: amo, amas, amat. Братья очень боялись этих уроков, происходивших всегда по вечерам. Отец, при всей своей доброте, был чрезвычайно взыскателен и нетерпелив, а главное, очень вспыльчив. Бывало, чуть какой-либо со стороны братьев промах, так сейчас разразится крик. <...> Так и при латинских уроках, при малейшем промахе со стороны братьев, отец всегда рассердится, вспылит, обзовет их лентяями, тупицами: в крайних же, более редких случаях даже бросит занятия, не dokonчив урока, что считалось уже хуже всякого наказания»<sup>[506]</sup>.

\* \* \*

Обедневшим дворянам всегда нелегко было воспитывать своих детей. В семье А.И. Бартенева почти не было денег, однако они весьма оригинальным образом вышли из сложной ситуации. Жена, муж, а

следовательно, и дети вели «кочевой» образ жизни: обедали у одних, ужинали у других, дети учились у гувернанток с детьми из тех семей, где они останавливались. Такая жизнь «развила в детях способность засыпать по всем углам гостиных или же, прижавшись в чайной под столом, прикорнуть глубоким сном невинности, если маменька поздно засиживается в гостях»<sup>[507]</sup>. Им помогали по мере возможности, так что дети, повзрослев, смогли достичь успехов в жизни, в особенности Полина, которая в 1835 году стала фрейлиной и прославилась своим пением.

Примечательна также традиция брать в дом дальних родственниц на воспитание. Как отмечают исследовательницы В.В. Пономарева и Л.Б. Хорошилова, человек никогда не оставался один на один с превратностями судьбы: окружающие принимали в нем живое участие, поддерживая, не давая опуститься на дно. Бедная вдова, оставшаяся с сиротами на руках; мальчик, отправившийся в столицу на обучение; старая девушка, так и не вышедшая замуж; промотавшийся слабохарактерный отец семейства; сверх меры повесничающий молодой человек – все они становились предметом беспокойства и участия окружающих, родных и близких<sup>[508]</sup>. Так, в доме Ивана Александровича Пашкова жили четыре молодых семьи, дочь, неженатые сыновья и целый пансион детей, присланных родными в Москву из провинции для образования<sup>[509]</sup>.

Бедных девушек обычно брали к себе на воспитание пожилые богатые родственницы. Характерный пример – героиня А.С. Пушкина из «Пиковой дамы», Лизавета Ивановна, «бедная воспитанница знатной старухи»: «Она разливала чай и получала выговоры за лишний расход сахара; она вслух читала романы и виновата была во всех ошибках автора; она сопровождала графиню в ее прогулках и отвечала за погоду и за мостовую»<sup>[510]</sup>. Воспитанница же была немногословна, отвечала одним-двумя словами, видимо, из боязни сказать что-нибудь лишнее и рассердить благодетельницу. В.А. Вонлярлярский тоже приводит пример из жизни бедной девушки-воспитанницы: «Обязанности ее в доме графини Брамберг состояли в том, чтобы разливать чай, садиться на конец стола во время обеда, читать иногда графине раздражительные романы, и уходить в свою комнату, когда гостиная наполнялась приезжими»<sup>[511]</sup>. Но все же воспитанницам давали образование и возможность выйти замуж. Девушки жили не в затворе, их вывозили на вечера, на балы. А.Е. Лабзина выдала замуж свою воспитанницу Е.С. Микулину и обеспечила ей приданое<sup>[512]</sup>. В царствование Павла I у князя П.И. Одоевского в доме образовалось настоящее «женское царство» – к воспитанницам князя часто приезжали

воспитанницы других состоятельных лиц, жизнь их была спокойна, «беспорочна и бесполезна»<sup>[513]</sup>.

Знаменитая певица графиня Е.П. Риччи, взяла на воспитание маленькую девочку Лизу, дочь своего двоюродного брата Павла Александровича Нащокина, с которым дружила. Она воспитывала и любила девочку как родную дочь. Графине помогала компаньонка, Е.М. Смольянинова, домашнее прозвище которой было «Додоша». Когда Лизе исполнилось 16 лет, Екатерина Павловна выдала ее замуж и в дальнейшем покровительствовала ее семье. Доброе отношение графини простиралось и на внуков (детей Лизы), которые звали ее «графиня-бабушка»<sup>[514]</sup>.

Известно, что А.И. Дельвиг воспитывал и обучал сына своей двоюродной сестры Марии Антоновны Рудзевич, оставшейся вдовой с детьми и без денег. Молодой человек в 17 лет был едва знаком с грамотой, но все-таки трудами Андрея Ивановича и его жены Эмилии Николаевны выдержал экзамен в юнкера<sup>[515]</sup>.

\* \* \*

Во все времена родители неизменно оказывают большое влияние на детей: в выборе профессии, увлечений, расстановке жизненных приоритетов. Софья Михайловна Виельгорская писала о детях своего деда, Ю.М. Виельгорского: «Привыкнув с самого нежного возраста видеть в доме музыкантов, каждый из них стал учиться играть на каком-нибудь инструменте и очень скоро умел аккомпанировать отцу, исполнявшему партию первой скрипки в квартетах Роде, Гайдна и других»<sup>[516]</sup>. Внуки (дети М.Ю. Виельгорского) все также прекрасно играли на музыкальных инструментах.

Ребенок перенимает у родителей и воспитателей манеру поведения, воспринимая их действия как норму. П.А. Клейнмихель ругался при сыновьях, учил их драться с малолетства, а когда они начали разговаривать, то стали и ругаться. А.И. Дельвиг был свидетелем такой неприятной сцены: подойдя к младшему сыну, бывшему на руках у кормилицы, Петр Андреевич сказал ему «Мишка, бей ее (т. е. кормилицу), хорошенько бей» и, взяв его ручонки, бил ими по щекам кормилицы<sup>[517]</sup>. К сожалению, это не единичный случай. В первой половине XIX века уважительное отношение к крепостным людям было редким явлением. Например, генеральша Рытова отчаянно баловала свою внучку, Лизу Толстую. Когда ребенок уже научился стоять на ножках, она ставила ее на стол, подводила к ней няню и говорила: «Обидела тебя эта хамка, обидела?

А ты, матушка, сними с ножки башмачок и дуй ей по морде... бей, бей крепче!» И девочка, воспринимая указания бабушки как образец поведения, била старушку-няню по лицу, а генеральша смеялась<sup>[518]</sup>.

А.И. Дельвиг описывает еще один пример дурного поведения матери, а следовательно, и ее дочери: графиня А.С. Толстая вышла замуж в 1840 году за профессора Казанского университета Иванова, прижила с ним двоих детей и оставила его. Воспитанием детей она не занималась, и «дочь ее двенадцати лет кокетничала со всеми подряд до неприличия»<sup>[519]</sup>.

Павел Петрович Вяземский признавался, что многое воспринял от своего отца: «дух критики воспитан был в нас отцом моим с детства». В возрасте семи лет Павел даже критиковал в своей тетради «Евгения Онегина»<sup>[520]</sup>.

Собственным примером родители транслировали подрастающему поколению определенные жизненные установки. Если же уроки поведения были усвоены неверно, то высший свет отвергал этих молодых людей. Репутация и честь высоко ценились, а пренебрежение хорошим тоном и моралью порой не только осуждалось общественным мнением, но могло навлечь на провинившегося немилость со стороны государя.

\* \* \*

Иногда в мемуарах или в художественной литературе можно найти семейные прозвища детей либо особые формы обращения к ним. Льва Николаевича Толстого, например, в детстве звали «Левка-пузырь»<sup>[521]</sup>. Князь П.Н. Оболенский свою дочь Варвару звал «Барбуха»<sup>[522]</sup>. Великого князя Николая Николаевича (сына Николая I) звали «Низи», великую княжну Ольгу Николаевну – «Оли», Александру – «Адини»<sup>[523]</sup>. Евдокию Петровну Ростопчину в семье называли «Додó», как она сама себя прозвала в раннем детстве<sup>[524]</sup>. Ивана Петровича Мятлева звали в семье «Ишкою»<sup>[525]</sup>. А.И. Герцена в детстве звали Шушкой<sup>[526]</sup>, а Татьяну Пассек в доме княгини Хованской – Темирой<sup>[527]</sup>. Детей было принято называть по-французски, как, например, Григория Печорина, которого дома звали «Жорж» (мы впервые встречаем это имя у Лермонтова в «Княгине Лиговской»), хотя имя его сестры не стали менять на иностранный манер, а называли ее ласково «Варенька»<sup>[528]</sup>.

Родители также выказывали свою любовь к детям в нежных обращениях к ним: «любезные и милые детки»<sup>[529]</sup>, «душа моя»<sup>[530]</sup>, «мой ангел»<sup>[531]</sup>. Князя Андрея Болконского отец всегда называл в третьем лице

(«князь Андрей»)<sup>[532]</sup>. Сердясь на своего сына, декабриста К.Ф. Рылеева, отец Федор Андреевич обращался к нему в письме подчеркнуто вежливо: «любезнейший мой Кондратий Федорович»<sup>[533]</sup>.

А.И. Дельвиг писал, что его младшего брата сначала называли Николаем. Ему было лишь 5 месяцев, когда умер их отец, и в память об умершем все звали его Ванечкой – пока его не произвели в офицеры и он сам не воспротивился этому имени<sup>[534]</sup>.

В 1826 году Пушкин написал Павлу Вяземскому стихи для альбома, в которых назвал его «душа моя Павел».

Душа моя Павел,  
Держись моих правил:  
Люби то-то, то-то,  
Не делай того-то.  
Кажись, это ясно.  
Прощай, мой прекрасный<sup>[535]</sup>.

С тех пор в семье мальчика так и прозвали, а до того называли строками из эпиграммы А.Е. Измайлова на Павла Свинына: «Павлушка – медный лоб (приличное прозвание!) / Имел ко лжи большое дарованье». Пушкин оказал некоторое влияние на Вяземского-младшего – например, научил его боксировать по-английски. Павел с охотой боксировал со всеми желающими и не желающими на детских балах, отчего его перестали возить на семейные праздники. Мать запрещала детям даже прикасаться к картам, а вот Пушкин научил его игре в «дурачки» – они играли на визитных карточках, оставшихся с Нового 1827 года<sup>[536]</sup>.

\* \* \*

Если дети по какой-либо причине находились далеко от родителей – будучи в учебном заведении или же когда взрослые уезжали за границу на лечение, – надлежало регулярно писать родителям письма. Для подобных посланий существовали определенные стандарты – например, для изъявления чувств привязанности и почтения использовались традиционные обороты: «целую ручки», «прошу благословения» и так далее. У эмоциональных детей, сильно привязанных к родителям, этикетные формулы присутствовали вперемешку с переживаниями из-за расставания с ними. Например, в письмах к родителям маленькая Ольга Дмитриевна Воеводская называет их «душечка, ангел мой Мамаша!», «ангел папаша!», «душка папа». Ребенок так соскучился по родным, по

дому, что в одном из писем не в силах сдержать душевной муки: «Ангел мой Мамаша!! Ангел! Приезжайте ради Бога ко мне, я всякую минуту, всякий час думаю об Вас. Иной раз так делается скучно об Вас когда вспоминаю об доме даже и заплачу, а иногда и весело. Когда я писала это письмо так мне так скучно было я и плакала»<sup>[537]</sup>.

Поэт Михаил Данилович Деларю и его брат Сергей, учившиеся в Царскосельском лицее, тоже часто писали родителям. Письма старшего брата более сдержаны в проявлении чувств. Например, Михаил так заканчивает свое письмо: «Целую милые ваши ручки и прося вашего родительского благословения честь имею оставаться Ваш покорнейший сын и слуга Михаил Деларю»<sup>[538]</sup>. А в одном из писем младшего, Сергея, есть такие слова: «Приезжайте к нам поскорее милой папинька, нам здесь очень грустно, целую нещетно раз милые ваши ручки».

Во время отъезда родителей за границу маленький князь Александр Барятинский пишет к матери Марии Федоровне по-французски: «Моя дорогая Мама! Завтра будет уже неделя, как мы не виделись. Мы каждый день высчитываем, где вы можете быть сейчас. Сегодня, мы думаем, вы в Броди, откуда через две недели вы попадете в Хедтен»<sup>[539]</sup>.

Когда дети подолгу не писали, родители очень беспокоились. Показательно письмо-увещевание Якову Александровичу Левашову от его родителей, написанное в 1803 году: в нем строгость выговора и угрозы от отца перемежаются с сожалениями и просьбами не огорчать их мать. Отец пишет: «Яков Александрович. Три почты от тебя писем не имею, потому ты не заслуживаешь, чтобы я к тебе имел внимание. Не взирая на сие и надеясь, что еще справишься, послал к брату и для тебя на шубу 200 рублей денег. <...> Ежели за сим писать будешь редко, то уже денег на содержание от меня не жди». Далее следует приписка от матери: «Милый Мой Яшенька, посылаю тебе мое благословение, огорчаешь ты нас много – не пишешь ни строчки, отец на тебя сердится, это дурно для тебя, не забудь меня, прощай, мой голубчик, мы собираемся по первому пути быть в Москве, целую тебя верная мать. Марья Левашова»<sup>[540]</sup>. Надо думать, молодой человек не стал искушать судьбу и прекратил испытывать терпение родителей.

Алексей Михайлович Милютин переписывался с сыновьями, когда те жили в Москве, а он – в Петербурге. В своих письмах отец давал сыну Дмитрию советы усердно учиться, особенно иностранным языкам. «Вместе с тем он имел терпение, среди всех его деловых занятий, среди всех забот и неприятностей, прочитывать присылаемые мною детские сочинения и



сообщать мне свои замечания. При этом он предостерегал меня от излишней самонадеянности в выборе тем, недоступных детским силам; не одобрял моих стихотворных опытов и давал предпочтение работам на исторические темы. Советы отцовские не остались без влияния на мои дальнейшие внеклассные занятия»<sup>[541]</sup>.

Девятнадцатилетний Александр II во время своего путешествия по России тоже переписывался с отцом. Всего сохранилось 58 писем: 23 написаны Николаем I, 35 – будущим императором. Искренние, теплые, сердечные, непосредственные – у сына и рассудительно-мудрые, но такие же сердечные – у отца. Письма Николая I обычно были подписаны: «Твой старый верный друг Папа Н.» или «Бог с тобой, не забывай старого друга Папа. Н.»; к сыну он обращается «милый Саша». Письма наследника были подписаны, как правило: «Твой навсегда Александр», но иногда и шутливо: «Твой дедушка Александр», «Твой старый Мурфич», «Твой старый московский калач»; Александр часто обращается к отцу «милый бесценный Папа»<sup>[542]</sup>.

\* \* \*

В императорских семьях отношение к воспитанию детей было особым. На императорскую семью смотрела вся страна: дети становились императорами, королевами, занимали видные посты в государстве. Жители столиц могли наблюдать за тем, как воспитывают царских детей, а дворяне с особым вниманием следили за ними, перенимая некоторые особенности системы воспитания. Избранные дворянские дети становились друзьями царевичей и царевен по играм и учебе.

Великая княжна Ольга Николаевна (дочь Николая I) вспоминала: «Бабушка приходила уже с утра, со своей гобеленовой вышивкой, в маленький деревянный дворец, садилась в детской и принимала там доклады, в то время как мы вовсю резвились. Она изучала наши склонности и способности; Адени, проказница и ласковая, была „le bijou”<sup>[543]</sup>, кузина Лили<sup>[544]</sup>, очень прямая, немного вспыльчивая и похожая на мальчика, звалась ею „честный человек”, я, скорее сдержанная и застенчивая, получила от нее прозвище „хорошая и спокойная Олли”, а в один прекрасный день – „Председательница доброго Совета для Семьи”. Я вспоминаю себя неразговорчивой, не слишком живой и резвой, но, невзирая на это, мои младшие сестры и братья меня любили. Мне постоянно приходилось быть судьей, когда они ссорились, и без лишних слов мне всегда удавалось восстановить мир. Любимцем между нами был,

несомненно, наш Саша, „L'Angelo sympathico”<sup>[545]</sup> отца, как называла его Бабушка»<sup>[546]</sup>.

Летом 1831 года царские дети познакомились с детьми графа М.Ю. Виельгорского, которые стали их товарищами по играм и, впоследствии, хорошими друзьями. Ольга Николаевна написала в воспоминаниях об их совместных детских развлечениях: «Наряду с очень строгим воспитанием, с другой стороны, нам предоставляли много свободы. Папа требовал строгого послушания, но разрешал нам удовольствия, свойственные нашему детскому возрасту, которые сам же любил украшать какими-нибудь неожиданными сюрпризами. Без шляп и перчаток мы имели право гулять по всей территории нашего Летнего дворца в Петергофе, где мы играли на своих детских площадках, прыгали через веревку, лазили по веревочным лестницам трапеций или же прыгали через заборы. Мэри, самая предприимчивая из нашей компании, придумывала постоянно новые игры, в то время как я, самая ловкая, их проводила в жизнь. <...> После обеда мы бежали на сеновал, прыгали там с балки на балку и играли в прятки в сене. Какое чудесное развлечение! Но графиня Виельгорская находила такие игры предосудительными, так же как и наше свободное обращение с мальчиками, которым мы говорили „ты”. Это было донесено Папа; он сказал: „Предоставьте детям забавы их возраста, достаточно рано им придется научиться обособленности от всех остальных”»<sup>[547]</sup>.

Примечательно, что и у их отца – императора Николая I – всю жизнь сохранялись дружеские отношения с братом Михаилом и сестрой Анной. Двор их мало замечал, и они образовали своего рода семейный клуб, даже носили особые кольца. Они и позднее поддерживали тесные семейные связи, которые Анна Павловна (будущая королева Нидерландов) называла «семейным союзом»<sup>[548]</sup>.

### 3. Отношения с родителями

Родители стремились воспитать в детях почтение к старшим. Все в доме было направлено на поддержание авторитета родителей. В то же время и сами дети дорожили родительским вниманием. Например, П.А. Вяземский писал, что в те редкие вечера, когда в их доме было всего 2–3 гостя, а то и никого, отец оставлял детей ужинать с собой, обыкновенно в одиннадцатом часу, замечая: «Понятно, что эти дни дорого ценились нами»<sup>[549]</sup>.

Павел Дмитриевич Киселев всю жизнь питал самые нежные чувства к матери и внушал своим братьям и сестрам обязанность заботиться о ее спокойствии и удобствах жизни. Ей он писал: «до последней минуты существования моего сохранию все чувства любви, преданности и послушания, с коими не переставал быть вам, милостивая государыня матушка, покорным сыном»<sup>[550]</sup>.

Е.В. Новосильцева отмечала, что в доме ее бабушки взрослые, уже поседевшие дочери не могли послать слугу из дома и на два шага без ведома матушки; ни одна из них не выходила из дома, не поцеловав ее руки и не прибавив: «Я, маменька, туда-то собираюсь. Можно?» «Бог с тобой», – отвечала обыкновенно старушка. За исключением этих патриархальных обычаев, которые в сущности не были несколько стеснительны, дочери обращались с матерью совершенно свободно<sup>[551]</sup>.

По наблюдению Е.А. Сабанеевой, «в семье Несвицких особенно ясно выражалось почитание старших; оно стояло будто на первом плане и должно было руководить всеми движениями в семье и доме. Приемы со старшими (*les grands parents*) носили у Несвицких характер даже какого-то приторного подобострастия, которое сначала удивляло, но впоследствии являлось такою удобоисполнимою обязанностью со стороны молодого поколения, что это делалось охотно. <...> В доме иначе не говорили как: „Дядюшка или тетушка изволили приехать, изволили огорчиться, изволили прогневаться, изволили мне то или другое пожаловать”. <...> В итоге семья Несвицких имела характер весьма почтенный и патриархальный»<sup>[552]</sup>.

\* \* \*

К родителям обращались ласково-почтительно: «матушка», «маменька», «голубушка», «мамаша», «папаша», «папенька», говорили им обычно «вы», редко – «ты»<sup>[553]</sup>. «Бесценнейшая маменька», «Покорный

сын Ваш», «Прощайте, милая, бесценная мамаша, крепко, крепко обнимаю вас, целую руки ваши», – пишет М.Д. Воеводский матери<sup>[554]</sup>. Таким обращением, а также традицией целовать руки родителей подчеркивалось уважение к старшим и нежная привязанность к ним. Как пишет П.И. Сумароков, дети в XVIII и начале XIX века «родителей не называли *папенька*; они не говорили им *ты*, не трепали по плечу и признавали их существами священными. Панибратство, приличное для равных, не у места между повелевающим и подчиненным. <...> Сыновья в лентах, дочери замужние обходились с отцами, матерями с почтением, целовали руки их и не садились перед ними без позволения. Не проходило дня без свидания; приедут и осведомляются, что делал отец, как провела ночь мать и кто приезжал к ним»<sup>[555]</sup>.

Также распространен был обычай отсылать родителям журнал с подробным описанием каждого дня. Таким способом родители могли больше узнавать об интересах детей, поддерживать эмоциональную связь с ними, быть в курсе всех происшествий. Так, например, делала Елизавета Давыдова в то время, когда она жила в Москве у дедушки, графа В.Г. Орлова, а ее родители, братья и сестры для поправки здоровья находились в Италии<sup>[556]</sup>. Так же поступал Александр Иванович Барятинский в 1830 году, когда в Москве свирепствовала холера и положение сына вызывало справедливое беспокойство матери<sup>[557]</sup>.

\* \* \*

К дедушкам и бабушкам дети также были очень почтительны, обращались к ним по-русски (дедушка, бабушка) или по-французски (гранпапа, гранмама), на письме добавляли «любезный»<sup>[558]</sup>. Михаил Лермонтов обращался в письмах к Е.А. Арсеньевой «милая бабушка», на «вы», подписываясь «покорным внуком»<sup>[559]</sup>.

М.И. Глинка с почтением писал своей матери: «Христос воскрес! Поздравляю вас с праздником воскресенья и молю провидение – да хранит ваше драгоценное здоровье, и да ниспошлет на вас всевозможные блага и радости на земле, и да позволит мне быть вам в утешение»<sup>[560]</sup>.

В 1837 году, будучи в Италии, сын знаменитого историка полковник А.Н. Карамзин писал письма к матери, обычно заканчивая их словами: «Прощайте, милая и возлюбленная маменька, нежно целую Ваши ручки и крепко прижимаю Вас к сердцу, исполненному сыновней любви», или: «Нежно и крепко обнимаю Вас горячими объятиями, милая и добрая маменька, и тысячу раз целую Вашу ручку. Благословите меня».<sup>[561]</sup>

Воспитанный на романтических идеалах, молодой Михаил Дмитриевич Воеводский пишет родителям: «Целую ручки и пальчики ваши, сестер и братьев тоже. Сын ваш, готовый за вас и в огонь и в воду Михаил Воеводский»<sup>[562]</sup>.

Николай Давыдов в своих письмах к родителям в Сибирь обращается к ним так: «Любезные родители», «Прощайте, Дражайшие Родители, целую ваши ручки тысячу раз», «Прощайте, любезные родители, целую ваши ручки тысячу раз, также и милых братцев и сестрицу», «ваш покорный сын Николай Давыдов», «Ваш любящий сын Николай», «Mon tres cheri Parents»<sup>[563]</sup>. Его сестры также писали родителям, сообщая о своих успехах, о том, как они живут вдали от них. Например, в 1831 году Екатерина пишет: «Милинькия Папинька и Маминька. У меня уже давно прошла лихорадка не беспокойтесь пожалуйста больше, я уж теперь совсем здорова». Сообщает милые семейные новости. Далее приписка по-французски: «Ma cher maman et Papa. Эту подушку которую мы шьем назначили папиньке а вам я буду шить шемизетку когда мы были у Муравьевых я с Лизинькой игралась в куклы. Мы очень часто гуляем». «Мои дорогие Мама и Папа. Я хотела сделать эту запись на Французском, но (сперва) подзабыла. Отныне и далее я буду писать по-французски. Я очень люблю мою няню, она очень хорошая и сама дает нам уроки Грамматики, Закона Божия и географии. Лизина очень приятная, мы ее очень любим. Извините, мои дорогие Мама и Папа за мою невнимательность, я писала как курица лапой. Прощайте, мои дорогие Мама и Папа, я вас целую от всего моего сердца, моего брата и мою сестру и Лизу»<sup>[564]</sup>.

\* \* \*

После женитьбы молодой супруг становился сыном для родителей жены, а его супруга, соответственно, – дочерью для родителей мужа. К ним обращались почтительно и называли так же, как и своих отца с матерью. Например, А.А. Меншикова (супруга адмирала А.С. Меншикова) в письмах к свекру Сергею Александровичу обращалась так: «Милостивый Государь Батюшка!» и подписывалась: «покорная дочь ваша». Ее муж писал к теще: «Милостивая Государыня Матушка Александра Максимовна». В ответ А.М. Протасова (мать жены) писала зятю: «милый друг Александр Сергеич», «любезный друг»<sup>[565]</sup>. Михаил Федорович Орлов так завершает письмо к тестю Николаю Николаевичу Раевскому: «Прощайте любезный батюшка, ваш сын нежно вас обнимает и целует

ваши и матушкины ручки»<sup>[566]</sup>. Петр Львович Давыдов в письмах обращался к тестю графу В.Г. Орлову традиционно «Милостивый Государь Батюшка», а также «Почтеннейший мой благодетель», подчеркивая свое уважение к графу, к его статусу в семье и в общей системе чинов<sup>[567]</sup>. Писатель В.А. Соллогуб вспоминал, что его теща, Луиза Карловна Виельгорская, к нему не благоволила, в то время как с тестем Михаилом Юрьевичем у них сложились отличные отношения<sup>[568]</sup>.

Сестры и братья мужа или жены становились также сестрами и братьями супруге/супругу. Например, сестра Дмитрия Аркадьевича Воеводского Мария пишет ему и его жене: «Дражайший брат и друг мой Димитрий Аркадьевич! И милейшая Сестрица Мария Федоровна!»<sup>[569]</sup> При этом качество настоящих отношений не всегда принималось в расчет (дружбы могло совсем не быть), но соблюдение этикета считалось обязательным (что поддерживало ровные отношения при отсутствии искренней привязанности).

\* \* \*

Ребенок узнавал окружающий мир, путешествуя с родителями, а так как переезжали часто (приезжали погостить у родственников, выезжали в деревню из города и обратно, отвозили детей на учебу в пансион) и дороги были длинные, то сведений накапливалось множество. К тому же, не отвлекаемые на заботы столичной жизни, матери и отцы могли больше времени посвящать непосредственному общению с детьми. В.А. Соллогуб, рассказывая о своем путешествии с родителями в Симбирскую губернию, говорит, что для него, «мальчика-баловня, постепенно становилось все более понятно, что, кроме придворного мира, кроме мира светского и французского, кроме даже мира благодушия бабушки, был еще другой, мир корено-русский, мир простодушный и что этому миру имя громада...»<sup>[570]</sup> В сказке В.Ф. Одоевского отец учит детей географии, ссылаясь на их поездку семьей из Петербурга в Москву<sup>[571]</sup>.

\* \* \*

У дворянских детей были свои увлечения. Например, Д.М. Погодин вспоминал, что в детстве очень любил певчих птиц и у него всегда водились «добрые» соловьи. Летом любили обедать в саду, часто бывали гости, а мальчик вешал клетки с соловьями над столом и укрывал их ветками. Под стук ножей и разговоры соловьи оживлялись и начинали петь. Ребенок никого не посвятил в свою тайну, кроме Николая



Васильевича Гоголя, в то время жившего у них<sup>[572]</sup>.

Родители зачастую прививали детям интересы, свойственные им самим, но бывало и иначе. С.П. Сушков в воспоминаниях о своей сестре, поэтессе Е.П. Ростопчиной, пишет: «в прозаически-житейском семействе Пашковых, где она воспитывалась, никто не занимался литературой. <...> Евдокия Петровна начала писать стихи скрыто от старших родных в семействе Пашковых»<sup>[573]</sup>.

\* \* \*

На именины и дни рождения дети всегда готовили для родителей подарки. В романе С.О. Бурачка княжна делает сюрприз своему отцу: она сшила ему галстук, рубашку, подтяжки, чулки, манишки, жилет. «Василий Иванович несколько смешался:

– Я думал... Княжна должна своему отцу – чудесный экран... этакая вещи... их можно и купить... я было думал похвастаться гостям. – Что это вам вздумалось... чтобы нибудь изящное – бисером, шелками...

– Я это сама выбрала, папашечка; мне хотелось похвастаться, что уже, с Божьей помощью, все сама умею делать в доме, и в состоянии помогать маменьке; но я и бисером, и шелками все делаю, только времени жаль; а иголкой труднее, и скорее понадобится»<sup>[574]</sup>. При всей дидактичности романа из этого эпизода мы можем узнать, что обычно дарили родителям изящные безделушки, что-нибудь, сделанное своими руками (рисунок, исполнение трудного музыкального произведения, рукоделие, стихотворение собственного сочинения и так далее).

\* \* \*

В неблагополучных семьях дети были вынуждены вырабатывать особую манеру поведения. Из различных мемуаров той эпохи мы видим, что им приходилось, подобно хорошим актерам, разыгрывать роли послушных, любящих, но главное – незаметных и тихих детей, чтобы не вышло скандала. Екатерина Сушкова писала: «С шести лет я принуждена была скрывать и часто притворяться перед отцом; он готов был бы избить до смерти мою мать, если бы подозревал, что она сберегла рубль для нашего завтрака; по суеверию игроков, он возмечтал бы, что именно этот рубль и возвратил бы все проигранное»<sup>[575]</sup>. Из воспоминаний А.П. Араповой (урожденной Ланской) нам известно, что ее дед, Николай Афанасьевич Гончаров, страдал безумными припадками гнева и дети зачастую скрывались от него за тяжелой дверью на верхнем этаже. После

обеда полагалось детям быстро и незаметно покинуть комнату. Но как-то раз Наталья Николаевна не заметила, что мать уже взмахнула платком (условный знак, означавший, что обед завершен), и поздно направилась к дверям. У отца это вызвало настолько сильное раздражение, что он бросился за ней с ножом. Девочка в последнюю минуту, буквально чудом успела влететь за спасительную дверь к братьям и сестрам. Воспоминания об этом инциденте сохранились у нее на всю жизнь. С матерью они встречались за столом, в праздничные дни изредка катались и обязательно должны были сопровождать ее на церковные службы. «В самом строгом монастыре молодых послушниц не держали в таком слепом повиновении, как сестер Гончаровых. Если случалось, что какую-либо из них призывали к Наталье Ивановне не в урочное время, то пусть даже и не чувствовала она никакой вины за собой, – сердце замирало в тревожном опасении, и прежде чем был преступлен заветный порог, рука творила крестное знамение, язык шептал псалом, поминавший царя Давида и всю кротость его»<sup>[576]</sup>.

\* \* \*

Власть родителей была велика, уважение к ним – огромно. В законодательстве того времени нет главы о правах ребенка, даже высшего сословия. Вся забота о юном дворянине лежала на родителях; подразумевалось, что они желают чаду только добра и стремятся обеспечить ему достойное будущее. И, надо сказать, законодательно не прописанные права ребенка осуществлялись на самом деле – он воспитывался в семье (своей или приемной), получал образование, приличное его положению, не был изнурен непосильным трудом. Возможно, интересы ребенка редко учитывались при выборе будущей службы, но родители взвешенно подходили и к этому вопросу, решая его сообразно с запросами времени и общества.

В мемуарах детей упоминали редко: считалось, что ребенку не место в среде взрослых, ведь мемуары предназначались для совершеннолетней аудитории. В XIX веке ребенок воспринимался как личность, которую необходимо воспитывать, ориентировать на идеал и до завершения образования не представлять всему обществу. Навыки жизни в социуме ребенок приобретал и практиковал в семье – в общении с другими детьми, слугами, учителями. При этом в каждой семье устанавливалась иерархия, требовавшая соблюдения некоторых правил и условий, – но, впрочем, детям, как правило, предоставлялась возможность играть, шалить и заводить знакомства.

## 4. Детство как особая культура

Секретный мир детства живет как бы параллельно с миром взрослых. Его можно назвать даже отдельной субкультурой<sup>[577]</sup>. П.С. Гуревич определил субкультуру как «особую сферу культуры, суверенное целостное образование внутри господствующей культуры, отличающуюся собственным ценностным строем, обычаями, нормами»<sup>[578]</sup>. Субкультура детства состоит, по мнению И.С. Кона, из трех главных подсистем: 1) детская игра; 2) детский фольклор и общее художественное творчество; 3) общение, коммуникативное поведение детей<sup>[579]</sup>. О последнем преимущественно и пойдет речь ниже.

\* \* \*

По воспоминаниям А.М. Достоевского, брата знаменитого писателя, в их семье старшие дети имели общие интересы, но время проводили раздельно. Сестра большую часть времени была с матерью и сидела в гостиной, занимаясь или уроками, или каким-либо детским рукоделием. Мальчики, не имея отдельных комнат, постоянно находились в зале все вместе и не стеснялись присутствием меньшего брата, лишь в редких случаях отгоняя его от себя, называя при этом своим «хвостиком». Оба старших брата были погодки, росли вместе и были чрезвычайно дружны между собою. Дружба эта сохранилась и впоследствии, до конца жизни старшего брата<sup>[580]</sup>.

Близкий друг семьи Л.Н. Толстого, переводчица и мемуаристка Елизавета Менгден (урожденная Бибикова) вспоминала, что ее сестра Катя часто рассказывала ей в угоду сказки и повести, которые маленькая Лиза очень любила. Когда же она заболела, то по воскресеньям сестра играла с ней в куклы (вообще это занятие казалось ей скучным, хотя девочке было только 10 лет). Дети в семье Бибиковых были очень дружны между собой, несмотря на неравное отношение к ним родителей. Каждое утро девочки должны были вставать в 5 утра и делать уроки; Катя обязана была с 5 до 7 играть на фортепьяно, но часто засыпала над нотами, и младшая сестра бегала ее будить. Елизавета Ивановна отмечала, что они не шалили и не ссорились. А старший брат Александр однажды потратил последние деньги, чтобы подарить Лизе зеленый гроденаплевый фартук с лифом, который ей ужасно хотелось надеть.

В некоторых дворянских семьях детей было немного, один или

максимум два ребенка. Например, у А.И. Герцена был только один брат (единокровный и нелюбимый отцом), старше его на 10 лет, очень болезненный. Как пишет сам Герцен, брата он «всегда любил, но товарищем он мне не мог быть»<sup>[581]</sup>. Пушкин, по словам Ю.Н. Тынянова, относился к братьям и сестре, «как к стаканам, которые не должно было ронять и за которые ему доставалось»<sup>[582]</sup>. Позже они подружились, но в раннем детстве были как чужие.

Взаимоотношения между детьми зависят от их характеров и воспитания, данного родителями. В.Ф. Одоевский в «Княжне Мими» приводит разговор двух сестер с матерью за «круглым столом», то есть дома, между собой. Все искренние мысли и чувства обнажаются, явно выступает зависть одной сестры к другой. Княжна Мими, не сумевшая выйти замуж, не упускает случая выразить свое отношение по поводу брака пожилого мужчины и молодой девушки, уморившей его на балах, намекая на жизнь своей сестры. «Тут дочери ропщут, мать сердится, сестры упрекают друг друга, словом, тут делаются явными все те маленькие тайны, которые тщательно скрываются от взоров света». А нечаянному гостю видится «дружеский кружок милого семейства»<sup>[583]</sup>. Обычно близкие люди (супруги, родители и дети, сестры и братья) в глазах общества старались создать картину внешней дружбы и уважительных отношений. Д.Н. Бегичев приводит в пример сестер, которые при личном свидании на людях «обходились друг с другом, не только как родные сестры, но и как истинные друзья, говорили одна другой: ты, любезная, милая сестра, незаметно было никакой вражды между ними». А за спинами осыпали друг друга бранью<sup>[584]</sup>.

В некоторых семьях, например у Несвицких, о которых пишет мемуаристка Е.А. Сабанеева, «подобное уважение к летам имело место и между братьями и сестрами, ибо младшие говорили старшим непременно „вы“, адресуя речи между собой, и „они“ или „оне“, когда говорили о старших себя»<sup>[585]</sup>.

Как можно видеть из этих примеров, в большинстве своем дети уважали своих родителей, младшие почитали старших братьев и сестер. В семье же Барятинских, как отмечал писатель В.А. Инсарский, все родные боялись старшего брата Александра Ивановича. Он был крайне самолюбив и суров со всеми. Сама мать – княгиня Марья Федоровна – не могла входить к нему без предварительного извещения о своем приходе. В семье сохранены были приличия, авторитет старших поддерживался, но общение с Александром носило церемонный характер. «Вообще, сколько я мог

наблюдать, отношения князя к матери отличались холодностью и сухостью и вовсе не были проникнуты тою искренностью и любовью, как мы привыкли видеть в простых семействах»<sup>[586]</sup>.

\* \* \*

В семье Василия Львовича и Александры Ивановны Давыдовых родители всячески старались подружить детей, оставшихся у родственников, с детьми, рожденными в ссылке. Сохранились трогательные письма маленького Васи к сестрам Кате и Лизе, которых он ни разу не видел:

«Милыя, добрыя мои сестрицы, я, Саша и Ваня благодарим вас очень за ваши прекрасные подарки. Мне больше всего понравились краски и книжечка вашей работы, я буду ее беречь потому что вас очень люблю, мы все вас крепко целуем и просим поцеловать ручки у доброй тетеньке и детушек ее за нас. Любящий вас брат Вася Давыдов. 4 Декабря 1836».

«Любезные сестрицы. Благодарим мы все вас за письмо ваше; оно нас очень обрадовало. Мы любим вас всем сердцем и желаем, чтоб и вы нас также любили. Саша, Ваня, Левушка и я целуем вас крепко, дружечки милые. Брат ваш В.Д. 13 февраля 1838 года».

«Милая сестрица. От всего сердца поздравляю тебя. Желаю чтоб ты была здорова и счастлива. Как бы мы хотели видеть тебя и Лизу! Мы вас очень любим. – Целую тебя и Лизу тысячу раз. Любящий тебя брат. В. Давыдов. 24 мая 1838-го года».

«Милой моей сестрице Катиньке. Милая сестрица Катя поздравляю тебя с именинами и желаю тебе счастья. Посылаю тебе Рыцаря своей работы – Je t'embrasse de tout mon coeur (Обнимаю тебя всей своей душой. – *фр.*) В. Davidoff. 24 ноября 1838»<sup>[587]</sup>.

Все эти письма написаны старательно, как по прописям. Родители учили ребенка правильному составлению и оформлению писем и прежде всего стремились к установлению между детьми добрых родственных отношений.

В 1845 году уже повзрослевший Василий Васильевич написал сестрам письмо, журя их за редкие весточки. Сохранено оригинальное написание: «Милые мои сестрицы Катя и Лиза. Поздравляю вас с прошедшим праздником и с новым годом желаю вам его провести весело и счастливо. Я вами немного недоволен вы уже два раза писали к Маменьке а ко мне ни разу кажется могли бы и мне хотя немного написать напишите мне пожалуйста как вы проводите время веселитесь ли. Что же касается до меня я его провожу очень дурно четвертого Сентября я опять в Лазарете у

меня прежняя моя болезнь возобновилась все праздники я просидел в Лазарете. Дубецкий меня не пустил в отпуск. У меня теперь новый Генерал фон Брадко<sup>[588]</sup> (?) он очень добр со мной. Дядюшка Л.В. и тетушка А.В. часто у меня бывают также и Лизавета Григорьевна она очень добра ко мне. Здоровье мое слава Богу теперь гораздо лучше я стал ходить в классы я вам и забыл сказать я выдержал экзамен и перешел в другой класс я довольно часто получаю письма от Папиньки и Маминьки. Мне очень жаль что вы теперь не в Москве <нрзб> видеть двух господ с которыми Папинька очень дружен вы можете себе представить как я был рад их видеть они в конце Февраля поедут назад я постараюсь приготовить чегонибудь с ними послать надеюсь что меня пустят на масленицу в отпуск. У меня также был старый знакомый Лепарский который был плац-майором в Петровском заводе. Вот вам в коротких словах моя жизнь с тех пор как я с вами расстался милые мои сестрицы и чтобы окончить мой рассказ об себе я должен прибавить об чем вы и сами можете догадаться ужасную тоску и скуку часто об вас думаю вспоминаю об прошлом годе когда вы были в Москве. Я думаю вы гораздо веселее меня проводите время. Поздравьте от меня доброго дядюшку, тетушку и всех дочерей их. Прощайте милые мои сестрицы Катя и Лиза целую вас. Ваш брат В. Давыдов»<sup>[589]</sup>.

Братья Бестужевы также сохраняли хорошие отношения с детства. Старший, Александр (Марлинский) – писатель, декабрист – писал брату Павлу несколько назидательные письма, побуждая его больше учиться, быть внимательнее к людям («Ты будешь угадывать людей сквозь светский налет образованности»), обращаясь к нему «Милой брат Павел Александрович» или «Любезный Поль!»<sup>[590]</sup> (на французский манер).

Декабрист Сергей Иванович Муравьев-Апостол писал своему брату в утро перед казнью 13 июля 1826 года, заботясь о его судьбе, призывая к смирению перед волей Божьей и государевой, называя «милым, добрым, любезным братом и другом Матюшей»<sup>[591]</sup>.

\* \* \*

Как и во все времена, между дворянскими детьми XIX столетия происходили маленькие ссоры. Примеры рассыпаны по воспоминаниям и художественным текстам. Так, в «Отрывках из журнала Маши» В.Ф. Одоевского главная героиня получила в подарок журнал для записей и посчитала себя уже взрослой девушкой, поэтому, когда младший братик Вася захотел с ней поиграть, она заявила, что уже не может играть с ним. Вася расплакался, бросил книгу на пол, за что сестра его толкнула, и он



упал. В знак примирения она играла с ним в солдаты, которых не очень любила<sup>[592]</sup>.

Ссоры и трения случались и между уже взрослыми сиблингами, причем проблемы в их отношениях часто шли еще из детства.

По воспоминаниям А.И. Герцена, у его отца был старший «брат-враг», которого «братья и сестры боялись и не имели с ним никаких сношений, наши люди обходили его дом, чтобы не встретиться с ним, и бледнели при его виде; женщины страшались его наглых преследований, дворовые служили молебны, чтоб не достаться ему». Интересна встреча этих братьев: старший приехал с иконой укорять домочадцев в неповиновении ему, отец Герцена отвечал «изученным бесстрастным голосом», но говорил вещи очень неприятные старшему, который тут же перешел на крик. От ужаса все, кроме главных действующих лиц, разбежались, но все же раздел имущества был сделан, о чем отец и мечтал<sup>[593]</sup>.

Борьба за наследство зачастую была главным камнем преткновения во взаимоотношениях братьев и сестер. В комедии Гоголя «Владимир третьей степени» тетушка оставила во владение одному племяннику родовое имение, племяннице – деревню, а второму племяннику – штатетовые юбки и всякую рухлядь, за что последний, Хрисанфий Петрович, прозвал своего брата Ивана Петровича мошенником, бестией и шельмой<sup>[594]</sup>.

\* \* \*

Дворянские дети не очень часто общались со сверстниками из других семей, встречаясь с ними в основном на детских балах. Князь П.А. Вяземский с сожалением писал, что не предавался с увлечением детским играм, а так как братьев у него не было, то в доме ему приходилось довольно одиноко<sup>[595]</sup>. Дети из старинного русского рода Бибиковых иногда по воскресным дням виделись с двоюродными братьями и сестрами Муромцевыми и Панкратьевыми<sup>[596]</sup>. На детские балы приезжали не только родители с детьми, но и просто желающие. Так, Н.М. Карамзин в письме к жене в 1816 году пишет с умилением: «Третьего дня был я на маленьком детском бале у гр. Толстого, и чуть не залился слезами, смотря на малюток и матерей их»<sup>[597]</sup>.

Если дети приходили в гости друг к другу, то поведением своим копировали манеру взрослых – соблюдали учтивость, учились развлекать гостей беседой, чтением, музицированием, танцами или играми, угощали их. Если девушки и молодые люди находились в комнате вместе, то от мальчиков требовалась галантность по отношению к девочкам – они

подавали им стулья, блюда с фруктами, говорили комплименты. Такие посещения возможны были только с разрешения родителей (и хозяев, и гостей)<sup>[598]</sup>.

При общении дети старались подражать родительской манере речи. Например, Л.В. Брант приводит такой диалог:

«– Простите моей откровенности: с первого взгляда вы мне очень понравились – я бы желал приобрести дружбу вашу.

– Благодарю за такое доброе обо мне мнение, и постараюсь оправдать его! – отвечал я».

«Можете вообразить всю забавность подобных приветствий между детьми», – добавляет мемуарист<sup>[599]</sup>.

Поэт М.А. Дмитриев вспоминает, как он влюбился в свою дальнюю родственницу (ему было 14, ей – 7 лет). Их общение началось с совместной игры в его доме, затем они переписывались и она (разумеется, с позволения матери) подарила ему шейный платок<sup>[600]</sup>. Позже они поженились. Самый известный литературный пример первой детской влюбленности изображен Л.Н. Толстым в семье Ростовых (Наташа и Борис, Соня и Николай)<sup>[601]</sup>.

\* \* \*

Детские игры XIX века моделировали реалии взрослого мира. Девочки играли в «дочки-матери» с куклами, мальчики скакали на деревянных лошадках, размахивая игрушечной саблей. Вообще, мальчики стремились быть мужественными и сильными, ведь культурным героем той эпохи был офицер – и восьмилетний мальчик уже брал в руки палку, чтобы охранять мать и сестру, стремился играть с отцовской саблей и так далее<sup>[602]</sup>. Е.А. Сабанеева вспоминала, что их дедушка, князь П.Н. Оболенский, пользовался таким доверием детей, что их «куклы должны были поочередно спать в его шкапах, а игрушечные кареты ставились в его гостиной под диван, как в каретный сарай». У Александра Герцена было огромное количество игрушек, которые он постоянно коверкал и ломал (видимо, с научным интересом). Его старшей подруге Татьяне особенно нравилась игрушечная кухня: благодаря действию потайной пружины повара приходили в движение и «готовили» еду. Но Александр, пытаясь разобраться с механизмом, вынул эту пружину и только тогда успокоился<sup>[603]</sup>.

Между собой дети играли в различные подвижные игры: в жмурки, шашки, в зайцы (догонялки), жгуты. Мальчики инсценировали военные

сражения, используя солдатиков, играли в разбойников, в «лошадей» (один представляет лошадь, другой – кучера, подгоняющего коня)<sup>[604]</sup>.

\* \* \*

В свободное от уроков время дети читали. Русская детская книга началась благодаря издательской деятельности Н.И. Новикова («Детское чтение для сердца и разума» 1785–1789 годов – это был первый журнал для детей и матерей). Однако Е.И. Раевская замечала, что в 1820-х годах собственно русских детских книг вообще не было, а французских издавалось мало – «Павел и Виргиния» Бернарденна, «Гюмаль и Лина» Беркена. Дети читали Расина, Корнеля, Вольтера, некоторые комедии Мольера<sup>[605]</sup>, «Дон Кихота» и «Робинзона Крузо». Ю.М. Лотман писал, что у детей начала XIX века было «особое детство – детство, которое создает людей, уже заранее подготовленных не для карьеры, не для службы, а для подвигов... <...> И вот уже молодые Муравьевы, будущие декабристы, мечтают уехать на Сахалин, который им кажется необитаемым островом (миром Робинзона!), и основать там идеальную республику Чока»<sup>[606]</sup>.

Начитавшись Карамзина и романов из родительской библиотеки, дети всей душой мечтали о приключениях. В романе «Кюхля» Ю.Н. Тынянов рассказывает, как Вильгельм Кюхельбекер как-то ночью, незадолго до поступления в лицей, решил убежать в город Верро, где ждала Минхен, дочка его наставника. Вильгельм обещал, что похитит ее из отчего дома, они тайно обвенчаются, а потом будут жить в хижине, собирать цветы с земляникой и будут счастливы. К сожалению, побег не удался – мальчика обнаружили в саду и позвали домой<sup>[607]</sup>. В воспоминаниях о своем друге Антоне Дельвиге Пушкин пишет, что, «будучи еще пяти лет отроду, вздумал он рассказывать о каком-то чудесном видении и смутил этим всю семью. <...> Дельвиг, рассказывающий о таинственных своих видениях и о мнимых опасностях, которым будто бы подвергался в обозе отца своего, никогда не лгал в оправдание какой-нибудь вины, для избежания выговора или наказания»<sup>[608]</sup>.

В «Детских годах Багрова-внука» С.Т. Аксаков пишет, что он каждый день читал своей маленькой сестре свою единственную книжку «Зеркало добродетели», «никак не догадываясь, что она еще ничего не понимала, кроме удовольствия смотреть картинки». Поскольку книг в доме было немного, мальчик принялся за «Домашний лечебник Бухана», который мать давала ему читать только местами, сообразуясь с возрастом ребенка. К счастью, вскоре сосед С.И. Аничков подарил ему упомянутый нами

выше журнал «Детское чтение для сердца и разума»<sup>[609]</sup>.

Александра Бестужева (будущего писателя Бестужева-Марлинского) в детстве сверстники прозвали «атаманом Ринальдо» (по разбойничьему роману Кристиана Вульпиуса). Как-то раз они играли в разбойников, и Сашенька заставил брата Михаила, убежавшего от преследователей, прыгнуть на уже отошедший от берега плот. Мальчик поскользнулся, сильно ударился головой и потерял сознание. Александр привел его в чувство, ласково поблагодарил, сказав, что гордится им и делает своим помощником<sup>[610]</sup>. Михаил был счастлив этой честью. Примечательно, что ни у кого и мысли не возникало жаловаться родителям – мальчики уже с раннего возраста заботились о своей репутации, показывать слабость и трусость было ниже их достоинства.

## 5. Дети и воспитатели

Формирование ребенка происходит в социокультурной среде, его становление зависит от условий жизни и людей, с которыми он общается. Практически любое воздействие на него имеет долгосрочное значение. В дворянских семьях ответственно подходили к становлению личности ребенка и старались контролировать все этапы его развития, следуя традиционным в этой среде установкам и схемам.

Чтобы у детей были все условия для полноценного развития, зажиточные дворяне окружали их многочисленными слугами. Сразу после рождения ребенка для него брали кормилицу (однако некоторые молодые женщины кормили детей своим молоком, как, например, супруги М.Д. Бутурлина и А.А. Дельвига). Некоторое время спустя подыскивали няню. Приблизительно к семи годам в дом приглашались учителя и гувернеры.

Такая система воспитания соотносится с возрастной периодизацией, позднее составленной Л.С. Выготским: кризис новорожденности – младенческий возраст (2 месяца – 1 год); кризис 1 года – раннее детство (1–3 года); кризис 3 лет – дошкольный возраст (3–7 лет); кризис 7 лет – школьный возраст (7–13 лет); кризис 13 лет – пубертатный возраст (13–17 лет); кризис 17 лет<sup>[611]</sup>.

До трех лет за ребенком следила няня, до 7–9 лет – «мадам» (няня-иностранка для девочки или иностранец-мужчина для мальчика, выполняющие и гувернерские обязанности). Затем гувернер – до поступления в учебное заведение (в 11 лет) или до выхода в свет (в 16–17 лет).

Кормилицами и нянями становились крепостные женщины, о благонравии которых было известно заведомо. Особенно тщательно выбирали кормилицу для царских детей – ей могла стать только здоровая женщина 20–30 лет, у которой роды произошли примерно в то же время, что и у молодой матери в царской семье, а также имелось письменное свидетельство духовника о ее нравственной чистоте<sup>[612]</sup>. В журнале «Патриот» за 1804 год дается совет молодым матерям самим кормить детей. Но если женщина все же решает доверить своего младенца кормилице, то рекомендуется выбрать ту, что согласно живет с мужем, возрастом не старше 35 лет, телосложением близка к матери, хорошо питается, физически здорова и – что немаловажно – не светлоруса, так как у светлорусых женщин молоко кисловато. Отучать от груди

рекомендовалось, когда прорежутся 12 зубов<sup>[613]</sup>.

Няни рассказывали детям сказки, играли с ними, следили за их поведением и душевным настроем.

Отношения кормилиц и нянь с детьми были душевными и нежными. Сергей Петрович Победоносцев (брат ученого-правоведа К.П. Победоносцева, писатель) в одной из своих повестей изображает типичную няню. Та называла девочку, к которой была приставлена, красавицей, красным солнышком, царь-девицею. Каждое утро приносила ей с ранней обедни просфорки, приговаривая: «Здравствуй, моя ненаглядная, мое золото, чисто-серебро. Бог милости прислал!» Затем она вынимала из платка просвирку и подавала ее девочке.

На ночь она целовала воспитанницу, ограждала троекратным крестным знаменем, задергивала занавески и рассказывала сказки, жития святых, бывальщинки, народные предания о Шемякином суде, о Мамаевом побоище, о Ваньке-Каине или Стеньке Разине, об Иване Грозном, о Марфе-Посаднице и из недавней старины. Перед сном няня пела девочке колыбельные:

Баю, баюшки, баю,  
Баю, милую мою.  
Спас наслал, Никола наделил,  
А Христос благословил.  
Баю, баюшки, баю,  
Баю, милую мою.

Так что ребенок развитием своих религиозных идей был обязан доброй няне более, чем кому-либо<sup>[614]</sup>.

А.Г. Витковский в своих воспоминаниях писал, что, когда его отдавали в училище, на прощание с ним няня принесла хлеб-соль в дорогу, «состоящий из пятка яблок и выборгского трехкопеечного кренделя», выражая этим всю свою любовь и почтение к «ребенку», как она его называла<sup>[615]</sup>. Простое выражение искренней привязанности, без сомнения, оказывало важное педагогическое воздействие на детей.

Часто няни продолжали жить в господском доме и тогда, когда дети подрастали, обзаводились собственными семьями. У Федора Петровича Толстого (художника) была няня Матрена Ефимовна, «царствовавшая» в доме воспитанника, даже когда тот вошел в пору зрелости: она отбирала у графа жалование и распоряжалась им по своему усмотрению. Няня была очень недовольна, что он, граф, женился на дочери советника коммерции



Анне Федоровне Дудиной, но затем смирилась с его решением, хотя продолжала относиться к его супруге холодно и снисходительно<sup>[616]</sup>.

У графини Анны Сергеевны Шереметевой была няня Аграфена Петровна Соболева («няня Груша», как звала ее графиня), которая после замужества воспитанницы заведовала ее гардеробом<sup>[617]</sup>.

\* \* \*

Подрощим детям, уже не нуждавшимся в кормилице, нанимали «мадам» для обучения французскому языку и хорошим манерам. А.И. Герцен вспоминал, что за ним в детстве ходили две нянюшки – одна русская, другая – немка. «Вера Артамоновна и m-me Прово были очень добрые женщины, но мне было скучно смотреть, как они целый день вяжут чулок и пикируются между собой, а потому при всяком удобном случае я убегал на половину Сенатора (бывшего посланника), к моему единственному приятелю, к его камердинеру Кало»<sup>[618]</sup>. Тот очень любил маленького Герцена, прощал его шалости, дарил самодельные игрушки, показывал книжки с картинками.

Для мальчиков зачастую нанимали «дядьку». Историк и дипломат Д.Н. Свербеев писал, что к нему, пятилетнему мальчику, приставили в дядьки крепостного человека Афанасия Варфоломеевича Пивоварова. Дядька выучил мальчика грамоте церковной и гражданской (так, что тот уже в 6 лет бойко читал и ту и другую), а также петь с голоса божественные и народные песни; затвердил с ним пословицы, которые он вмешивал в свою речь, говоря всегда виршами или притчами. Мальчик так хорошо запомнил и читал церковные тексты, что отец частенько брал его и его дядьку с собой в гости – к А.И. Мусину-Пушкину, к графу Орлову, к Нарышкиной. Но дети в тех домах и их гувернеры смеялись над мальчиком, которого заставляли читать псалмы. И сам он вскоре возненавидел эти визиты и даже своего дядьку с его «чопорным костюмом французского маркиза XVIII столетия»<sup>[619]</sup>.

Отношения детей и кормилиц были не всегда простыми, ведь ребенок фактически являлся хозяином своих крепостных нянек и кормилиц. Нередко семейный быт противоречил тем высоким принципам морали, которые проповедовались ребенку гувернерами, что искривляло в понимании маленького дворянина представления о норме, о добре, о зле. И, хотя родители порой старались что-то скрывать от ребенка, рано или поздно он узнавал все тайное и выносил из своего учения сомнительные выводы о существовании разных правд: одной – из книг, другой – из

повседневной действительности. Отсюда, по мнению К.Д. Ушинского, может быть, и «проистекала та бесправность отношений, та игра произвола, случая и прихоти, хитрости и силы, раболепства и угодливости, взяток, nepoтизма и всякого рода окольных путей, которыми так богата летопись нашей служебной деятельности на всех возможных поприщах»<sup>[620]</sup>.

Нравы крепостных людей не могли быть совершенно скрыты от подрастающего поколения. Матушки запрещали своим отпрыскам посещать девичью и кухню, но при всем желании они не могли проследить за каждым их шагом<sup>[621]</sup>. Князь И.М. Долгоруков пишет, что в пору его взросления с ними вместе жил мальчик того же возраста, обучивший его мастурбации. Узнав о том, родители выгнали мальчика со двора, а молодого князя высекли и отучили. Однако до конца своей жизни Иван Михайлович сожалел о том опыте и советовал поберечь от него детей.

С.М. Загоскин вспоминал, что няня и приживалки немало способствовали к развитию в нем предрассудков и значительной доли трусости: «Я боялся темной комнаты, боялся лошадей, боялся ружья»<sup>[622]</sup>. Такому настроению Сергея Михайловича способствовало и отсутствие совместных игр со сверстниками.

\* \* \*

Образование всегда считалось престижным у знатных людей, и дворянский ребенок никак не мог без него обойтись. В домашнем образовании юных дворян участвовали и отечественные, и иностранные гувернеры. Первые могли быть из действительных студентов – выпускников и учащихся высших учебных заведений, духовных академий либо – из числа выпускников и выпускниц средних учебных заведений (пансионов). Вторые – из французов (преимущественно в первой четверти XIX века), англичан, немцев, шведов (во второй четверти XIX века)<sup>[623]</sup>. Возникла целая иерархия наставников: сперва выше всех котировались французы, на втором месте были немцы; затем мода поменялась, стали особо цениться англичанки и швейцарцы. Причем англичанки ценились много выше англичан-мужчин, а швейцарцы – выше женщин-швейцарок (те, в свою очередь, считались хуже француженок, но лучше немок)<sup>[624]</sup>.

Даже ссыльные дворяне, находившиеся в Сибири, сохраняли столичный уровень культуры. Своих детей они обучали по тем же правилам, по которым когда-то учили их самих. Например, маленький Николай, сын декабриста Ивана Петровича Коновницына, писал своей

тете, Е.П. Нарышкиной, жене Михаила Михайловича, также сосланного декабриста: «Милая тетя Лиза. Как мы рады что вы с дяденькой, мы желаем вас видеть вместе, и надеемся что это скоро забудица благодарю вас милая тетя Лиза что вы озаботились выбором учителя для нас. Я постараюсь хорошо учиться. Прощайте милая тетя Лиза и дядя Миша, Петруша и я целуем ваши ручки. Душой ваш любящий Коля. Анисье и Ули мой поклон». Его письмо ничем не отличается от таких же писем детей столичных дворян<sup>[625]</sup>.

П.И. Сумароков, сравнивая быт XVIII – начала XIX века с 1840-ми годами писал, что русские дядьки и мамки больше старались для воспитания порученных им детей, нежели иностранцы. Они искренне стремились привить им правила благочестия. Наемные же гувернеры «превозносят все свое, толкуют, что у них в сутках по 40 часов, вода розового цвета, что мы варвары и что всякий их крестьянин умнее, учнее нашего генерала»<sup>[626]</sup>.

Такие случаи, безусловно, бывали, но, как правило, гувернер всегда согласовывал выбор методов воспитания детей с их родителями. Ведь гувернеры влияли на характер и склонности своих воспитанников, могли привить им взгляды, противоположные родительским, если те не заботились о проверке качества образования. Порой влияние гувернера могло стать даже сильнее родительского, о чем свидетельствует и художественная литература. Так, в повести «Мария» В.Т. Нарезного республиканец Бертольд внушал воспитанникам идеи равенства и братства, что противоречило самодержавному укладу: значит, повзрослев, дети не смогли вписаться в рамки социума. Между родителями и детьми возник конфликт из-за несовпадения представлений об устройстве мира и счастье человека<sup>[627]</sup>.

Князь П.А. Вяземский считал, что «вспыльчивый, заносчивый, раздражительный, несправедливый учитель и наставник могут, и не вооруженные розгами, пагубно действовать на учеников, вверенных заботливости их. Могут они оскорблять их и зарождают в них чувства непокорства и злобы одним обидным словом, одним суровым и беспощадным обращением с этим чутким, впечатлительным и часто злопамятным возрастом»<sup>[628]</sup>.

В архиве семьи Воеводских частично сохранилось предписание гувернанткам за подписью Хондзынской. Надо полагать, что эти наставления относились к тем женщинам, которые обучали детей в этой семье. В документе сказано, что гувернантка должна быть «терпелива;

приходится иногда воспитывать детей упрямых, непослушных, и тогда, без терпения и твердости характера не легко достичь желаемого результата». Провозглашалось соблюдение строго иерархических отношений; детям надлежало прививать не только знания, но и мораль, потому что учительнице предстоит дать отчет в своих действиях и перед родителями, вверившими ей своих чад, и перед Богом<sup>[629]</sup>.

Гувернерам надлежало придерживаться также некоторых правил, касающихся и культуры общения: «Веселое расположение духа, если оно соединено с творческим характером и подчинено строгим правилам благопристойности, научает также находить настоящий тон обращения с детьми, от которого весьма многое зависит в воспитании. Сей тон должен быть чужд плоскостей, фамильярности или лести, унижения и потворства, равно как взыскательности и кропотливости, педантства, повелительности. Он должен всегда соответствовать сану воспитателя и быть всегда одинаков; должен быть исполнен приличия и благородства в словах и поступках, кротости и живейшего участия во всем, что дети говорят и делают. Впрочем, он изменяется по возрасту. В зрелых летах питомцев он приближается к дружескому тону»<sup>[630]</sup>.

С.Д. Шереметев описывает англичанку, которая воспитывала его, – Шарлотту Ивановну Рутланд, «прекрасную женщину, но с характером несколько тяжелым и взыскательным». Она ревностно относилась ко всяким вмешательствам в детскую, даже пререкалась с матерью Сергея Дмитриевича. Отец мальчика часто с ней спорил и восставал против англomanии<sup>[631]</sup>.

Нанять хорошего гувернера было настоящей удачей. Такие наставники оставляли яркий след в душе ребенка. «Амалья Ивановна была истинное сокровище: нянька и гувернантка, друг семейства», – вспоминала Александра Осиповна Смирнова-Россет<sup>[632]</sup>. По словам А.П. Араповой, «самыми лучшими, беззаботными часами (для ее матери, Н.Н. Пушкиной-Ланской. – *А.Ш.*) были те, которые проводились в обществе гувернанток, из которых miss Tomson оставила в ней самое теплое воспоминание»<sup>[633]</sup>.

Е.И. Раевская и ее сестра Е.И. Менгден (урожденные Бибиковы) очень любили свою гувернантку, немку Марью Андреевну Гейнц, Елизавета даже находила прелестным ее покрытое прыщами лицо<sup>[634]</sup>.

По воспоминаниям князя П.А. Вяземского, у него было много гувернеров, но ни одного более-менее приличного. Один гувернер, немец, часто выпивал. «Однажды ментор мой возвратился грузнее обыкновенного. Я подошел к нему, и спросил: как сказать по-немецки „вонять“? – Stinken.

А зачем спрашиваете вы это? – продолжал он. – Чтобы сказать вам: *Sie stinken nach vino*. Неправильны были мои слова, но попали они в цель. За такую дерзость мою дядька жаловался отцу». Родитель отчитал ребенка, а ментора выгнали из дома. Другой же гувернер, француз Дандилли, хоть и «ни в нравственном, ни в ученом, ни в учебном складе своем не отвечал требованиям и условиям звания своего», отличался веселым, добрым, уживчивым характером и до конца жизни оставался с воспитанником «в коротких и приятельских сношениях»<sup>[635]</sup>. А вот наставник Пушкина, Руссло, говорил с ним кратко и отрывисто, задавал ему уроки, точно командуя<sup>[636]</sup>.

Конечно, гувернеры не пользовались в семье таким уважением, как родители. Гувернер в семье занимал место чуть выше слуги. Однако ребенок был обязан, хочет он того или нет, оказывать учителю знаки почтения и не мог себе позволить фамильярности. Пример достойного обхождения показывали родители. При гувернерах хозяева не позволяли себе вольностей. По словам В.А. Соллогуба, в семье Дмитрия Степановича и Марии Федоровны Кротковых «при свидетелях... сохранялось тонкое приличие, и городищенские<sup>[637]</sup> съезды отличались радушием, хлебосольством и тоном хорошего общества. Тому способствовало присутствие в доме замечательно умной, живой и образованной гувернантки француженки *mademoiselle Jeny*, девушки уже немолодой»<sup>[638]</sup>.

За нравственностью гувернеров и учителей следили строго. Однажды гувернер-студент уговорил своего воспитанника Александра Бибикова пойти с ним в трактир напиться чаю. За это учителя немедленно уволили, о неприятном происшествии говорила вся Москва, но от маленькой сестры эту историю скрывали «как нечто ужасное»<sup>[639]</sup>.

В «Невском проспекте» Н.В. Гоголя мы находим чудесное описание прогулки учителей с их воспитанниками: «В двенадцать часов на Невский проспект делают набег гувернеры всех наций с своими питомцами в батистовых воротничках. Английские Джонсы и французские Коки идут под руку с вверенными их родительскому попечению питомцами и с приличною солидностью изъясняют им, что вывески над магазинами делаются для того, чтобы можно было посредством их узнать, что находится в самых магазинах. Гувернантки, бледные миссы и розовые славянки, идут величаво позади своих легеньких, вертлявых девчонок, приказывая им поднимать несколько выше плечо и держаться прямее; короче сказать, в это время Невский проспект – педагогический Невский

проспект»<sup>[640]</sup>.

По воспоминаниям художника Ораса Верне, в доме графа М.Ю. Виельгорского у детей было несколько гувернеров, музицировавших на флейте и кларнете, и гувернанток, сильно разнящихся между собой: англичанка, «словно сошедшая со страниц „Клариссы“»; полька, деревенская замарашка; и немка, страшная на вид»<sup>[641]</sup>. Видимо, таким образом родители стремились дать детям понятие о различных культурах и избежать условностей одной-единственной системы воспитания.

М.И. Глинка вспоминал, что их с сестрой учила на дому выписанная из Санкт-Петербурга В.Ф. Кляммер, выпускница Смольного института. Она была «хитра на выдумки»: когда Глинка с сестрой начали разбирать ноты и играть на фортепьяно, она приказала приладить доску к пианино над клавишами так, чтобы можно было играть, но нельзя было увидеть клавиш, что было для учеников весьма полезно. Воспоминания о ней у детей остались самые добрые<sup>[642]</sup>.

\* \* \*

Безусловно, не всегда родители обращали внимание на внутреннюю культуру педагога, придавая значение исключительно знанию французского языка и обычаев. Е.А. Сабанеева отмечала, что «[18]20-е годы ознаменовались у нас поездками наших дворян за границу, увлечением французскими модами и гувернерским воспитанием, которое наделало столько вреда»<sup>[643]</sup>. Система воспитания тех лет очень многое восприняла от повседневной французской культуры: режим дня, питание, выражение лица, движения и так далее. Делясь впечатлением от поведения русских военных в Париже 1814 года, философ Ипполит Оже отмечал: «Между высшими классами в России и во Франции много общего: одинаковое воспитание порождает духовное сродство, скрепляемое общей литературой и общим разговорным языком, так что политическая распря была чем-то вроде семейной размолвки, происшедшей от недоразумения и прекратившейся тотчас после объяснения, чем-то вроде вводного предложения в скобках, не нарушающего смысла всей речи»<sup>[644]</sup>.

Князь Иван Иванович Барятинский, напротив, стремился образовать своих детей на английский манер. Сына Александра он собирался воспитывать так: «До семилетнего возраста воспитание мальчика должно быть скорее физическое, нежели нравственное; но понятие о том, что справедливо и что несправедливо, следует внушить ему как можно ранее. Главные недостатки, проявляющиеся в детском возрасте – лень и



обжорство. К первому из них надобно быть неумолимым, так как ложь унижает человеческое достоинство. Сына моего можно будет оставить под женским присмотром до 5 лет»<sup>[645]</sup>. Далее он пишет о программе обучения наследника всяческим наукам – дабы затем он мог принести пользу Отечеству. Все эти указания, правда, по ряду причин не были выполнены.

\* \* \*

Учителям разных специальностей и жалованье полагалось различное. Например, на воспитание детей графа Ф.Г. Орлова в 1797 году учителю де Маттей в год платили 1000 рублей, его жене – 400 рублей. Рисовальному учителю Ивану Федоровичу Мерцалову – 300 рублей, учителю же российской грамоты Григорию Яковлеву – 140 рублей<sup>[646]</sup>. Явный приоритет иностранцев обусловлен тем, что дворяне желали воспитать своих детей европейцами, которые могли бы свободно войти в западную культуру, но при этом сохранить в своем характере и самобытные русские черты.

Система подготовки учителей имела в те годы свои недостатки. Педагог-математик П.С. Гурьев в предисловии к своему «Руководству к преподаванию арифметики малолетним детям» писал: «У нас новичок-учитель совершенно предоставлен самому себе. Воля у него есть, усердия много, но в положительных сведениях он крайне нуждается, и, в чем именно горе, часто не знает к кому и как прибегнуть о помощи»<sup>[647]</sup>. В «Чтениях для умственного развития малолетних детей и обогащения их познаниями» Е.О. Гугель, основоположник российской системы дошкольного воспитания, также сетовал на то, что «при воспитании, особливо первоначальном, у нас слишком мало занимаются сообщением познаний и развитием чрез то умственных способностей детского возраста, а напротив того слишком много учением слов, особенно иностранных языков»<sup>[648]</sup>.

\* \* \*

Девочек воспитывали иначе, чем мальчиков. В «Наставлении от отца дочерям» 1784 года сказано: «Главнейшее правило для женщин есть сие: соблюдать скромность и учтивость. <...> Ежели девица перестает краснеть, то она лишается наилучшего из своих дарований...» Девочкам следовало утром и вечером молиться, ходить в храм, причащаться, читать книги, рисовать, танцевать, бывать на воздухе, заниматься рукоделием, в большой компании больше молчать и не показывать своих обширных (если они

есть) познаний. Искренний и разумный человек не будет косо смотреть на разумную женщину, но таковых мужчин, по мнению автора руководства, немного<sup>[649]</sup>.

К сожалению, родители не часто заботились об умственном совершенствовании дочерей. М.А. Корсини приводит пример типичного, на ее взгляд, дворянского столичного семейства, в котором при найме гувернантки отец просит ее не утруждать своих девочек науками, а научить их прежде всего светскому обхождению: как умело войти в гостиную, поклониться и завести приятный разговор, например о рукоделии. Первая их учительница заставляла детей при гостях декламировать по-французски, по-немецки, танцевать польку – за то и была любима маменькой. Новую гувернантку уложили спать в детской за ширмой, чтобы наблюдение за девочками было круглосуточным<sup>[650]</sup>.

Девушки часто жили в придуманном, романтизированном мире, мечтая о неземной любви и удовольствиях. Е.А. Сушкова признавалась, что с 10 до 17 лет у нее было такое развлечение: она выучивала наизусть имена иностранных принцев в календаре, помечала крестиками тех, кто по возрасту может подходить ей в мужья. Начитавшись без разбору романов и комедий, она мечтала, что какой-нибудь принц за нее посватается<sup>[651]</sup>.

В повести А.В. Дружинина «Полинька Сакс» говорится о типично женском образовании того времени: «ее отгоняли в детстве от упражнений, способных укрепить душу и тело... набивали ей голову всяким вздором»<sup>[652]</sup>. Героиня сказки В.Ф. Одоевского говорит: «Я до самого моего замужества не имела понятия о том, что называется хозяйством, только и умела, что играть в куклы, одевать себя и танцевать»<sup>[653]</sup>. Часто девушки воспитывались на романах Ричардсона и мадам Жанлис. Но бывали и исключения: так, сестрам Гончаровым запрещалось читать любые книги романтиков, и потому Наталья Николаевна не была знакома даже со многими произведениями своего будущего супруга<sup>[654]</sup>. Героиня повести С.П. Победоносцева «Няня» читала «Детского Плутарха»: «С какою любовью смотрела я на эти маститые головы древних героев, философов, полководцев, ученых, на эти чистые классические профили великих женщин древнего мира. То были первые идеалы, созданные детским моим воображением»<sup>[655]</sup>. Героини рассказа Е.А. Ган «Идеал» тоже зачитывались Плутархом. Мать старалась «от нежного возраста изошприть в них до высочайшей степени чувство благородства, предметами их благоговения были деяния великих мужей», они старались выказывать самопожертвование, великодушие, сдерживать обещания и никогда не

лгать, следуя при этом не столько христианским заповедям, сколько прославленным римлянам<sup>[656]</sup>.

Статский советник и писатель С.П. Сушков писал о своей сестре: «Учение Евдокии Петровны соответствовало требованиям тогдашнего воспитания светских барышень, по следующей общепринятой для них программе: Закон Божий, языки русский, французский и немецкий, немного арифметики, краткие познания из истории и географии, рисование, игра на фортепиано и танцы», но сестра была очень талантлива и любознательна, потому много читала и изучила английский и итальянский языки<sup>[657]</sup>. В «Руководстве к педагогике...» утверждалось, что главное правило «в умственном образовании женского пола состоит в том, чтобы развивать ум более воображения, рассудок более памяти, из знаний и искусств сообщать более полезное, нежели только приятное», но основным считалось религиозное и нравственное воспитание»<sup>[658]</sup>.

Великая княжна Ольга Николаевна рассказывает о гувернантках и учителях в их семье следующее: «С некоторых пор я перешла из ведения английской няни на попечение гувернантки Шарлотты Дункер. <...> Образованная и строгая, она внушала мне уважение к работе. В пять лет я могла читать и писать на трех языках. Что же касается музыки, то тут ее строгость не повлияла на успехи»<sup>[659]</sup>. Ее старшая сестра Мэри училась очень плохо, несмотря на хорошие способности. Сестра пишет, что помимо ее детского легкомыслия это было виной мадам Барановой (Юлия Федоровна, урожденная Адлерберг, гофмейстерина. – *А. III.*), не имевшей и тени авторитета. «Очень добрая, очень боязливая, в частной жизни обремененная заботами о большой семье, на службе, кроме воспитания Мэри, еще и ответственная за наши расходы и раздачу пожертвований, она не умела следить за порядком в нашей классной. <...> Мадам Барановой не хватало чуткости, чтобы вести ее. Она только выходила из себя, держала длинные речи, которые Мэри в большинстве случаев прерывала каким-нибудь замечанием»<sup>[660]</sup>.

\* \* \*

Одним из важнейших событий в жизни девушки был день, когда ей дарили альбом. Альбом служил символом перехода в новую, более взрослую, жизнь. «Кому не известно, что значит альбом в жизни барышни? Альбом, вещь едва известная петербургским красавицам – неотъемлемая принадлежность всякой благовоспитанной девицы, родившейся под московским или под уездным меридианом. Без альбома ни одна из этих

девушек, девиц, дев, не могла бы существовать. Альбом – это альфа и омега их мечтаний и их надежд»<sup>[661]</sup>.

Здесь уместно сделать замечание о распространении моды на альбомы и в купеческой среде. Барышни записывали в альбомы трогательные романтические стихотворения, рисовали милые картинки на сюжеты любви, дружбы, смерти. Качество литературных произведений, которые старательно переписывались, зависело как от образования прелестных особ, так и от общего культурного уровня их семьи и окружения. Типичным примером альбома молодой купеческой дочери является «Записная книжка» в кожаной обложке за 1816–1817 годы, принадлежащая Марии Николаевне Фуфаевой. Изначально этот блокнот рассматривался ею как интимный альбом, потому на первых страницах в нем присутствуют рисунки и стихи:

Много роз красивых  
Много белиньких лилей,  
Много есть красавиц в свете,  
Только нет мне, нет милей  
Только нет милей в предмете  
Милой Дунюшки моей.

А также:

Мой милинькой дружечек  
Я тебя люблю,  
Как незабудочка цветочек  
Так тебя зову<sup>[662]</sup>.

Но уже в конце альбома можно найти списки покупок (масло, рис и так далее) с указанием цен. Эти записи не были предназначены для публичного просмотра, в отличие от альбомов благородных девиц, где свои записи могли оставить гости. Романтический флер и модные веяния не могли целиком завладеть умом практичной молодой купчихи.

\* \* \*

Еще одним символом перехода от девочки-подростка к девушке-невесте были букли (завитые локоны). Когда девушке впервые завивали букли, тем самым обозначался переход ее от отрочества к совершеннолетию. Тогда уже, если матери не было дома, она должна была сама как хозяйка ухаживать за гостями. Одеваться ей теперь следовало в более длинные платья светлых тонов. Вообще, следует отметить, что в XIX

веке дамам разных лет полагались соответствующие разные костюмы. В «Семействе Холмских» Д.Н. Бегичев изображает старую деву, одевавшуюся не по возрасту: «Евпраксия Ионовна Фрындина одета была как молоденькая девушка лет восемнадцати, хотя лицо ее и вся фигура свидетельствовали о том, что ей уже давно за сорок. Густые букли закрывали почти половину лица, но не могли скрыть всех морщин. Обнаженная красноватая грудь украшалась жемчугом. На ней еще был какой-то странный ток, с перьями, и притом розовое короткое платье, и голубые башмаки. Все это было так неприлично летам ее, что над ней все смеялись»<sup>[663]</sup>. Такие девушки встречались не только в литературных сюжетах, но и в реальности, о чем упоминает мемуаристка М.С. Николева: три сестры-старушки Николевы, Елизавета, Наталья и Елена Петровны жили в Москве в трехэтажном доме. Старшая занимала нижний этаж, младшая, считавшаяся слишком юной (хотя ей было уже за 50), – верхний. «Младшая сестра, в качестве молодой девушки, одевалась сообразно с этим, носила букли, открытый лиф и короткие рукава»<sup>[664]</sup>.

Девушке и женщине прилично было заниматься рукоделием – как в гостях, так и принимая визиты (исключая большие балы). В рассказе «Коробочка» Л.В. Бранта молодой человек Григорий Алексеевич застал кузину «за каким-то вышиванием, которое длилось уже полтора года, потому что она принималась за работу только для посетителей, собственно для вида, чтобы не сидеть сложа руки, и потупляя глазки, будто бы внимательно устремленные на узор... из такого наклонного положения опытное кокетство искусно извлекает разные выгоды и преимущества...»<sup>[665]</sup> Тем самым девушка показывала перед гостями свои таланты, свое трудолюбие. Также вышивка служила удобной ширмой в случае, если на вечере женщина не могла понять, о чем говорит рассказчик или писатель, декламирующий свои произведения. И одновременно со всем этим вышивание символически показывало, что женское дело – рукоделие, создание красивых вещиц, а не умствования.

Домашнее воспитание заканчивалось для девушек, когда их начинали вывозить на балы.

\* \* \*

Для молодых людей домашнее образование прекращалось, если мальчика отдавали в пансион, училище, кадетский корпус. Заботясь о карьере своего ребенка, о том, как он будет обеспечивать себя в будущем, родителям зачастую приходилось отдавать его в образовательное

учреждение, находящееся далеко от дома. И часто дети тяжело переживали расставание, но, справившись с этими трудностями, затем с благодарностью вспоминали старания родителей. Хорошее образование можно было получить и бесплатно (для этого требовалось особое разрешение императора, и дворяне победнее, особенно вдовы, обращались с такими просьбами к царю, получая необходимую помощь). Но домашнее образование соответствующего уровня могли позволить себе единицы. Пример успешного домашнего студента – П.Я. Чаадаев. Он, его брат Михаил и двоюродный брат Иван Щербатов получили в доме своего дяди Д.М. Щербатова «образование совершенно необыкновенное, столь дорогое, блистательное и дельное, что для того, чтобы найти ему равное, должно подняться на самые высокие ступени общественных положений»<sup>[666]</sup>. К преподаванию были приглашены профессора Московского университета.

Писатель А.Г. Витковский вспоминал, что при отъезде его в училище «матушка помолилась перед образом, заставила и меня помолиться, сказала краткую речь, содержание которой заключалось в наставлении хорошо учиться и вести себя, слушаться наставников, избегать общества дурных воспитанников и т. п.»<sup>[667]</sup>. Публицист Б.Н. Чичерин говорил, что после поступления его и брата в Московский университет он вполне ощутил, что детство миновало: «мы выходили уже из-под крыла родителей и становились взрослыми людьми, которым предлежало уже самим располагать своими действиями»<sup>[668]</sup>. Ребенок в одночасье перемещался в другую социальную среду, в иную систему, где наставники и другие ученики оказывали на него влияние уже в большей степени, нежели семья, с которой сохранялась переписка и редкие свидания.

\* \* \*

Особым было воспитание детей в царской семье, где первенец априори считался наследником престола, а в случае его смерти царем мог стать его брат. За детьми государей всегда смотрели особенно внимательно – ведь их воспитание считалось эталонным для всего дворянства, они были будущими мужьями и женами иностранных принцесс и принцев, возможно, даже будущими главами соседних государств.

Царские дети должны были всегда вести себя сдержанно и при этом естественно, по возможности воплощая собой идеальные модели поведения. В.А. Жуковский составил для будущего императора Александра II специальный «План учения», рассчитанный на двенадцать



лет и одобренный лично государем. Целью такого воспитания и обучения Жуковский провозгласил «образование и добродетели». Праздники будущий правитель Александр проводил с друзьями, среди которых были сыновья его воспитателя Карла Мердера и сановников из ближайшего окружения Николая I. Воспитывался Александр вполне светским человеком. С 10–11 лет он допускался к родительскому столу, умел вести себя со взрослыми, вызывая похвалы, а со стороны женщин и восхищение. Даже придирчивый Мердер всегда оставался доволен светскими манерами и поведением своего воспитанника<sup>[669]</sup>.

Карл Карлович Мердер «был прирожденный педагог, тактичный и внимательный. Правилom его работы было развить хорошие черты ребенка и сделать из него честного человека. И этому правилу он оставался верен совершенно независимо от того, был ли его воспитанник простым смертным или великим князем. Таким образом он завоевал любовь и доверие ребенка. Он не признавал никакой дрессировки, не подлаживался под отца, не докучал матери, он просто принадлежал Семье: действительно драгоценный человек!»<sup>[670]</sup>

Когда великому князю Александру Николаевичу исполнилось 19 лет и учеба его была закончена, отец, император Николай I, отправил его в поездку по России на семь с лишним месяцев с тем, чтобы наследник узнал свое Отечество. В.А. Жуковский назвал это путешествие «венчанием с Россией». Отец лично подготовил для сына «Инструкцию для путешествия», или «Наставление» (как гласит надпись на конверте, в котором оно хранилось).

Сохранились письма великой княгини Ольги Николаевны к ее воспитательнице Анне Алексеевне Окуловой, написанные уже по окончании занятий. Из этих писем следует, что отношения между женщинами установились самые искренние и дружественные. Бывшая ученица обращается к наставнице в таких выражениях: «Миленькая моя Анна Алексеевна», «та chere Анна Алексеевна», «Анютины глазки», «Отчего моя Анна не явилась сегодня ко мне? Здорова ли она, придет ли она после обеда ко мне?»<sup>[671]</sup>

Как это ни покажется странным, и в императорской семье при воспитании детей учитель имел право физически наказывать детей. «Два младших сына императрицы Марии Федоровны воспитывались почти как близнецы: Николай был старше Михаила всего на один год и семь месяцев; с детских лет Михаил отличался от брата Николая легким характером, веселостью и даром располагать к себе окружающих; он легко стал

любимцем сурового генерала Ламздора, и ему гораздо меньше, чем Николаю, доставалось тростью от их общего воспитателя»<sup>[672]</sup>.

\* \* \*

В XIX веке дворянских детей держали в строгости, любые дерзости и шалости пресекались, культивировалось уважение и почитание родителей, старших. Детям старались передать принцип семейственности – ценности, крепости и необходимости родственных связей. Слуги и воспитатели также всячески выражали свое почтение к родителям, чем подкрепляли в детском мировосприятии их высокий статус. Дети лишены были многих привилегий, которыми пользовались родители, поэтому стремились с возрастом как можно скорее обрести самостоятельность. Однако при всем этом дети очень ценили благорасположение к ним родителей; общение с няней или гувернанткой не могло быть средством от непонимания и сложностей в отношениях с матерью или отцом. Строгая иерархичность, четкие границы позволяли молодым людям и девушкам ориентироваться в окружающем мире, в устройстве социума. Именно при общении с родителями, бабушками и дедушками вырабатывались понятия о принадлежности к роду, о чести, достоинстве, репутации, великодушии, благородстве, ответственности за свои поступки, за своих крестьян и слуг. В общении между собой дети повторяли те же модели поведения, что были приняты у их родителей и воспитателей, и обращались ко взрослым соответственно.

Вырастая, дети оставались в подчинении у родителей (конечно, в меньшей степени, чем в раннем возрасте). В самой большой зависимости находились незамужние девушки; мужчины, уже заслужившие себе какой-либо чин, были гораздо более самостоятельны в поступках и суждениях, но все равно должны были спрашивать родительского благословения для особо серьезных решений (например, женитьбы).

Также следует отметить некоторые специфические особенности субкультуры детства данного периода. Во-первых, ее замкнутость и ограниченность кругом семьи – дворянские дети редко общались со сверстниками из других семей. Во-вторых, противоположное влияние на ребенка сразу нескольких традиций и мировоззрений. Няни, кормилицы, крепостные слуги общались с детьми, используя просторечные выражения, поэтические образы русского фольклора, что помогало ребенку осознать свою принадлежность к русскому народу, православной культуре. С другой стороны, влияние иностранных гувернеров, обучавших языкам, хорошим манерам, развивающим интеллект ребенка, тоже было весьма

значительным. Гувернеры приобщали юных дворян к европейской культуре, тем самым обогащая их внутренний мир и призывая к творческой активности в науке и искусствах. Знание иностранных языков открывало возможности для чтения литературы в оригинале, а значит, молодые люди становились открытыми для идей, популярных на Западе, и могли общаться с иностранцами на равных. К сожалению, кроме всего вышеперечисленного, иностранцы порой прививали дворянским детям высокомерное отношение к русской культуре, что порождало различные «англо-», «галло-» и прочие «мании».

### Формы обращений в дворянском доме

Кому/Кто	Родители	Дети	Бабушки и дедушки	Слуги
Родители	«Вы», затем «ты» Душа моя, мой ангел Друг мой Сударыня, затем «жена»	«Вы», редко «ты» Бабушка, магушка, затем маменька, папенька, Мама, папа	«Ты» или «вы», в зависимости от качества отношений, по имени-отчеству, по имени или семейному прозвищу	«Вы», барин, магушка, по имени-отчеству
Дети	На «ты», любезный сын/дочь, сударыня, сударь, душечка, мой ангел	По имени, «ты», иногда к старшим детям на «вы»	«Ты», голубчик, как родители	Няни давали разные ласковые названия (ласточка, дитятко, рыбка), барин, барышня, на «вы»
Бабушки и дедушки	Как дети к родителям	Дедушка, бабушка, гранмамá, гранпапá	На «вы», по имени-отчеству	Как к родителям
Слуги	По имени (Фелька, Наташа), на «ты», к няням обращались по имени-отчеству, как и к особо уважаемым слугам; употребляли брашние слова	Как родители	Как родители	С соблюдением иерархии в системе слуг к старшим на «вы»

Система взаимоотношений детей между собой строилась на почтительности младших детей к старшим, ответственности старших за младших, а также стремлении родителей сдружить детей. При этом мальчики должны были являть себя рыцарями для своих сестер, а девочки – образцами женственности в глазах братьев.

Увы, одной из неприятных черт домашнего дворянского образования, особенно женского, было тщеславие – стремление блеснуть знаниями, изысканными манерами своих детей перед друзьями и знакомыми. И к прискорбию, большинство знатных семейств злоупотребляло своей властью над слугами, что разрушительно действовало и на детские души. Достаточно редки примеры уважительного отношения к своим крепостным, по крайней мере непритеснения их, неугнетения.

И все же именно первая треть XIX века считается «золотым веком»

русской культуры. Ее творцами были в основном дворяне. И огромное влияние на детей – будущих государственных деятелей, писателей, ученых (М.Ю. Виельгорского, П.П. Вяземского, М.И. Глинку, А.И. Дельвига, П.Д. Киселева, А.С. Пушкина, П.Я. Чаадаева и других) – оказывала прежде всего домашняя атмосфера, семейное воспитание.

## Заключение

Русская культура прошлых столетий не была закрытой системой – напротив, она всегда использовала новшества европейских соседей, но переосмысляя, преобразуя, основываясь на собственных представлениях о мире. Первая половина XIX века стала в России периодом расцвета всех искусств, причем в форме, понятой и оцененной западным миром.

Однако следование инокультурным образцам привело к дисгармонии в обществе. Ценности, принятые в дворянской среде, противоречили патриархальному укладу и мировоззрению крестьянства, купечества и духовенства. Индивидуализм, нехарактерный для русской культуры в целом, но провозглашаемый культурой западной, способствовал возникновению в России нового культурного героя – человека благородного сословия, просвещенного идеями равенства и братства, но живущего за счет крепостного хозяйства. В дворянском кругу стали появляться новые вопросы: по какому сценарию развиваться России, какая форма правления является для нее оптимальной, что может обеспечить счастье народу. При этом в крестьянстве середины XIX века сильны были иные представления – о том, что единственной формой правления в России может быть только самодержавие, а единственной верой – православие.

После восстания декабристов вопросы, их волновавшие, не исчезли, а трансформировались. В кругу интеллигенции появилось разделение на западников и славянофилов. Усилиями последних для просвещенного дворянства заново открывался мир русских крестьян, народная культура. Теперь перед государством стояла трудновыполнимая задача – трансформировать общество, не вызвав негодования ни со стороны дворянства, ни со стороны других сословий. Такие преобразования велись осторожно и, возможно, слишком медленно, поскольку Россия не успевала за темпом развития своих европейских соседей.

\* \* \*

В дворянской среде, как и во всем обществе в целом, бытовала идея соборности, трансформированная в образ «дома» – общности людей, связанных узами любви, родства или близости к роду, общности, выстроенной по принципу иерархии. В представлении дворянина первой половины XIX века понятие «дом» включало в себя не только членов семьи, кровных родственников, но и всех, кто проживал в одном здании,

включая воспитанниц, приживалок и слуг. Все родственники могли пользоваться поддержкой старшего в роду и рассчитывать на его протекцию в случае надобности.

А родственниками тогда считались даже весьма отдаленные внучатые племянники. Многие пожилые дворяне помнили свое генеалогическое древо и с удовольствием находили новых родственников, как бы далеко от главы семейства те ни находились. К середине столетия, с естественной смертью стариков, эта традиция постепенно угасала, но близким родственникам по-прежнему не отказывали в гостеприимстве.

На протяжении полувека идеал поведения дворянина в семье менялся, стремясь к освобождению от ранее принятых норм общения. Если в начале XIX века муж с женой говорили друг другу «вы», то к 1830-м годам обращение «ты» стало вполне приемлемым. Также и девушкам в начале столетия неприлично было курить и пить вино, а уже в 1840-е годы у столичных барышень вошли в моду «пахитоски» и за праздничным столом им наливали шампанское. Если мы сравним дворянскую семью XIX века с семьей патриархальной, то обнаружим множество различий во взаимоотношениях супругов и, в меньшей степени, – родителей и детей (последние по-прежнему подчинялись воле старших). Супруги же не только жили на разных половинах дома, принимали разных гостей, но часто сквозь пальцы смотрели на супружескую неверность. При несомненной ценности брака в светских кругах на первый план выходят не внутренние отношения между мужьями и женами, а востребованная в обществе внешняя картина соблюдения приличий. Неявные измены, распри, вся бытовая «грязь» оставались скрытыми от посторонних глаз. Это касалось вообще всех отношений между взрослыми членами семьи: братья и сестры на людях должны были оказывать друг другу знаки внимания и привязанности, даже если на самом деле не испытывали друг к другу никаких теплых чувств. Однако многое зависело от места проживания дворянина – новшества появлялись в жизненном укладе прежде всего дворянства Санкт-Петербурга. Изменение норм поведения в семье обуславливалось, в том числе, и влиянием западноевропейской культуры через общение с иностранными гувернерами, чтение иностранных книг и частые поездки за границу. В семьях, где крепок был традиционный уклад, подобные «нововведения» приживались довольно медленно.

\* \* \*

Мировоззрение дворянина первой половины XIX века отличается от



представлений аристократии середины XVIII столетия прежде всего своим отношением к службе. Служба для дворянина являлась уже необязательной. Тем не менее в сознании большинства она оставалась таковой, оправдывая привилегии, данные высшему сословию. Идеалом было честное служение, без лицемерия и заискивания перед начальством. В жизни же определяющую роль в карьере служащего играли родственные связи и успешная «политика» за карточным столом.

Если сравнивать две столицы – Санкт-Петербург и Москву, – то также легко обнаружить отличия в образе жизни тамошних дворян. Близость двора, открытость к европейским новомодным обычаям делали быт петербургского дворянства более динамичным. Аристократия Северной столицы делилась на сообщества, мало связанные друг с другом. Москва же отличалась большим гостеприимством и сплоченностью сословия. В Москве жизнь была степенней, новые тенденции приживались медленнее, чем в Петербурге, но с большим энтузиазмом, нежели в провинции<sup>[673]</sup>. Темп жизни был наиболее интенсивен в Санкт-Петербурге, несколько ниже в Москве и медленен в провинции. Учитывая статистику, следует отметить, что в Санкт-Петербурге проживало приблизительно в 1,5 раза больше аристократов, чем в Москве. В целом же дворянство обеих столиц составляло примерно 10 % от общего числа дворян, проживающих в России<sup>[674]</sup>.

Столицы оказывали влияние на провинцию посредством различных каналов:

- 1) частная и официальная переписка;
- 2) поездки в столицу, например на «ярмарку невест» в Москве, обучение в различных пансионах, институтах и так далее;
- 3) переезды из столиц в поместья с различными целями, в том числе и в ссылку;
- 4) поездки по стране императора и членов его семьи;
- 5) ревизии Сената;
- 6) распространение журналов и газет.

При всем этом информационное влияние было неравномерным и зависело от степени приближенности к столице. Культура общения в семьях разных дворянских родов, безусловно, различалась: тон высшего света передавался детям от родителей и служил маркером при входе в высшее общество. Человек, попавший туда впервые в зрелом возрасте, нес на себе отпечаток среды, в которой прошли его детство и юность, и высокий чин не спасал от насмешек, которыми награждали неофита за

несоблюдение правил поведения. Человеку в обществе могли простить некоторую неловкость в умении владеть столовыми приборами (хотя и это могло негативно отразиться на мнении о человеке), но вот неучтивость, бывало, разом перечеркивала карьеру дворянина. Н.А. Тучкова-Огарева описывает случай столкновения между ее отцом Алексеем Алексеевичем Тучковым и генералом Нейдгардтом: последний грубо окликнул молодого офицера, на что тот ответил дерзким тоном («Эй, ты, поди сюда! – кричал генерал. – Сам подойди, коли тебе надо, – отвечал отец, не двигаясь с места»<sup>[675]</sup>). Притом что сам генерал вел себя неподобающим образом по отношению к дворянину, для отца рассказчицы этот конфликт мог бы очень плохо закончиться, если бы не знакомство генерала со старшими Тучковыми. Также не стоит забывать, что наглость и дерзость зачастую становились причиной вызова на дуэль и, таким образом, могли привести неучтливового дворянина к гибели.

Богатство и высокий чин были наиболее значимыми основаниями для того, чтобы сформировать отношение к новому человеку. Но, поскольку «по одежке встречают», то для того, чтобы люди ориентировались в изменениях моды, связанных, в том числе, и с правилами поведения, издавались специальные руководства и пособия.

\* \* \*

Мужчина, по крайней мере номинально, был главой семьи, и ему оказывались все знаки почтения: его слово было последним, ему угождали и на людях с ним не спорили. Он обеспечивал экономическое благополучие семьи, делал карьеру и уделял немного внимания внутрисемейным делам. Женщины, обладая некоторой финансовой независимостью, преимущественно занимались домом – воспитывали детей, вели хозяйство, организовывали прием гостей, но бытовал и иной образ – «роковой» женщины, которая больше заботилась о личной жизни, часто выезжала в свет, а детей препоручала няням и гувернерам.

\* \* \*

Такие важные события, как рождение, брак и смерть, всегда сопровождались обдумантыми ритуалами и со временем мало подвергались изменениям.

В период создания новой семьи от владения этикетом во многом зависело, состоится свадьба или нет. Во время сватовства важно было соблюсти традиции, берущие начало в народной культуре: испрашивание благословения на брак у родителей, крайне бережное отношение к чести

девушки. Такие формы поведения воспринимались как благородные и потому принимались и культивировались в дворянской культуре.

Ритуал похорон был впервые модернизирован еще во времена правления Петра I, затем культура поведения на протяжении столетий оставалась прежней. Новшества касались лишь формы одежды и периода ношения траура. Выражали свою скорбь сдержанно, показывая, что самое главное – забота о душе усопшего, преодоление потери. Страстные порывы романтических героев хороши были в романах и на сцене, а в жизни ценились такт и самообладание. Демонстрировать свою скорбь позволялось только в строгих рамках этикета.

То же касается и обычая крестить ребенка: все нововведения были связаны в основном с тем, что дарилось новорожденному и его родителям.

\* \* \*

У детей в дворянском доме был свой особый мир, мало связанный с жизнью других семей. Этот мир тем не менее подвергался самым разносторонним влияниям: родителей как представителей фамилии; нянь и слуг из народа; гувернеров и учителей, дающих современное образование. Поскольку гувернерами по большей части были иностранцы, то в сознании ребенка европейская картина мира наслаивалась на русскую (простонародную), привитую нянями и мамками. Вместе это способствовало формированию разносторонней личности, развивая в молодом дворянине разум, чувства, эстетику и нравственность (при условии что все эти качества присутствовали у родителей, нянь и учителей). Разумная строгость способствовала формированию внутренней дисциплины.

В дворянском доме существовала еще одна особая субкультура – слуги. Ей были присущи свои традиции, передававшиеся по наследству. В системе слуг существовала своя иерархия. Чем выше по этой лестнице стоял слуга, тем ближе он был к господам и тем больше перенимал их культуру. Слуги низшего положения в барском доме продолжали существовать в русле традиций простонародной культуры и нередко, как вспоминают современники, не отличались высокими моральными качествами, так что господских детей даже не допускали до общения с ними.

Место религии в дворянской культуре неоднозначно. Существовали как искренне верующие дворяне, так и вовсе далекие от христианского учения люди. Кто-то считал, что православная церковь должна измениться на манер протестантской или католической, кто-то разделял масонские <sup>[676]</sup>,

католические или даже сектантские взгляды. Были и дворяне-мусульмане, в основном татары по национальности, но эти рода не были внесены в столичные родословные книги. Преимущественно они жили в Казани и Казанской губернии.

\* \* \*

Дворянская среда обладала одним замечательным качеством: она вызывала желание подражать ей в других слоях общества. Состоятельные купцы заводили дома на манер дворян, стремились дать своим детям не менее престижное образование. Платье иноземного покроя, знание французского языка постепенно входят и в купеческую среду. Духовенство, общаясь с дворянами, оказывало нравственное влияние на своих духовных чад, но вместе с тем приноравливалось под вкусы высшего сословия, ожидая от них милостей. Крестьянское же население страны продолжало придерживаться патриархального уклада предков (за исключением тех крестьянских семей, которые входили в состав прислуги дворянского дома). Манеры слуг заметно отличались от крестьянских и частично походили на манеры городских жителей, но им не было позволено копировать своих хозяев, дабы избежать карикатуры на них.

Из-за специфики сохранившихся источников сегодня нам довольно сложно проанализировать невербальное общение столичных дворян. Можно только сказать, что среди принятых жестов и знаков были: целование руки мужчиной у женщины и детей – у родителей; благословение родителями иконой детей перед браком; кокетливые взгляды, которые девушки и женщины бросали на мужчин из-за рукоделия и само рукоделие как символ трудолюбия и прилежания; вневременные способы общения влюбленных взглядами, пожатием рук и так далее; система условных знаков хозяев дома за карточным столом с целью обмануть гостя; знаки хозяев к слугам (кого из гостей пускать в дом и так далее); система визитных билетов и тому подобное.

Дворянское сословие творило собственную культуру общения, основываясь на идеальных представлениях о должном, прекрасном, то есть на некоем комплексе принципов, составляющих понятие «благородства». При этом не были утрачены и традиции предшествующих поколений, культивировавших превосходство над крепостными и подчеркивавших социальное неравенство во всех сферах обыденной жизни.

Феномен бытового общения в дворянских семьях означенного периода утрачен, мы можем воссоздавать его лишь по частицам из мемуаров, дневников, писем и художественной литературы. Какие-то нюансы и

элементы культуры уходили в прошлое под натиском моды (например, новые методы воспитания детей вытесняли прежние, менялись формы обращений между супругами). Большое влияние оказали на общество в целом, а также на отношения между родственниками реформы 1860–1870-х годов; именно в это время в обществе вновь вспыхивают горячие, порой ожесточенные споры, для которых вскоре было найдено клише «проблема отцов и детей». К началу XX века идеалы дворян, «поэзия барской жизни» утрачивают эталонность и уступают место буржуазным, коммерческим принципам: драматизм этого перехода становится, например, нервом комедии А.П. Чехова «Вишневый сад». И разумеется, события Гражданской войны и политика советской власти стерли следы дворянской культуры, оставив для нее место на уроках литературы, в театре и кино, в некоторых бытовых привычках старой интеллигенции. Зато уникальным явлением стало образование русских диаспор за границей, сохранение бежавшими от смерти дворянами-«белоземляками» русской дореволюционной культуры: языка, религии, традиций и бытового общения<sup>[677]</sup>.

## **Источники и литература**

### ***Архивные источники Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)***

1. Фонд 279 Якушкины.
2. Фонд 635 кн. Шаховские.
3. Фонд 699 Окулова А.А.
4. Фонд 706 Головина В.Н.
5. Фонд 828 Горчаков А.М.
6. Фонд 876 Воеводские.
7. Фонд 907 Дашковы А.Я. и Е.О.
8. Фонд 1143 Трубецкой С.П.
9. Фонд 1709 Давыдов В.Л.
10. Фонд 1711 Орлов М.Ф.

### ***Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ)***

11. Фонд 19 Барятинские.
12. Фонд 48 Веневитиновы и Вьельгорские.
13. Фонд 64 Вяземы.
14. Фонд 88 Давыдов В.Л.
15. Фонд 99 Елагины.
16. Фонд 133 Коновницыны и Нарышкины.
17. Фонд 166 Меншиковы.
18. Фонд 219 Орловы-Давыдовы.
19. Фонд 301 Толстые Н.А. и А.И.
20. Фонд 319 Фонвизины.
21. Фонд 385 Флеровы.
22. Фонд 495 Танеевы.

### ***Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ)***

23. Фонд 423 Рылеев К.Ф.
24. Фонд 532 Хомяков А.С.
25. Фонд 638 Дубельт Л.В.
26. Фонд 1062 Деларю М.Д.
27. Фонд 1064 Долгоруков И.М.



*Центральный исторический архив Москвы*

28. Фонд 54 Московское Губернское Правление.

*Отдел письменных источников Государственного  
исторического музея*

29. Фонд 395 Соймановы.

30. Фонд 92 Дневники, мемуары, записки.

*Опубликованные источники*

31. 1812-й год. Из семейных воспоминаний А.Ф. Кологривовой (урожденной Вельяминовой-Зерновой) // Русский архив. 1886. № 7. С. 338–347.

32. Авдеева К.А. Записки о старом и новом Русском быте. СПб.: Тип. Штаба военно-учебных заведений, 1842.

33. Аксаков С.Т. Полное собрание сочинений: В 6 т. СПб.: Изд. книжн. магазина Н.Г. Мартынова, 1886.

34. Анненкова П. Воспоминания. М.: Захаров, 2003.

35. Ансело Ф. Шесть месяцев в России / Вступ. ст., сост., пер. с фр. и коммент. Н.М. Сперанской. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

36. Арапова А.П. Наталья Николаевна Пушкина-Ланская. М.: МПФ «Демидург»; ТОО «Изограф»; АО «Агентство ВИТА», 1994.

37. Бибииков М.П. Бабушка // Москвитянин. 1855. № 4. С. 25–45.

38. Бибииков М.П. Два отрывка из семейных записок // Русская беседа. М.: В тип. Александра Семена, 1856. Т. 2. С. 61–76.

39. Блудова А.Д. Воспоминания и записки графини А.Д. Блудовой. СПб.: Тип. Майкова, 1871.

40. Боборыкин П.Д. Воспоминания: В 2 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1965.

41. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова: Описанные им самим для своих потомков: В 3 т. 1738–1759 / Вступ. ст. С. Рожкова; примеч. П. Жаткина, И. Кравцова. М.: Терра, 1993.

42. Брант Л.В. Воспоминания и очерки жизни. СПб.: Тип. Главного управления путей сообщения и публичных изданий, 1839.

43. Булгарин Ф.В. Видок Филярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение / Публ., сост., предисл. и коммент. А.И. Рейтблата. М.: Новое литературное обозрение, 1998.

44. Булгарин Ф.В. Воспоминания. М.: Захаров, 2001.

45. Булгарин Ф.В. Воспоминания Фадея Булгарина // Библиотека для чтения. 1849. Т. 93. Ч. 2. С. 141–196.

46. Булгарин Ф.В. Очерки русских нравов или лицевая сторона и изнанка рода человеческого. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1845.
47. Бутурлин Д.М. Записки графа М.Д. Бутурлина. 1839 год // Русский архив. Кн. 3. № 10. М. 1901. С. 209–229.
48. Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год / Сост. Л.Г. Захарова, Л.И. Тютюнник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.
49. Верне О. При дворе Николая I: Письма из Петербурга / Пер., вступ. ст. и коммент. Д. Васильева. М.: РОССПЭН, 2008.
50. Вигель Ф.Ф. Записки: В 2 кн. М.: Захаров, 2003.
51. Вистенгоф П.Ф. Очерки московской жизни. Вистенгоф П.Ф. Из моих воспоминаний. Андрей Николаевич Карамзин. М.: ИД ТОНЧУ, 2007.
52. Витковский А.Г. Из моего прошлого. Училище // Русское слово. 1860. Т. 1. С. 64–92.
53. Вицман А.В. Наставления полезные для слуг, которые так же не будут бесполезны и для самих хозяев. СПб.: Изд-е А. Вицмана, 1799.
54. Волконская М.Н. Записки М.Н. Волконской / Предисл. М. Сергеева; примеч. Б.Г. Кокошко. М.: Молодая гвардия, 1977.
55. Волконский С.Г. Записки. СПб.: Изд. кн. М.С. Волконского, 1901.
56. Вступление молодой девицы в свет, или Наставление, как должна поступать молодая девица при визитах, обедах и ужинах, в театре, концертах и собраниях / Пер. с нем. баронессы Юлии Фон Икскуль. СПб.: В тип. И. Глазунова и Коми, 1853.
57. Вульф А.Н. Дневники. Любовный быт Пушкинской эпохи / Под ред. П.Е. Щеголева. М.: Федерация, 1929.
58. Вяземский П.А. Старая записная книжка. 1813–1877. М.: Захаров, 2003.
59. Вяземский П.П. Александр Сергеевич Пушкин. 1826–1837. М., 2009.
60. Глинка М.И. И я открою землю: Композиция / Авт. композиции Н. Колосова. М.: Молодая гвардия, 1976.
61. Глинка М.И. Полное собрание сочинений: В 3 т. М.: Музыка, 1973.
62. Глинка С.Н. Записки. М.: Захаров, 2004.
63. Готье Т. Путешествие в Россию / Пер. с фр. и коммент. Н.В. Шапошниковой; предисл. А.Д. Михайлова. М.: Мысль, 1988.
64. Греч Н.И. Записки моей жизни. М.: Захаров, 2002.
65. Грибоедовская Москва в письмах М.А. Волковой к В.И. Ланской. 1812–1818 гг. // Вестник Европы. 1874. Т. 9. С. 115–168.
66. Григорьев А. Воспоминания. Л.: Наука, 1980.
67. Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России /

Под общ. ред. С.С. Дмитриева. М.: Изд. Моск. ун-та, 1987.

68. Сталь Ж. де. Десять лет в изгнании / Пер. с фр., ст., коммент. В.А. Мильчиной. М.: ОГИ, 2003.

69. Дедушка-дворник (Из воспоминаний институтки) Л. П-ой // Москвитянин. 1855. Т. 6. № 21, 22. С. 121–153.

70. Декабристы в воспоминаниях современников / Сост., общ. ред., вступ. ст. и коммент. В.А. Федорова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.

71. Декабристы и их время: материалы и сообщения / Под ред. М.П. Алексеева и Б.С. Мейлаха. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951.

72. Дельвиг А.И. Мои воспоминания: В 4 т. М.: Изд-е Московского Публичного и Румянцевского музеев, 1912.

73. Дельвиг А.И. Полвека русской жизни: Воспоминания А.И. Дельвига. 1820–1870. М.; Л.: Academia, 1930.

74. Дисборо А. Подлинные письма из России, 1825–1828 / Пер. с англ. Вишняков М.А. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011.

75. Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни / Подгот. текста и примеч. К.Г. Боленко, Е.Э. Ляминой и Т.Ф. Нешумовой; вступ. ст. К.Г. Боленко и Е.Э. Ляминой. М.: Новое литературное обозрение, 1998.

76. Дневник А.В. Якушкиной // Новый мир. М.: Изд-во «Известия советов депутатов трудящихся СССР», 1964. № 12. С. 138–152.

77. Домострой / Сост., вступ. ст., пер. и коммент. В.В. Колесова; подгот. текстов М.В. Пименовой. М.: Советская Россия, 1990.

78. Достоевский А.М. Воспоминания. М.: Аграф, 1999.

79. Драшусова Е.А. Жизнь прожить – не поле перейти // Русский вестник. 1881–1884.

80. Друзья Пушкина. Переписка; Воспоминания; Дневники: В 2 т. Сост., биограф. очерки и примеч. В.В. Кунина. М.: Правда, 1986.

81. Евреинов М.М. Память о 1812 годе // Русский архив. 1874. Кн. 1. С. 95–110, 451–466.

82. Жизнь в свете, дома и при дворе. СПб.: Б.и., 1890.

83. Жихарев С.П. Записки современника. М.: Захаров, 2004.

84. Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. / Под ред. И.А. Айзиковой, Н.Ж. Ветшевой, Э.М. Жидяковой, Ф.З. Кануновой, О.Б. Лебедевой, И.А. Поплавской, Н.Б. Реморова, А.С. Янушкевича. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 13. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833 гг. / Сост. и ред. О.Б. Лебедева и А.С. Янушкевич.

85. Завалишин Д.И. Воспоминания. М.: Захаров, 2003.

86. Загоскин С.М. Воспоминания // Исторический вестник 1900. Т. 79. № 1. С. 41–78; № 2. С. 489–530; № 3. С. 921–946.

87. Загряжский М.П. Записки. М.: Феникс; СПб.: Atheneum, 1993.
88. Записки баронессы Прасковьи Григорьевны Розен, в монашестве Митрофании / Сост. А.М. Васнева. М.: Nikea, 2012.
89. Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX века. М.: Современник, 1990.
90. Из записок Ипполита Оже. 1814–1817. (С неизданного Французского подлинника) // Русский архив. 1877. Кн. 2. № 1. С. 51–75; № 2. С. 249–261.
91. Инсарский В.А. Записки Василия Антоновича Инсарского. СПб.: Изд-е редакции «Русская старина», 1894. Ч. 1–2.
92. Искусство обращаться в свете, или правила благопристойности и учтивости в пользу молодых людей, в свет вступающих. М.: В Унив. тип., 1797.
93. История благородной женщины / Сост., вступ. ст. и примеч. Боковой В.М. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
94. Каменская М.Ф. Воспоминания М.Ф. Каменской // Исторический вестник. 1894. Т. 55, 56, 57, 58.
95. Керн А.П. Воспоминания / Предисл. П.И. Головицкого; вступ. ст., ред. и примеч. Ю.Н. Верховского. Л.: Academia, 1929.
96. Кичеев П.Г. Из недавней старины. Рассказы и воспоминания. М.: Тип. В. Готье, 1870.
97. Комаровский Е.Ф. Записки графа Е.Ф. Комаровского. М.: Тов-во рус. художников, 1990.
98. Корф М.А. Записки. М.: Захаров, 2003.
99. Кочубей А.В. Семейная хроника. Записки Аркадия Васильевича Кочубея. СПб.: Тип. брат. Пантелеевых, 1890.
100. Кусков П.А. Жизнь в доме бабушки // Нева. 1907. № 21. Ст. 1501–1527.
101. Лабзина А.Е. Воспоминания Анны Евдокимовны Лабзиной (1758–1828). Предисл. и примеч. Б.Л. Модзалевского. М., 2010.
102. Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб.: Владимир Даль, 2003. Т. 6.
103. Мемуары декабристов. Северное общество. М.: Изд. Моск. ун-та, 1981.
104. Менгден Е.И. Из дневника внучки // Русская старина. 1913. Т. 66. № 5. С. 103–131.
105. Мещерский А.В. Из моей старины // Русский архив. М., 1901. Т. 1. № 3. С. 470–505.
106. Мещерский В.П. Мои воспоминания. М.: Захаров, 2003.

107. Милютин Д.М. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина.: В 4 т. Томск: Типография Военной академии, 1919.

108. Мир Пушкина. Т. 3. Семейные предания Пушкиных. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2003.

109. Моллер Е.Н. Памятные записки // Русская старина. 1890. Т. 66. № 5. С. 325–342.

110. Москва – Петербург: pro et contra / Сост., вступ. ст., коммент., библиогр. К.Г. Исупова. СПб.: РХТИ, 2000.

111. Москва в очерках 40-х годов XIX века / Сост. А.Р. Андреев. М.: Крафт+, 2004.

112. Муравьев-Апостол И.М. Письма из Москвы в Нижний Новгород. СПб.: Наука, 2002.

113. Муромцов М.М. Воспоминания Матвея Матвеевича Муромцова // Русский архив. № 1. 1890. С. 59–82.

114. Назимов М.Л. В провинции и в Москве с 1812 по 1828 год // Русский вестник. 1876. № 7. С. 74–162.

115. Назимова М.Г. Бабушка графиня М.Г. Разумовская // Исторический Вестник. 1899. Т. 75. № 3. С. 841–854.

116. Наставления от отца дочерям / Пер. с фр. Н. Загороцкий. М.: В Унив. тип., 1784.

117. Наука общежития нынешних времен в пользу благородного юношества. СПб.: В тип. Ф. Меира, 1793.

118. Никитенко А.В. Дневник: В 3 т. Т. 1. Л.: Гос. изд. худ. лит., 1955. С. 188.

119. Николай I. Муж. Отец. Император / Сост., предисл. Н.И. Азаровой; коммент. Н.И. Азаровой, Л.В. Гладковой; пер. с фр. Л.В. Гладковой. М.: СЛОВО/SLOVO, 2000.

120. Николева М.С. Черты старинного дворянского быта. Воспоминания М.С. Николевой // Русский архив. 1893. Кн. 3. № 9–10.

121. Новосильцева Е.В. Семейные записки Т. Толычевой. М.: В тип. Бахметева, 1865.

122. О хорошем обществе (Из книги: *Essai sur l'esprit de conversation*) // Дамский журнал, издаваемый князем Шаликовым. 1823. Ч. 1. № 1. С. 20–23.

123. Панаева А.Я. Воспоминания. М.: Захаров, 2002.

124. Пассек Т.П. Из дальних лет. Воспоминания / Под. общ. ред. А.В. Луначарского, вступ. ст. и коммент. И.Я. Свистунова. М.; Л.: Academia, 1931.

125. Паткуль М.А. Воспоминания // Исторический вестник. 1902. Т. 87. № 1, 2, 3.

126. Погодин Д.М. Из воспоминаний Дмитрия Михайловича Погодина. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1892.

127. Подлинные письма из России, 1825–1828 / Пер. с англ. Вишняков М.А. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011.

128. Полезная Детская забава, содержащая приятные поучения, забавные повести, басни и пословицы на четырех языках на Российском, Французском, Немецком и Английском. СПб.: В тип. Ф. Мейера, 1799.

129. Портрет милой женщины // Вестник Европы, издаваемый Н. Карамзиным. 1802. Ч. 1. № 1. С. 55–59.

130. Правила светского обхождения о вежливости: полная карманная книжка, содержащая правила, наставления, применения и примеры как представить себя в общество, и как обращаться в нем. М.: Тип. Н. Степанова при императорском Театре, 1829.

131. Правила учтивости // Пер. с фр. Лейб гвардии Преображенск. полку Подпрапорщик Петр Калязин. СПб.: Типография Шляхетского кадетского корпуса, 1774.

132. Раевская Е.И. Воспоминания Екатерины Ивановны Раевской // Исторический вестник. 1898. Т. 74. № 11. С. 523–556.

133. Рассказы Бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово / Под ред. А.Л. Гришунина. Л.: Наука, 1989.

134. Романова А.Ф. (Государыня императрица). О браке и семейной жизни. Саранск: Б.и., 1997.

135. России двинулись сыны: Записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев / Сост. С.С. Волк, С.Б. Михайлова; худож. В. Комаров. М.: Современник, 1988.

136. Россия первой половины XIX века глазами иностранцев / Сост. Ю.А. Лимонова. Л.: Лениздат, 1991.

137. Ростопчина Л. Семейная хроника (1812). М.: Тип. «М.В. Валдин и Ко», 1912.

138. Руководство к педагогике или норме воспитания / Сост. по Нимейеру А.Г. Ободовским. СПб.: Тип. Конрада Вингебера, 1835.

139. Русская старина: Ежемесячное историческое издание: В 2 т. СПб.: Печатня В. Головина, 1870. Т. 1.

140. Русские мемуары. Избранные страницы. 1800–1825 гг. / Сост., вступ. ст. и примеч. И.И. Подольской; биогр. очерки В.В. Кунина и И.И. Подольской. М.: Правда, 1989.



141. Русские мемуары. Избранные страницы 1826–1856 гг. М.: Правда, 1990.
142. Русское общество 30-х гг. XIX в. Мемуары современников. М.: Изд-во МГУ, 1989.
143. Русское общество 40–50-х XIX в. Часть I. Записки А.И. Кошелева. М.: Изд-во МГУ, 1991.
144. Русское общество 40–50-х XIX в. Часть II. Воспоминания Б.Н. Чичерина. М.: Изд-во МГУ, 1991.
145. Сабанеева Е.А. Воспоминания о былом: из семейной хроники 1770–1838 / Предисл. Д.А. Корсакова; ред. и примеч. Б.Л. Модзалевского. СПб., 1914.
146. Свербеев Д.Н. Записки Дмитрия Николаевича Свербеева (1799–1826): В 2 т. М.: Типо-литогр. Товар. И.Н. Кушнерев и Ко, 1899.
147. Светский человек или Руководство к познанию правил общежития / Сост. Д.Н. Соколовым. СПб.: Типография Санкт-Петербургского Губернского Правления, 1847.
148. Селиванов В.В. Сочинения Василия Васильевича Селиванова / Под ред. и с примеч. А.В. Селиванова: В 2 т. Владимир на Клязьме: Типо-литогр. Губернского Правления, 1901.
149. Смесь // Московский Меркурий. 1803. Ч. 1. № 1–6. С. 4–18.
150. Смесь // Сын отечества. 1813. Ч. 3. С. 196–197.
151. Смирнова-Россет А.О. Воспоминания. Письма / Сост., вступ. ст. и примеч. Ю.Н. Лубченкова. М.: Правда, 1990.
152. Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания / Сост., вступ. ст., коммент. И.С. Чистовой. Л.: Художественная литература, 1988.
153. Соллогуб В.А. Воспоминания об В.Ф. Одоевском // В память о князе В.Ф. Одоевском. Заседание общества любителей российской словесности 13 апр. 1869 г. М., 1869.
154. Старина и новизна: Ист. сб. изд-й при общ-ве ревнителей рус. ист-го просвещения в память имп. Александра III. Кн. 20. М., 1916.
155. Сушкова Е.А. Записки. М.: Захаров, 2004.
156. Толстой М.В. Хранилище моей памяти. М.: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995.
157. Толстой С.М. Древо жизни: Толстой и Толстые / Пер. с фр., сост. и предисл. Н.И. Азаровой. М.: СЛОВО/SLOVO, 2002.
158. Толстой Ф.П. Записки / Сост., вступ. ст. и коммент. А.Е. Чекуновой, Е.Г. Гороховой. М.: РГГУ, 2001.
159. Фельдмаршал Кутузов: Документы, дневники, воспоминания / Отв. ред. А.М. Валькович. М.: Археографич. центр, 1995.

160. Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма: В 2 т. М.: Наука, 1991.

161. Чарторийский А. Русский двор в конце XVIII и начале XIX столетия: из записок князя А. Чарторийского. 1795–1805 / Предисл. К. Военского; Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2007.

162. Чтения для умственного развития малолетних детей и обогащения их познаниями / Сост. Е.О. Гугель. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1832.

163. Шереметев С.Д. Воспоминания детства. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1896.

164. Шубинский С.Н. Очерки из жизни и быта прошлого времени. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1888.

165. Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению Собранное от разных авторов. Факсим. изд. М., 1976.

### *Художественная литература*

166. Авенариус В.П. Отроческие годы Пушкина // Родник. 1885.

167. Авенариус В.П. Юношеские годы Пушкина // Родник. 1887.

168. Барон Брамбеус. Женская жизнь в нескольких часах // Библиотека для чтения. 1834. Т. 1. № 1. С. 33–115.

169. Барон Брамбеус. Идеальная красавица, или Дева чудная // Библиотека для чтения. 1841. Т. 49. С. 141–254; 1842. Т. 50. С. 17–130, 139–231.

170. Бегичев Д.Н. Быт русского дворянина в разных эпохах и обстоятельствах его жизни. М.: В Унив. тип., 1851. Вып. 1, 2.

171. Бегичев Д.Н. Ольга: быт русских дворян в начале нынешнего столетия. СПб.: Тип. А. Плюшара, 1840.

172. Бегичев Д.Н. Семейство Холмских. Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян: В 6 ч. М.: Тип. Августа Семена, 1832.

173. Бестужев (Марлинский) А.А. Ночь на корабле: Повести, рассказы / Сост., подгот. текста, послесл. и примеч. А.Л. Осповата. М.: Художественная литература, 1988.

174. Бестужев-Рюмин М.А. Мавра Власьевна Томская и Фрол Савич Калугин. СПб.: В тип. Императорского воспитательного дома, 1828.

175. Билевич Н.И. Картинная галерея светской жизни или Нравы девятнадцатого столетия. М.: Тип. Лазаревых инта вост. языков, 1833. Ч. I.

176. Боровков А.Д. Брак по рассудку // Соревнователь просвещения и благотворения. 1818. № 2. С. 387–399.

177. Брант Л.В. Коробочка // Библиотека для чтения. СПб., 1849. Т. 98. С. 187–223.
178. Брант Л.В. Rendez-vous // Библиотека для чтения. 1850. Т. 99. С. 262–304.
179. Бурачок С.О. Герои нашего времени // Маяк. Т. 19. 1845. С. 1–104, 105–205.
180. Вельтман А.Ф. Повести. СПб.: Издание М.Д. Ольхина, 1845.
181. Вельтман А.Ф. Приключения, почерпнутые из моря житейского. М.: В Унив. тип., 1848.
182. Вельтман Е.И. Лидия. Рассказ из жизни музыкального учителя // Москвитянин. 1848. № 4–6.
183. Вересаев В.В. Пушкин в жизни: Систематич. свод подлинных свидетельств современников / Предисл. Дм. Урнова и Вл. Сайтанова. М.: Моск. рабочий, 1987.
184. Висковатый П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов: Биография. М.: Захаров, 2004.
185. Волков А.А. Тщеславный, или Чего кому хочется, тому и верится. М.: Тип. В. Кирилова, 1838.
186. Вонлярлярский В.А. Все сочинения: В 7 т. СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1853.
187. Ган Е.А. Полн. собр. соч. СПб.: Изд. Н.Ф. Мертца, 1905.
188. Герцен А.И. Былое и думы / Коммент. Г.Г. Елизаветиной: В 2 т. М.: Правда, 1983.
189. Глинка А.П. Графиня Полина. СПб.: В тип. Я. Трея, 1856.
190. Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 6 т. М.: ГИХЛ, 1952–1953.
191. Гончаров И.А. Собр. соч.: В 8 т. М.: ГИХЛ, 1953.
192. Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений: В 2 т. СПб.: Изд-е И.П. Варгунина, 1889.
193. Григорьев П.И. Житейская школа // Библиотека для чтения. 1849. Т. 98. С. 29–102.
194. Гурьев П.С. Руководство к преподаванию арифметики малолетним детям: В 2 ч. СПб.: Тип. Конрада Вингебера, 1839. Ч. I.
195. Дружинин А.В. Полинька Сакс. Дневник / Сост., вступ. ст., примеч. Б. Егорова. М.: Правда, 1989.
196. Дурова Н.А. Избр. соч. / Сост., вступ. ст. и примеч. В.Б. Муравьева. М.: Московский рабочий, 1988.
197. Жандр Н.П. Свет. Роман в стихах. СПб.: Тип. Э. Праца, 1857.
198. Зражевская А. Девушка-поэт. Отрывок из романа // Москвитянин. 1844. Ч. I. № 2. С. 368–403.

199. Кони Ф.А. Титулярные советники в домашнем быту: Комедия в 1 действии. СПб.: Изд-во книгопродавца М.О. Вольфа, 1870.
200. Корсини М. Очерки современной жизни: В 7 т. СПб., 1848.
201. Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 6 т. М.; Л.: АН СССР, 1957.
202. Надежда В. Богатая невеста // Современник. 1853. Т. 39. № 6. С. 1–16.
203. Нарезный В.Т. Избранное / Сост., вступ. ст. и примеч. В.А. Грихина, В.Ф. Калмыкова. М.: Советская Россия, 1983.
204. Николай I и его эпоха / Под ред. М.О. Гершензона. М.: Захаров, 2001.
205. Николай М. Софія // Библиотека для чтения. 1835. Т. 8. № 1. С. 94–161.
206. О воспитании девиц и об ученых женщинах // Патриот. 1804. № 9. С. 291–304.
207. Одоевский В.Ф. Пестрые сказки. Сказки дедушки Иринейя / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Грекова. М.: Художественная литература, 1993.
208. Одоевский В.Ф. Последний квартет Бетховена / Сост., вступ. ст., примеч. В. Муравьева. М.: Московский рабочий, 1982.
209. Павлов Н.Ф. Сочинения / Сост., авт. послесл. и примеч. Л.М. Крупчанов. М.: Сов. Россия, 1985.
210. Павлова А. Бедняжка. Быль // Библиотека для чтения. 1849. Т. 97. С. 152–184.
211. Писемский А.Ф. Сочинения: В 3 т. М.: ГИХЛ, 1956.
212. Победоносцев С.П. Мамзель Бабетт и ее альбом // Библиотека для чтения. 1842. Т. 54. № 10. С. 161–193.
213. Полевой Н.А. Дурочка // Сто русских литераторов. СПб.: В тип. А. Смирдина, 1839. Т. 1. С. 449–527.
214. Плещеев А.Н. Житейские сцены / Сост., вступ. ст. и примеч. Н.Г. Кузина. М.: Советская Россия, 1986.
215. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1956–1958.
216. Пушкин В.Л. «Отечеству служить...» // Сатира русских поэтов первой половины XIX в.: Антология / Подгот. текста, сост., вступ. ст. и примеч. В. Афанасьева; худож. В. Юрлов. М.: Советская Россия, 1984. С. 77.
217. Пыляев М.И. Старая Москва: Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы / Сост. Ю.Н. Александров. М.: Московский рабочий, 1990.

218. Пыляев М.И. Старый Петербург. Репринт. изд. А.С. Суворина. М.: СП «ИКПА», 1991.

219. Ростопчина Е.П. Счастливая женщина. Литературные сочинения / Сост., вступ. ст., коммент. А.М. Ранчина. М.: Правда, 1991.

220. Ростопчина Е.П. Талисман: Избр. лирика. Драма. Документы, письма, воспоминания / Сост. В. Афанасьев. М.: Московский рабочий, 1987.

221. Самойлов Д. Наши, или каких чудес не бывает в провинции. СПб.: Б.и., 1845.

222. Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 20 т. М.: ГИХЛ, 1963.

223. Толстой Л.Н. Война и мир: В 2 т. М.: Художественная литература, 1983.

224. Тынянов Ю.Н. Кюхля. Рассказы. М.: Правда, 1981.

225. Тынянов Ю.Н. Пушкин / Примеч. Б. Костелянца. Л.: Художественная литература, 1976.

226. Фан Дим Ф. Александрина, небольшой роман, взятый из записок Юрия 3\*: В 2 ч. СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1855.

227. Шпага: комедия в одном действии // Патриот. 1809. Ч. 2. С. 73–115.

### *Избранные исследования*

228. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке / Пер. с фр. Я.Ю. Старцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.

229. Аурова Н.Н. От кадета до генерала. Повседневная жизнь русского офицера в конце XVIII – первой половине XIX века. М.: Новый хронограф, 2010.

230. Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. Этнографические очерки. Л.: Наука, 1990.

231. Барановская М.Ю., Сорокин В.В. Декабристы в Москве // Наука и жизнь. № 2. 1975. С. 14–28.

232. Батищев Г.С. Особенности культуры глубинного общения // Диалектика общения: Гносеологические и мировоззренческие проблемы. М.: АН СССР, Ин-т филос., 1987. С. 13–51.

233. Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2010.

234. Беловинский Л.В. История русской материальной культуры. М.: Вузовская книга, 2003.

235. Бодалев А.А. Психология общения. Избр. психологич. труды. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та;

Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2002.

236. Бокова В.М. Повседневная жизнь Москвы. М.: Молодая гвардия, 2010.

237. Быт пушкинского Петербурга: Опыт энциклопедического словаря. А – К. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2003.

238. Быт пушкинского Петербурга: Опыт энциклопедического словаря. Л – Я. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2005.

239. Врангель Н.Н. Старые усадьбы: Очерки истории русской дворянской культуры. СПб.: Журнал «Нева»; ИТД «Летний сад», 1999.

240. Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1984.

241. Выскочков Л.В. Николай I. М.: Молодая гвардия, 2003.

242. Гейченко С.С., Журибеда Ж.С. Рецепты из поваренных книг семейства Пушкиных-Ганнибалов. Псков: Б.и., 1989.

243. Гершензон М.О. Избранные труды: в 2 ч. М.: РОССПЭН, 2010.

244. Гордин Я.А. Дуэли и дуэлянты. СПб.: Пушкинский фонд, 2002.

245. Гросул В.Я. Русское общество XVIII–XIX вв.: Традиции и новации / В.Я. Гросул; Ин-т рос. истории. М.: Наука, 2003.

246. Дубровин Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX века / Изд. подгот. П.В. Ильиным. СПб.: Издательство ДНК, 2007.

247. Занегина Н.В. Нравы тверского дворянства второй половины XVIII – первой половины XIX в.: Взаимоотношения родителей и взрослых детей: дис.... канд. ист. наук: 07.00.02. Тверь, 2003.

248. Захарова О.Ю. Светские церемониалы в России XVIII – начала XX в. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003.

249. Зверев В.В. Новые подходы к художественной литературе как историческому источнику // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 161–166.

250. Зеньковский В.В. Психология детства. М.: Academia, 1996.

251. Каган М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М.: Политиздат, 1988.

252. Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М.: Канон+, 2004.

253. Кирсанова Р.М. Русский костюм и быт XVIII–XIX веков. М.: СЛОВО/SLOVO, 2002.

254. Ключевский В.О. Русская история / Вступ. ст. А.Ф. Смирнова, сост., коммент., указ. А.М. Кузнецова: В 5 т. М.: РИПОЛ Классик, 2001.

255. Князьков С.А. Быт дворянской Москвы конца XVIII и начала XIX вв. // Москва в ее прошлом и настоящем. Т. 8. 1910. С. 21–65.

256. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904. М.: Наука, 1979.



257. Короткова М.В. Эволюция повседневной культуры московского дворянства в XVIII – первой половине XIX в.: дис.... д-ра ист. наук: 07.00.02. М., 2009.

258. Лаврентьева Е.В. Светский этикет пушкинской поры. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999.

259. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПб, 1999.

260. Лотман Ю.М., Погосян Е.А. Великосветские обеды: Панорама столичной жизни. СПб.: Питер, 2001.

261. Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века (По материалам переписки). М.: РОССПЭН, 2009.

262. Маррезе М.Л. Бабье царство? Дворянки и владение имуществом в России (1700–1861) / Авториз. пер. с англ. Н. Лужецкой. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

263. Марченко Н.А. Приметы милой старины. Нравы и быт пушкинской эпохи. М.: Изографус; Эксмо, 2002.

264. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 ч. СПб.: Изд. ред. жур. «Мир Божий», 1903.

265. Мировосприятие и самосознание русского общества (XI – XX вв.) / Отв. ред. Л.Н. Пушкарев. М.: ИРИ РАН, 1994.

266. Мир русской усадьбы. Очерки. М.: Наука, 1995.

267. Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина. СПб.: Журнал «Нева», 2001.

268. Очерки русской культуры XIX века: В 6 т. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998–2002.

269. Поляков Ю.А. Человек в повседневности (исторические аспекты) // Отечественная история. М., 2000. № 3. С. 125–132.

270. Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: воспитание, образование, судьба. XVIII – начало XX века. 3-е изд. М.: ООО «ТИД «Русское слово РС», 2009.

271. Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад. XVIII – начало XX века. М.: Новый хронограф, 2009.

272. Похлебкин В.В. Из истории русской кулинарной культуры. М.: ЗАО Центрполиграф, 2009.

273. Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница. X – начало XIX в. М.: Ладомир, 1997.

274. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913). Статистические очерки / Под ред. акад. С.Г. Струмилина. М.: Госстатиздат, 1956.
275. Сараскина Л.И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 2011.
276. Солодянкина О.Ю. Иностранцы наставники в дворянском домашнем воспитании в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.): дис.... д-ра ист. наук: 07.00.02. М., 2008.
277. Тихонов Ю.А. Дворянская усадьба и крестьянский двор в России XVII и XVIII веков: сосуществование и противостояние. М.: Летний сад, 2005.
278. Ткаченко О.В. Феномен чести в европейской и русской культуре (философско-антропологический анализ). Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ АПСН, 2005.
279. Трошина С.В. Гувернерство в домашнем образовании России первой половины XIX.: дис.... канд. пед. наук: 13.00.01. М., 1995.
280. Ушинский К.Д. О нравственном элементе в русском воспитании // Пед. соч.: В 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1988.
281. Федосюк Ю.А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX в. М.: Флинта; Наука, 2002.
282. Фуражева Н.С. Культура общения в русской дворянской усадьбе в конце XVIII – первой половине XIX века: дис.... канд. культурологии: 24.00.01. М., 2009.
283. Хороший тон: Сборник правил и советов на все случаи жизни, общественной и семейной. М.: Сов. писатель, 1991.
284. Цимбаева Е.Н. Исторический анализ литературного текста. М.: КомКнига, 2005.
285. Чечулин Н.Д. Русская провинция во второй половине XVIII века. СПб.: Росийская национальная библиотека, 2010.
286. Шашков С.С. История русской женщины. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1879.
287. Шепелев Л.Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб.: Искусство-СПБ., 1999.
288. Шильдер Н.К. Император Николай I, его жизнь и царствование: В 2 кн. М.: Чарли, 1996.
289. Шмидт С.О. Общественное самосознание российского благородного сословия, XVII – первая треть XIX века. М.: Наука, 2002.
290. Шокарев С.Ю. Тайны российской аристократии. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008.
291. Юнисов М. Маскарады. Живые картины. Шарады в действии.

Театрализованные развлечения и любительство в русской культуре второй половины XVIII – начала XX века. СПб.: Композитор-Санкт-Петербург, 2008.

292. Якеменко Б.Г. Быт и традиции Москвы XVIII–XIX веков: Часть II. М.: ЦГО, 2003.

293. Яковкина Н.И. Русское дворянство 1-й половины XIX в. СПб.: Лань, 2002.

294. Яцевич А.Г. Крепостной Петербург Пушкинского времени. Л.: Пушкинское общество, 1937.

295. The new cultural history / Ed. by L. Hunt. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1989.

## Именной указатель

Абаза Василий Аггеевич, офицер

Авенариус Василий Петрович, писатель

Аглая, персонаж «Соседа» В.А. Вонлярлярского

Аграфена Ивановна, сваха, персонаж повести «Rendez-vous» Л.В. Бранта

Адуев Александр, персонаж романа «Обыкновенная история» И.А.

Гончарова

Адуев Петр Иванович, персонаж романа «Обыкновенная история» И.А.

Гончарова

Аксаков Иван Сергеевич, публицист

Аксаков Константин Сергеевич, публицист, поэт, филолог, один из лидеров славянофилов

Аксаков Сергей Тимофеевич, писатель

Александр I, император

Александр II, император

Александра Иосифовна, принцесса Альтенбургская, жена великого князя Константина Николаевича

Александра Николаевна (Адини), великая княжна

Александра Федоровна, императрица, жена Николая I

Алексеева Авдотья, дворовая И.А. Павловского

Алексей Михайлович, царь

Алексей, персонаж повести «Барышня-крестьянка» А.С. Пушкина

Алферов Филипп, купец

Алябьева Екатерина Александровна (ур. Римская-Корсакова), дочь М.И. Римской-Корсаковой

Амалья Ивановна, гувернантка А.О. Смирновой-Россети

Аничков Сергей Иванович, надворный советник, граф

Анна Васильевна, княгиня, персонаж романа С.О. Бурачка «Герои нашего времени»

Анна Павловна, королева Нидерландов и великая герцогиня Люксембурга

Анна Петровна, персонаж «Женской жизни в нескольких часах» Барона Брамбеуса

Анна, персонаж «Идеальной красавицы, или Девы чудной» Барона Брамбеуса

Анненков Иван Александрович, декабрист

Анненкова Анна Ивановна (ур. Якоби), мать И.А. Анненкова  
Аннушка Кривая, дворовая Е.А. Архаровой  
Апраксин Владимир Степанович, граф  
Апраксин Степан Степанович, граф  
Апраксина Екатерина Александровна, графиня  
Апухтин Дмитрий Акимович, дворянин  
Апухтина Мария Павловна (ур. Фонвизина), жена Д.А. Апухтина  
Арапова Александра Петровна (ур. Ланская), дочь Н.Н. Пушкиной от  
брака с П.П. Ланским  
Арина Родионовна, няня А.С. Пушкина  
Армфельд Александр Густавович, граф  
Арнольд Юрий Карлович, мемуарист  
Арсеньев Александр Александрович, дворянин  
Арсеньев Илья Александрович, дворянин  
Арсеньева Елизавета Алексеевна (ур. Столыпина), бабушка М.Ю.  
Лермонтова  
Архарова Екатерина Александровна, барыня, бабушка В.А. Соллогуба  
Баранова Юлия Федоровна (ур. Адлерберг), гофмейстерина  
Баратынская Анастасия Львовна (ур. Энгельгардт), жена Е.А.  
Баратынского  
Баратынский Евгений Абрамович, поэт  
Бартенев Арсений Иванович, сенатор, курский губернатор  
Бартенева Екатерина Степановна (ур. Микулина), воспитанница  
Лабзиных  
Бартенева Прасковья (Полина) Арсеньевна, салонная певица  
Барятинская Екатерина Петровна, принцесса Зондербургского дома,  
жена кн. И.С. Барятинского, княгиня  
Барятинская Мария Федоровна (ур. Келлер), жена И.И. Барятинского,  
княгиня  
Барятинская Мария Франциска (ур. Деттон), дочь лорда Шерборна,  
жена И.И. Барятинского, княгиня  
Барятинская Олимпиада Владимировна (ур. Каблукова), жена А.И.  
Барятинского, княгиня  
Барятинские, князья  
Барятинский Александр Иванович, государственный и военный  
деятель, князь  
Барятинский Анатолий Иванович, генерал-лейтенант, князь  
Барятинский Виктор Иванович, князь  
Барятинский Владимир Иванович, князь

Барятинский Иван Иванович, князь  
Барятинский Федор Николаевич, князь  
Батищев Генрих Степанович, культуролог, философ  
Бегичев Дмитрий Никитич, писатель  
Безухов Пьер, персонаж романа «Война и мир» Л.Н. Толстого  
Безухова Наталья (ур. Ростова), жена Пьера Безухова, персонаж романа «Война и мир» Л.Н. Толстого  
Беклемишев Петр Никифорович, тайный советник  
Белинский Виссарион Григорьевич, литературный критик  
Беляев Петр Алексеевич, священник  
Бенкендорф Александр Христофорович, государственный деятель, граф  
Бенкендорф Елизавета Андреевна (Бибикова, ур. Донец-Захаржевская), жена А.Х. Бенкендорфа, графиня  
Бенкендорф Юлия Николаевна (ур. Воейкова), жена Д.А. Бенкендорфа  
Берг Вера (ур. Ростова), персонаж романа «Война и мир» Л.Н. Толстого  
Беркен Арно, французский писатель  
Берковский Наум Яковлевич, литературовед  
Бернарден де Сен-Пьер Жак Анри, французский писатель  
Бертольд, персонаж повести «Мария» В.Т. Нарезного  
Бестужев Александр Александрович (Марлинский), писатель, декабрист  
Бестужев Михаил Александрович, брат Бестужева-Марлинского, декабрист  
Бестужев Павел Александрович, брат Бестужева-Марлинского, литератор  
Бестужев-Рюмин Михаил Алексеевич, журналист  
Бибиков Александр Иванович  
Бибиков Иван Петрович, статский советник, отец Е.И. Менгден и Е.И. Раевской  
Бибиков Матвей Павлович, писатель  
Бибикова Анна Васильевна (ур. Чичерина), дворянка, бабушка М.П. Бибикова  
Бибикова  
Бибикова Екатерина Алексеевна (ур. Чебышева), бабушка Е.И. Менгден и Е.И. Раевской  
Бибикова София Гаврииловна, жена И.П. Бибикова  
Бибиковы, дворянский род  
Благово Дмитрий Дмитриевич (архимандрит Пимен), внук Е.П. Яньковой, писатель  
Благородин, персонаж комедии «Шпага»



Блудова Антонина Дмитриевна, писательница, графиня  
Боборыкина А.Е.

Боборыкина Полина, дочь А.Е. Боборыкиной

Бова Королевич, фольклорный персонаж

Болконский Андрей, князь, персонаж романа «Война и мир» Л.Н.  
Толстого

Борецкая Марфа (Марфа-Посадница), жена новгородского посадника  
Исаака Борецкого

Борис, дворянин, персонаж романа «Счастливая женщина» Е.П.  
Ростопчиной

Борис, князь, персонаж романа С.О. Бурачка «Герои нашего времени»

Боровков Александр Дмитриевич, литератор

Брамберг, графиня, персонаж рассказа «Силуэт» В.А. Вонлярлярского

Брант Леопольд Васильевич, беллетрист

Булгарин Фаддей Венедиктович, издатель

Булкин, граф, персонаж «Лакейской» Н.В. Гоголя

Бурачек Степан Онисимович (Бурачок), публицист

Бурдоне мадам, хозяйка парижского салона

Бурнашев Владимир Петрович, писатель

Бутурлин Михаил Дмитриевич, историк, мемуарист, граф

Бутурлина Анна, дочь М.Д. Бутурлина

Бутурлина Екатерина Ивановна (ур. Нарышкина), жена М.Д. Бутурлина

Ванька-Каин, вор

Ванюша, слуга Л.Н. Толстого в детстве

Ваня, мальчик, персонаж «Соседа» В.А. Вонлярлярского

Василий Тимофеевич, карлик Е.А. Архаровой

Василий, кучер Григорьевых

Вася, персонаж «Отрывков из журнала Маши» В.Ф. Одоевского

Вельтман Александр Фомич, писатель

Веневитинова Аполлинария Михайловна (ур. гр. Виельгорская), жена  
А.В. Веневитинова

Вера Артамоновна, няня А.И. Герцена

Вера Васильевна, тетя Е.В. Новосильцевой

Вера, персонаж рассказа А. Зражевской «Девушка-поэт»

Верне Орас, художник

Виельгорская Луиза Карловна (ур. Бирон), фрейлина, графиня

Виельгорский Иосиф Михайлович, камер-паж цесаревича Александра  
Николаевича, граф

Виельгорский Матвей Юрьевич, граф

Виельгорский Михаил Юрьевич, граф  
Виельгорский Юрий Михайлович, граф  
Виктор, персонаж «Героев нашего времени» С.О. Бурачка  
Виргиния Боцелла, маркиза, внебрачная дочь одного из князей

#### Эстергази

Вистенгоф Павел Федорович, литератор  
Витковский Андрей Генрихович, писатель  
Вицман Август, писатель  
Воеводская Мария Аркадьевна  
Воеводская Мария Федоровна, мать М.Д. Воеводского  
Воеводская Ольга Дмитриевна  
Воеводские, дворянский род  
Воеводский Дмитрий Аркадьевич, дворянин  
Воеводский Михаил Дмитриевич, писатель  
Воейков Николай Петрович  
Воейкова Александра Андреевна (ур. Протасова), крестница В.А.

#### Жуковского

Волкова Мария Аполлоновна, фрейлина  
Волконская Варвара Михайловна, камер-фрейлина, княжна  
Волконская Елена Сергеевна (Нелли, в замужестве Молчанова, Кочубей, Рахманова), дочь С.Г. Волконского, княгиня  
Волконская Зинаида Александровна (ур. Белосельская-Белозерская), хозяйка общественно-литературного салона, княгиня  
Волконская Мария Николаевна (ур. Раевская), княгиня  
Волконская Софья Григорьевна, статс-дама, княгиня  
Волконский Александр Андреевич, дядя А.И. Дельвига, князь  
Волконский Дмитрий Андреевич, дядя А.И. Дельвига, князь  
Волконский Сергей Григорьевич, князь, декабрист  
Волчков Даниил Григорьевич, тайный советник  
Вольский Семен Федорович, врач  
Вольтер (Франсуа Мари Аруэ), французский философ, писатель, поэт, драматург

Вольцоген Вильгельм фон, барон  
Вонлярлярский Василий Александрович, писатель  
Воскресенский Иаков, протоиерей  
Вульпиус Кристиан Август, немецкий писатель  
Вульф Алексей Николаевич, мемуарист  
Вульф Иван Иванович, дядя А.Н. Вульфа  
Выготский Лев Семенович, психолог

Вяземская Вера Федоровна (ур. Гагарина), жена П.А. Вяземского, княгиня

Вяземская Александра Александровна (ур. Римская-Корсакова), дочь М.И. Римской-Корсаковой

Вяземский Андрей Иванович, князь

Вяземский Николай Григорьевич, князь

Вяземский Павел Петрович, сенатор, князь

Вяземский Петр Андреевич, мемуарист, князь

Гааг Генриетта-Вильгельмина-Луиза, мать А.И. Герцена

Гаврила Никитич, слуга графа Д.Н. Блудова

Гагарин Павел Павлович, князь

Гагарина Мария Григорьевна, княгиня, жена Гагарина П.П.

Гаген, граф

Гайдн Франц Йозеф, австрийский композитор

Ган Елена Андреевна, писательница

Ганнибалы, дворянский род

Гейнц Марья Андреевна, гувернантка в семье Бибиковых

Гендриков Михаил, дворовой графа Ф.Г. Орлова

Георгий Петрович (Георг) Ольденбургский, принц

Герцен Александр Иванович, политический деятель

Глинка Авдотья Павловна (ур. Голенищева-Кутузова), писательница

Глинка Василий Алексеевич, архитектор

Глинка Екатерина Ивановна (ур. Мартос), жена В.А. Глинки

Глинка Мария Петровна (ур. Иванова), жена М.И. Глинки

Глинка Михаил Иванович, композитор

Глинка Сергей Николаевич, писатель

Глинка Федор Николаевич, поэт

Глинка-Земелька Евгения Андреевна, мать М.И. Глинки

Гнедич Николай Иванович, поэт

Гоголь Николай Васильевич, писатель

Голенищев-Кутузов Михаил Илларионович, генерал-фельдмаршал, светлейший князь

Голицын Александр Николаевич, князь

Голицын Дмитрий Владимирович, князь

Голицын Михаил Петрович, князь

Голицын Федор Николаевич, князь

Голицына Аглаида Павловна (ур. Строганова), Адель, жена кн. В.С. Голицына, княгиня

Голицына Марья Григорьевна, жена сначала кн. А.Н. Голицына, затем

графа Л.К. Разумовского

Голицына Наталья Степановна (ур. Апраксина), жена кн. С.С.

Голицына, княгиня

Голицыны, князья

Головина Варвара Николаевна (ур. Голицына), жена графа Ф.А.

Головина, графиня

Голохвастов Николай Павлович

Голохвастова Елизавета Алексеевна (ур. Яковлева), мать Н.П.

Голохвастова

Голохвастова Елизавета Петровна (ур. Казначеева), жена Н.П.

Голохвастова

Гольберг, персонаж повести «Идеал» авторства Е.А. Ган (Зенеиды Р-вой)

Гончаров Афанасий Николаевич, дед жены А.С. Пушкина Н.Н.

Гончаровой

Гончаров Иван Александрович, писатель

Гончаров Николай Афанасьевич, отец Н.Н. Гончаровой, жены А.С.

Пушкина

Гончарова Наталья Ивановна, мать Н.Н. Гончаровой, жены А.С.

Пушкина

Гончарова Наталья Николаевна, жена А.С. Пушкина, затем П.П.

Ланского

Гончаровы, семья

Горчаков Александр Михайлович, князь

Горчаков Константин Александрович, князь

Горчаков Михаил Александрович, князь

Горчакова Мария Александровна (ур. Мусина-Пушкина), жена А.М.

Горчакова

Готье Теофиль, французский писатель

Граммон де, маркиза, хозяйка парижского салона

Греч Николай Иванович, писатель, публицист, издатель

Грибоедов Александр Сергеевич, дипломат, драматург, поэт, композитор

Грибоедова Нина Александровна (ур. Чавчавадзе), жена А.С.

Грибоедова, княжна

Григорий Алексеевич, персонаж рассказа «Коробочка» Л.В. Бранта

Григорий, лакей, персонаж «Лакейской» Н.В. Гоголя

Григорович Василий Иванович, искусствовед, профессор и конференц-секретарь Петербургской академии художеств

Григорович Софья Ивановна (ур. Мартос), жена В.И. Григоровича  
Григорьев Аполлон Александрович, поэт, мемуарист  
Григорьев Петр Иванович, драматург  
Григорьевна, няня А.В. Паткуля  
Гризи Карлотта (Каронн Адель Джузеппина Мария), балерина  
Гугель Егор Осипович, педагог  
Гуревич Павел Семенович, философ, культуролог, социолог  
Гурьев Петр Семенович, педагог-математик  
Д'Ангулем, герцогиня  
Давид, царь народа Израиля  
Давыдов Василий Васильевич, сын декабриста В.Л. Давыдова  
Давыдов Василий Львович, декабрист  
Давыдов Владимир Петрович, дворянин  
Давыдов Иван Васильевич, сын декабриста В.Д. Давыдова  
Давыдов Лев Васильевич, сын декабриста В.Д. Давыдова  
Давыдов Николай Васильевич, сын декабриста В.Л. Давыдова  
Давыдов Петр Львович, тайный советник  
Давыдов Сергей Владимирович  
Давыдова Александра Васильевна  
Давыдова Александра Ивановна (ур. Потапова), жена В.Л. Давыдова  
Давыдова Екатерина Николаевна (ур. Самойлова), мать В.Л. Давыдова  
Давыдова Наталья Владимировна (ур. Орлова), жена П.Л. Давыдова  
Давыдова Ольга Ивановна (ур. Барятинская), жена В.П. Давыдова  
Дадианова Лидия Григорьевна, (ур. Розен), жена А.Л. Дадианова  
Даль Владимир Иванович, писатель, лексикограф  
Дандилли, гувернер П.А. Вяземского  
Дарья, крепостная Кусковых  
Дашков Андрей Яковлевич, дворянин  
Деларю Михаил Данилович, поэт  
Деларю Сергей Данилович, брат М.Д. Деларю  
Дельвиг Александра Андреевна (ур. Волконская), жена Р.Г. Дельвига,  
мать А.И. Дельвига  
Дельвиг Андрей Иванович, мемуарист, барон  
Дельвиг Антон Антонович, генерал-майор, барон, отец поэта А.А.  
Дельвига  
Дельвиг Антон Антонович, поэт, барон  
Дельвиг Любовь Матвеевна (ур. Красильникова), мать поэта А.А.  
Дельвига  
Дельвиг Николай Иванович, барон

Дельви́г Софья Михайловна (ур. Салтыкова), жена А.А. Дельвига

Дельви́г Эмилия Николаевна (ур. Левашова), жена А.И. Дельвига

Демидов Анатолий Николаевич, князь Сан-Дonato

Дисборо Анна, жена британского посланника в России Эдварда Кромвеля Дисборо

Дисборо Эдвард Кромвель, британский посланник в России

Дмитриев Иван Иванович, поэт

Дмитриев Михаил Александрович, мемуарист

Дмитриева Елизавета Павловна (ур. Нащокина), воспитанница Риччи

Дмитриева Наталья Михайловна (Быкова), первая жена М.А.

Дмитриева

Долгоруков Иван Михайлович, поэт, мемуарист, князь

Долгоруков Рафаил Иванович, князь

Долгоруков Юрий Алексеевич, князь

Долгоруков Юрий Владимирович, князь

Долгорукова Елизавета Петровна (ур. Давыдова), жена князя Ю.А.

Долгорукова

Достоевские, семья

Достоевский Андрей Михайлович, брат Ф.М. Достоевского

Достоевский Михаил Андреевич, отец Ф.М. Достоевского

Достоевский Федор Михайлович, писатель

Драшусова Елизавета Алексеевна (ур. Ашанина)

Друбецкой Борис, персонаж романа «Война и мир» Л.Н. Толстого

Дружинин Александр Васильевич, писатель

Друцкая-Соколинская Лидия Арсеньевна (ур. Закревская), графиня, бывшая гр. Нессельроде, дочь А.А. Закревского

Друцкий-Соколинский Дмитрий Владимирович, князь

Дубельт Леонтий Васильевич, глава тайной полиции

Дубецкий Василий Петрович, генерал-майор

Дубровин Николай Федорович, историк

Дудина Мария Степановна (ур. Макшеева), теща Ф.П. Толстого

Дункер Шарлотта, гувернантка в семье императора Николая I

Дурасов Андрей Зиновьевич, генерал-майор

Екатерина Павловна, великая княжна

Елагин Алексей Андреевич, писатель

Елагин Андрей Алексеевич, сын А.А. Елагина

Елагина Авдотья Петровна (ур. Юшкова), хозяйка общественно-литературного салона

Елагины, семья

Елизавета Алексеевна, императрица, жена Александра I  
Елизавета Григорьевна  
Елизавета Михайловна, великая княжна  
Елизавета, сирота, воспитанница фрейлины А.Е. Кашкиной  
Ефим, поваренок Е.А. Архаровой  
Жандр Николай Павлович, поэт  
Жанлис Стефани-Фелисите Дюкре де Сент-Обен, графиня де,  
писательница  
Жени, гувернантка Кротковых  
Жермена де Сталь, французская писательница  
Жуковская Елизавета Алексеева (ур. Рейтерн), жена В.А. Жуковского  
Жуковский Василий Андреевич, поэт  
Завадовская Елена Михайловна (ур. Влодек), жена гр. В.П.  
Завадовского, графиня  
Загорский Александр Петрович, врач  
Загоскин Михаил Николаевич, писатель  
Загоскин Сергей Михайлович, мемуарист  
Загряжская Анна Ивановна (ур. Иевлева), жена М.П. Загряжского  
Загряжский Михаил Петрович, мемуарист  
Закревская Аграфена Фёдоровна (ур. Толстая), жена гр. А.А.  
Закревского, графиня  
Закревский Арсений Андреевич, граф  
Замятнин А.Г., полковник  
Захар, слуга, персонаж романа «Обломов» И.А. Гончарова  
Зизи, княжна, персонаж рассказа «Зизи» В.Ф. Одоевского  
Зражевская Александра Васильевна, писательница  
Зуев Леонид Сергеевич, сын С.Х. Зуева  
Зуев Сергей Харитонович  
Зуева Мария Сергеевна, дочь С.Х. Зуева  
Иван Васильевич Грозный, первый царь всея Руси  
Иван Михайлович, персонаж «Соседа» В.А. Вонлярлярского  
Иван Петрович, персонаж комедии «Владимир третьей степени» Н.В.  
Гоголя  
Иванов Николай, крепостной Неклюдовой А.Н.  
Иванова Александра Сергеевна (ур. Толстая), графиня  
Измайлов Александр Ефимович, литератор  
Илья Васильевич, дворецкий, персонаж рассказа М.П. Бибикова «Два  
отрывка из семейных записок»  
Илья Муромец, святой, фольклорный персонаж



Инсарский Василий Антонович, мемуарист  
Каган Моисей Самойлович, философ, культуролог  
Казанский Димитрий Иванович, диакон  
Кало, камердинер сенатора Л.А. Яковлева  
Каменская Мария Федоровна (ур. Толстая), мемуаристка, дочь Ф.П.

Толстого

Кампе Иоахим Генрих, немецкий детский писатель и педагог  
Кантор Владимир Карлович, философ, литературовед, писатель  
Карамзин Андрей Николаевич  
Карамзин Василий Михайлович, брат Н.М. Карамзина  
Карамзин Николай Михайлович, историк, писатель  
Карамзина Аврора Карловна (ур. Демидова), жена А.Н. Карамзина  
Карамзина Екатерина Андреевна (ур. Колыванова), внебрачная дочь  
А.И. Вяземского, вторая жена Н.М. Карамзина

Карамзина Елизавета Ивановна (ур. Протасова), первая жена Н.М.  
Карамзина

Карамзина Софья Николаевна, хозяйка общественно-литературного  
салона, дочь Н.М. Карамзина

Карамзины, семья

Карл I, король Вюртембергский

Карл Ланкоронский, граф

Карлгоф Вильгельм Иванович, писатель

Карл-Фридрих, великий герцог Саксен-Веймар-Эйзенахский

Катенька, персонаж «Идеальной красавицы, или Девы чудной» Барона  
Брамбеуса

Катя, персонаж «Приключения, почерпнутые из моря житейского»  
Вельтмана А.Ф.

Кашкин Николай Евгеньевич, сенатор

Кашкина Александра Евгеньевна фрейлина, сестра жены П.Н.  
Оболенского

Керн Анна Петровна, мемуаристка

Киреевская Наталия Петровна (ур. Арбенева), жена И.В. Киреевского

Киреевский Иван Васильевич, философ

Киршев Николай Семенович

Киршева Ольга Николаевна (ур. Бедунова), жена Н.С. Киршева

Киселев Павел Дмитриевич, генерал, граф, брат Е.Д. Милютиной

Киселев Сергей Дмитриевич, граф, брат Е.Д. Милютиной Е.Д.

Киселева Прасковья Петровна (ур. Урусова), мать П.Д. Киселева,  
графиня

Клейнмихель Михаил Петрович, сын П.А. Клейнмихеля  
Клейнмихель Петр Андреевич, государственный деятель,  
главноуправляющий путей сообщения и публичных зданий  
Клодт Петр Карлович, скульптор, барон  
Клодт Ульяна Ивановна (ур. Спиридонова), жена П.К. Клодта  
Кляммер Варвара Федоровна, гувернантка в семье Глинок  
Кокошкина Варвара Александровна (Клейнмихель, Булдакова), первая  
жена П.А. Клейнмихеля  
Кологривова Анисья Федоровна, (ур. Вельяминова-Зернова)  
мемуаристка  
Коменский Ян Амос, чешский педагог-гуманист  
Кон Игорь Семенович, социолог, антрополог, сексолог  
Коновницын Иван Петрович, декабрист, граф  
Коновницын Николай Иванович, граф  
Коновницын Петр Иванович, граф  
Константин Николаевич, великий князь  
Корнель Пьер, французский драматург  
Коробочка Настасья Петровна, персонаж поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые  
души»  
Корсини Мария Антоновна, писательница  
Корф Модест Андреевич, мемуарист  
Корф Надежда Николаевна (ур. Воейкова), жена Н.Ф. Корфа, баронесса  
Костюхина Марина Сергеевна, культуролог  
Кочубей Аркадий Васильевич, сенатор, мемуарист  
Кочубей Петр Аркадьевич, тайный советник  
Кривцов Николай Иванович, приятель А.С. Пушкина  
Кротков Дмитрий Степанович, сосед по имению В.А. Сологуба  
Кроткова Мария Федоровна, жена Д.С. Кроткова  
Кудрявцев, дворецкий кн. Барятинских  
Куракина Наталья Ивановна (ур. Головина), княгиня  
Кусков Платон Александрович, поэт  
Кутепов Николай Иванович, генерал-майор  
Кюхельбекер Анна Степановна (ур. Токарева), жена М.К.  
Кюхельбекера  
Кюхельбекер Вильгельм Карлович, поэт, декабрист  
Кюхельбекер Михаил Вильгельмович, сын В.К. Кюхельбекера  
Кюхельбекер Михаил Карлович, декабрист  
Лабзина Анна Евдокимовна (ур. Яковлева), мемуаристка  
Лаваль Иван Степанович, граф

Ламздорф Матвей Иванович, воспитатель великих князей Николая Павловича и Михаила Павловича

Ланская Варвара Ивановна, графиня

Ларион, повар А.В. Мещерского

Левашев Николай Васильевич, тесть А.И. Дельвига

Левашева Екатерина Гавриловна (ур. Решетова), теща А.И. Дельвига

Левашевы, семья

Левашов Александр Иванович

Левашов Василий Яковлевич

Левашов Иван Александрович

Левашов Яков Александрович

Левашова Анастасия Ивановна

Левашова Екатерина Ивановна

Левашова Мария Захариевна (ур. Евлашева), жена А.И. Левашова

Левашова Татьяна Ивановна

Левин Константин Дмитриевич, персонаж романа «Анна Каренина» Л.Н. Толстого

Левина Кити (ур. Щербацкая), жена К.Д. Левина персонаж романа «Анна Каренина» Л.Н. Толстого

Левшин Николай Гаврилович, мемуарист

Леди Шерборн, мать М.Ф. Барятинской

Лермонтов Михаил Юрьевич, поэт, писатель

Лиза, героиня «Романа в письмах» А.С. Пушкина

Лиза, героиня рассказа «София» Николая М.

Лизавета Ивановна, персонаж повести «Пиковая дама» А.С. Пушкина

Лотман Юрий Михайлович, литературовед, культуролог

Лубяновский Федор Петрович, мемуарист

Львов Алексей Федорович, композитор

Львов Федор Алексеевич

Львова Прасковья Агеевна (ур. Абаза), жена А.Ф. Львова

Любомудров, персонаж «Брака по рассудку» А.Д. Боровкова

Людтке Альф, немецкий историк

Макаров Федор, крепостной князя Ф.Н. Барятинского

Манилов, персонаж поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»

Марасинова Елена Нигметовна, историк

Мария Николаевна, великая княжна

Мария Павловна, великая княжна, жена Карла-Фридриха, великого герцога Саксен-Веймар-Эйзенахского

Мария Федоровна, императрица, жена Павла I

Мария, персонаж «Брака по рассудку» А.Д. Боровкова  
Марков-Виноградский Александр Васильевич, подпоручик  
Маррезе Мишель Ламарш, историк  
Мартос Авдотья Афанасьевна (ур. Спиридонова), жена И.П. Мартоса  
Мартос Иван Петрович, скульптор  
Марья Богдановна, персонаж романа «Война и мир» Л.Н. Толстого  
Марья Карповна, мамушка И.М. Долгорукова  
Матрена Ефимовна, няня Ф.П. Толстого  
Матрешка, шутиха князей Орловских  
Маттей, де, учитель детей графа Ф.Г. Орлова  
Маша, персонаж «Отрывков из журнала Маши» В.Ф. Одоевского  
Медем Павел Иванович, граф  
Мельников Петр Петрович, дворянин  
Менгден Елизавета Ивановна (ур. Бибикова), мемуаристка  
Меншиков Александр Сергеевич, адмирал, князь  
Меншиков Сергей Александрович, генерал-поручик, князь  
Меншикова Анна Александровна (ур. Протасова), жена А.С.

#### Меншикова

Мердер Карл Карлович, воспитатель в семье императора Николая I  
Мерлини Шарль Жозеф Бартеломью, жених подруги А.А. Протасовой  
Мерцалов Иван Федорович, учитель детей графа Ф.Г. Орлова  
Мещерская Екатерина Николаевна (ур. Карамзина), жена П.И.

#### Мещерского

Мещерская Елизавета Сергеевна (ур. Строганова), графиня  
Мещерский Василий Иванович, князь  
Мещерский Владимир Петрович, князь, мемуарист  
Мещерский Александр Васильевич, князь, мемуарист  
Мещерский Петр Иванович, князь  
Милохоров Лука Никитич, священник  
Милюков Павел Николаевич, политик, лидер Конституционно-демократической партии, историк  
Милютин Алексей Михайлович, граф  
Милютин Дмитрий Алексеевич  
Милютина Елизавета Дмитриевна (ур. Киселева), жена А.М. Милютина  
Мими, княжна, персонаж повести «Княжна Мими» В.Ф. Одоевского  
Минхен, девочка, возлюбленная Вильгельма Кюхельбекера  
Михаил Павлович, великий князь  
Моллер Александр Федорович, генерал  
Моллер Екатерина Николаевна (ур. Муравьева), жена А.Ф. Моллера

Молчанов Дмитрий Васильевич, дворянин  
Мольер (Жан-Батист Поклен), французский драматург  
Музовский Николай Васильевич, протопресвитер, духовник  
императора Николая I  
Муравьев-Апостол Матвей Иванович, декабрист  
Муравьев-Апостол Сергей Иванович, декабрист  
Муравьевы, графский род  
Муромцевы, князья  
Мусин-Пушкин Алексей Иванович, историк  
Муханов Владимир Алексеевич, камер-юнкер  
Муханов Петр Александрович, литератор  
Муханова Аграфена Ивановна  
Мухановы, семья  
Мятлев Иван Петрович, поэт  
Надежда В., псевдоним автора «Богатой невесты»  
Надежда Васильевна, тетя Е.В. Новосильцевой  
Назимов Михаил Леонтьевич, мемуарист  
Назимова Мария Григорьевна (ур. кн. Вяземская), мемуаристка  
Наполеон I Бонапарт, император Франции  
Нарежный Василий Трофимович, писатель  
Нарышкин Александр Львович, обер-камергер  
Нарышкин Михаил Михайлович, декабрист  
Нарышкина Елизавета Петровна (ур. Коновницына), жена М.М.  
Нарышкина  
Нарышкины, семья  
Наталья Павловна, персонаж «Коробочки» Л.В. Бранта  
Нащокин Павел Александрович, действительный статский советник  
Небольсина Авдотья Сильвестровна (ур. Муромцева)  
Нейдгардт Александр Иванович, генерал  
Неклюдов Сергей Васильевич  
Неклюдова Анна Николаевна (ур. Дмитриева-Мамонова), дворянка  
Нелидова Варвара Аркадьевна, камер-фрейлина  
Неронов Василий Васильевич, действительный статский советник  
Несвицкие, княжеский род  
Нестеров Александр Матвеевич, дворянин  
Нестерова Варвара Александровна, дочь Нестерова А.М.  
Никитин Дмитрий Николаевич, карточный шулер  
Николай I, император  
Николай Николаевич (сын Николая I), великий князь

Николева Елена Петровна  
Николева Елизавета Петровна  
Николева Мария Сергеевна, мемуаристка  
Николева Наталья Петровна  
Новиков Николай Иванович, издатель  
Новосильцев Дмитрий Александрович, бригадир  
Новосильцева Екатерина Владимировна (псевдоним Татьяна Толычева), писательница  
Обломов Илья Ильич, дворянин, персонаж романа «Обломов» И.А. Гончарова  
Оболенский Петр Николаевич, князь  
Обольянинова Елизавета Михайловна (ур. кн. Горчакова), жена М.М. Оболянинова  
Одоевский Владимир Федорович, писатель, князь  
Одоевский Петр Иванович, князь  
Оже Ипполит, философ  
Ожогин, герои «Дневника лишнего человека» И.С. Тургенева  
Окулова Анна Алексеевна, воспитательница в семье императора Николая I  
Оленин Алексей Николаевич, государственный деятель  
Олимпиада Аверкиевна, персонаж «Соседа» В.А. Вонлярлярского  
Ольга Николаевна, великая княжна, королева Вюртембергская  
Ольга, воспитанница-сирота, персонаж рассказа «Силуэт» В.А. Вонлярлярского  
Ольга, персонаж книги «Ольга: быт русских дворян в начале нынешнего столетия» Д.Н. Бегичева  
Ольга, персонаж рассказа «Коробочка» Л.В. Бранта  
Онегин Евгений, персонаж романа «Евгений Онегин» А.С. Пушкина  
Орлов Алексей Григорьевич, граф  
Орлов Владимир Григорьевич, граф, тесть П.Л. Давыдова  
Орлов Михаил Федорович, генерал-майор  
Орлов Федор Григорьевич, граф  
Орлова Анна Алексеевна, графиня, дочь А.Г. Орлова  
Орлова Анна Ивановна (ур. Салтыкова), графиня  
Орловские, князья  
Остен-Сакен Александра Ильинична (ур. Толстая), жена К.И. Остен-Сакена, графиня  
Остен-Сакен Карл Иванович, граф  
Павел I, император

Павел, апостол  
Павлова А., автор нескольких рассказов  
Павловский И.А., коллежский ассессор  
Панкратьевы, графы  
Панская Мария Васильевна, княжна, персонаж романа «Герои нашего времени» С.О. Бурачка  
Панский Василий Иванович, князь, персонаж романа «Герои нашего времени» С.О. Бурачка  
Паоли, метрдотель князей Волконских  
Параша, горничная, персонаж «рассказа «Коробочка» Л.В. Бранта  
Парчевский Георгий Фомич, исследователь карточных игр  
Пассек Татьяна Петровна (ур. Кучина), мемуаристка  
Паткуль Мария Александровна (ур. маркиза де Траверсе), жена А.В. Паткуль  
Паткуль Александр Владимирович, генерал-адъютант  
Паулина, персонаж «Дурочки» Н.А. Полевого  
Пашков Иван Александрович, подполковник, дед Е.П. Ростопчиной  
Пашкова Евдокия Николаевна (ур. Яфимович), жена И.А. Пашкова  
Переслени Екатерина Васильевна (ур. Давыдова), дочь декабриста В.Л. Давыдова  
Петр I, император  
Петр III, император  
Печорин Григорий Александрович, персонаж романа «Княгиня Лиговская» М.Ю. Лермонтова  
Печорина Варвара Александровна, персонаж романа «Княгиня Лиговская» М.Ю. Лермонтова  
Пивоваров Афанасий Варфоломеевич, дядька Д.Н. Свербеева  
Плутарх, древнегреческий философ, биограф  
Победоносцев Константин Петрович, государственный деятель, обер-прокурор Святейшего Синода, правовед  
Победоносцев Сергей Петрович, писатель  
Погодин Дмитрий Михайлович, мемуарист  
Полевой Николай Алексеевич, писатель  
Пономарева Варвара Витальевна, историк  
Попов В.М., тайный советник  
Потемкин Сергей Павлович, граф  
Потемкина Прасковья Андреевна (ур. Закревская), мать С.П. Потемкина  
Потоцкий Александр Станислав, граф



Прасковья Ивановна, персонаж «Дурочки» Н.А. Полевого  
Прово, няня А.И. Герцена  
Пронская Дарья Петровна, персонаж романа «Семейство Холмских»  
Д.Н. Бегичева  
Пронский Николай Дмитриевич, персонаж романа «Семейство  
Холмских» Д.Н. Бегичева  
Протасова Александра Максимовна (ур. Лугинина)  
Пушкарева Наталья Львовна, историк, антрополог  
Пушкин Александр Сергеевич, поэт, писатель  
Пушкин Алексей Михайлович, сенатор  
Пушкин Василий Львович, поэт  
Пушкин Лев Сергеевич, брат А.С. Пушкина  
Пушкин Николай Сергеевич, брат А.С. Пушкина  
Пушкин Сергей Львович, отец А.С. Пушкина  
Пушкина Надежда Осиповна (ур. Ганнибал), мать А.С. Пушкина  
Пушкины, дворянский род  
Радзивилл Софья Александровна (ур. Урусова), княгиня  
Раевская Екатерина Ивановна (ур. Бибикова), мемуаристка  
Раевский Николай Николаевич, полководец  
Разин Стенька Тимофеевич, казак, предводитель восстания  
Разумовский Лев Кириллович, граф  
Рамбуе маркиза де, хозяйка парижского литературного салона первой  
половины XVII века  
Расин Жан Батист, французский драматург  
Рекамье, мадам, хозяйка парижского салона  
Римская-Корсакова Мария Ивановна (ур. Наумова)  
Рифейская Аграфена Федоровна, жена Ф.А. Рифейского, персонаж  
романа «Семейство Холмских» Д.Н. Бегичева  
Рифейская Настасья Ивановна, жена М.А. Рифейского, персонаж  
романа «Семейство Холмских» Д.Н. Бегичева  
Рифейский Матвей Алексеевич, персонаж романа «Семейство  
Холмских» Д.Н. Бегичева  
Рифейский Филипп Алексеевич, персонаж романа «Семейство  
Холмских» Д.Н. Бегичева  
Ричардсон Сэмюэл, английский писатель  
Риччи Екатерина Петровна (ур. Лунина), графиня, певица  
Риччи Миниато, певец, граф  
Робинзон Крузо, персонаж романа «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо  
Роде Пьер, французский композитор

Родзевич Мария Антоновна (ур. Дельвиг), сестра А.А. Дельвига, двоюродная сестра А.И. Дельвига

Розен Григорий Владимирович, барон

Розен Елизавета Дмитриевна (ур. гр. Зубова), жена барона Г.В. Розена

Розен Прасковья Григорьевна (иг. Митрофания) баронесса, церковная деятельница

Романович-Славатинский Александр Васильевич, юрист

Рославлев, дворянин, персонаж неоконченного романа А.С. Пушкина «Рославлев»

Ростов Николай Ильич, граф, персонаж романа «Война и мир» Л.Н. Толстого

Ростов Илья Андреевич, граф, персонаж романа «Война и мир» Л.Н. Толстого

Ростова Мария (ур. Болконская), жена Николая Ростова, персонаж романа «Война и мир» Л.Н. Толстого

Ростова Наталья, жена И.А. Ростова, графиня, персонаж романа «Война и мир» Л.Н. Толстого

Ростовы, семья, персонажи романа «Война и мир» Л.Н. Толстого

Ростопчин Андрей Федорович, граф, муж Е.П. Ростопчиной

Ростопчин Федор Васильевич, граф

Ростопчина Евдокия Петровна (ур. Сушкова), писательница, графиня

Ростопчина Екатерина Петровна (ур. Протасова), жена Ф.В. Ростопчина, графиня

Ростопчина Лидия Андреевна, графиня

Рубенс Питер Пауль, фламандский живописец

Руссло, наставник А.С. Пушкина

Руссо Жан Жак, французский философ, писатель

Рутланд Шарлотта Ивановна, гувернантка С.Д. Шереметева

Рылеев Кондратий Федорович, декабрист, поэт

Рылеев Федор Андреевич, отец К.Ф. Рылеева

Рылеева Наталья Михайловна (ур. Тевяшова), жена К.Ф. Рылеева

Рытова, генеральша, бабушка Е.А. Толстой

Сабанеева Екатерина Алексеевна, мемуаристка

Сайн-Витгенштейн Леонилла Ивановна (ур. Барятинская), фрейлина

Саломея Петровна, персонаж романа «Приключения, почерпнутые из моря житейского» А.Ф. Вельтмана

Салтыкова Елизавета Павловна (ур. Строганова)

Сальников Иван Савельевич, дурак князя В.А. Хованского

Самойлов Д., писатель

Самойлов Николай Александрович, граф  
Самойлова Екатерина Сергеевна (ур. кн. Трубецкая), графиня, жена  
А.Н. Самойлова  
Самойлова Юлия Павловна (Пален), жена гр. Н.А. Самойлова, графиня  
Свербеев Дмитрий Николаевич, мемуарист  
Свербеев Николай Яковлевич, отец Д.Н. Свербеева  
Свиньин Павел Петрович, издатель  
Свияжская Прасковья Васильевна, персонаж романа «Семейство  
Холмских» Д.Н. Бегичева  
Селиванов Василий Васильевич, писатель  
Сенковский Осип Иванович (Барон Брамбеус), писатель  
Сенявин Александр Иванович, камер-юнкер  
Сенявин Лев Иванович  
Смирнов Савва Сергеевич, коллежский советник  
Смирнова Александра Осиповна (ур. Россет), мемуаристка  
Смольянинова Евдокия Михайловна, компаньонка Е.П. Риччи  
Собакевич Михайло Семенович, персонаж поэмы Н.В. Гоголя  
«Мертвые души»  
Соболева Аграфена Петровна, няня графини А.С. Шереметевой  
Соколинский Василий, дворовой графа Ф.Г. Орлова  
Соллогуб Владимир Александрович, мемуарист, писатель, граф  
Соллогуб Софья Ивановна (ур. Архарова), мать В.А. Соллогуба  
Соллогуб Софья Михайловна (ур. Виельгорская), фрейлина, графиня,  
жена В.А. Соллогуба  
Соловьев Сергей Михайлович, историк  
Соня, персонаж романа «Война и мир» Л.Н. Толстого  
Строганов Александр Павлович, граф  
Строганов Александр Сергеевич, граф  
Строганова Наталия Павловна, графиня, жена С.Г. Строганова  
Суворов Александр Васильевич, полководец, светлейший князь  
Сумароков Павел Иванович, литератор, мемуарист  
Сушков Александр Васильевич  
Сушков Сергей Петрович, статский советник и писатель  
Сушкова Анастасия Павловна (ур. кн. Долгорукова), мать Е.А.  
Сушковой  
Сушкова Екатерина Александровна (в замуж. Хвостова), мемуаристка  
Танеев Иван Ильич, врач, магистр словесности, музыкант-любитель  
Татищев Василий Никитич, историк  
Татищева Юлия Александровна (ур. Конопка)

Татьяна Сергеевна, персонаж рассказа «Силуэт» В.А. Вонлярлярского  
Толстая Анна Алексеевна (ур. Перовская), жена К.П. Толстого  
Толстая Анна Петровна (ур. Протасова), жена В.В. Толстого  
Толстая Анна Федоровна (ур. Дудина), жена Ф.П. Толстого, графиня  
Толстая Елизавета Александровна, племянница Ф.П. Толстого, графиня  
Толстая Елизавета Петровна (ур. кн. Волконская), жена гр. М.В.  
Толстого, графиня  
Толстая Лидия Николаевна (ур. Левашева), жена Н.С. Толстого  
Толстая Надежда Петровна, сестра Ф.П. Толстого, графиня  
Толстая София Сергеевна (ур. Строганова), фрейлина, графиня  
Толстая Степанида Алексеевна (ур. Дурасова), жена Ф.А. Толстого,  
графиня  
Толстой Варфоломей Васильевич, граф  
Толстой Дмитрий Андреевич, граф  
Толстой Константин Петрович, брат Ф.П. Толстого, граф  
Толстой Лев Николаевич, писатель, граф  
Толстой Михаил Владимирович, мемуарист, граф  
Толстой Федор Андреевич, граф  
Толстой Федор Петрович, художник, граф  
Толстые, семья  
Томсон, гувернантка семьи Гончаровых  
Трубецкая Екатерина Ивановна (ур. графиня Лаваль), жена С.П.  
Трубецкого, княгиня  
Трубецкая Елизавета Сергеевна, дочь С.П. Трубецкого  
Трубецкой Евгений Николаевич, философ, князь  
Трубецкой Никита Сергеевич, сын С.П. Трубецкого  
Трубецкой Сергей Петрович, декабрист, князь  
Тургенев Иван Сергеевич, писатель  
Тучков Алексей Алексеевич, декабрист  
Тучкова-Огарева Наталия Алексеевна, жена Н.П. Огарева, А.И. Герцена  
Тынянов Юрий Николаевич, писатель, литературовед  
Тютчев Иван Николаевич, отец Ф.И. Тютчева  
Тютчев Федор Иванович, поэт, дипломат  
Тютчева Дарья Ивановна, сестра Ф.И. Тютчева  
Уваров Сергей Семенович, государственный деятель, граф  
Урусов Александр Михайлович, князь  
Ухманские, персонажи романа «Счастливая женщина» Е.П.  
Ростопчиной  
Ухтомская Мария Дмитриевна (ур. Голицына), жена князя А.И.

Ухтомского

Ухтомский Александр Иванович, князь

Ушинский Константин Дмитриевич, педагог

Федор Петрович, персонаж «Приключения, почерпнутые из моря житейского» Вельтмана А.Ф.

Федор Фан Дим (Кологривова Елизавета Васильевна), писательница

Флеров Василий Павлович

Флеров Сергей Васильевич

Флерова Наталья Андреевна, жена В.П. Флерова

Фонвизин Михаил Александрович, декабрист

Фонвизина Наталья Дмитриевна (ур. Апухтина), жена М.А. Фонвизина

Фон-Рехенберг Анна Акакиевна (ур. Демидова), бабушка В.В.

Селиванова

Франк Семен Людвигович, философ

Фрындина Евпраксия Ионовна, персонаж романа «Семейство Холмских» Д.Н. Бегичева

Фуфаева Мария Николаевна, купчиха

Хвостов Дмитрий Иванович, граф, поэт

Хвостова Татьяна Ивановна, графиня

Хитрово Елизавета Михайловна (ур. Голенищева-Кутузова), хозяйка литературного салона

Хованская Мария Алексеевна (ур. Яковлева), княгиня

Хованский Василий Алексеевич, князь

Холмская Софья Васильевна, персонаж романа «Семейство Холмских»

Д.Н. Бегичева

Хомутов Григорий Аполлонович, сенатор

Хомяков Алексей Степанович, философ, поэт, публицист

Хомяков Федор Степанович, брат А.С. Хомякова

Хомякова Мария Алексеевна (ур. Киреевская), мать А.С. Хомякова

Хомяковы, семья

Хондзынская

Хорват Клеопатра Петровна (ур. Ильинская), вторая жена П.А.

Клейнмихеля

Хорошилова Любовь Борисовна, историк

Хрисанфий Петрович, персонаж комедии «Владимир третьей степени»

Н.В. Гоголя

Чаадаев Михаил Яковлевич, помещик, брат П.Я. Чаадаева

Чаадаев Петр Яковлевич, философ

Чадский, персонаж романа «Семейство Холмских» Д.Н. Бегичева

Чернышев Василий Ильич, лингвист  
Чехов Антон Павлович, писатель, драматург  
Чечулин Николай Дмитриевич, историк  
Чичерин Борис Николаевич, правовед, философ, публицист  
Чулкатурин, герой «Дневника лишнего человека» И.С. Тургенева  
Чупятова Ульяна, приемная дочь М.М. Нарышкина  
Шаховская Наталья Дмитриевна (ур. Щербатова), жена Ф.П.

#### Шаховского

Шаховской Александр Александрович, князь  
Шаховской Федор Петрович, князь  
Шашков Серафим Серафимович, публицист  
Шевцов Вячеслав Вениаминович  
Шемяка, судья, фольклорный персонаж  
Шереметев Дмитрий Николаевич, камергер, гофмейстер, граф  
Шереметев Николай Дмитриевич, сын Д.Н. Шереметева, граф  
Шереметев Сергей Дмитриевич, граф, историк  
Шереметева Анна Сергеевна (ур. Шереметева), фрейлина, графиня,  
жена Д.Н. Шереметева  
Шереметевы, графы  
Шибалин Василий, дворовой графа Ф.Г. Орлова  
Шлегель Фридрих, немецкий философ  
Шокарев Сергей Юрьевич, историк  
Щербатов Дмитрий Михайлович, князь  
Щербатов Иван Дмитриевич, князь  
Щербатова Варвара Петровна (ур. Оболенская), жена А.Ф. Щербатова,  
княгиня

Щербатова София Степановна (ур. Апраксина), жена А.Г. Щербатова,  
княгиня

Эйсберг, графиня, персонаж романа «Счастливая женщина» Е.П.  
Ростопчиной

Экштут Семен Аркадьевич, историк, культуролог  
Энгельгард Ольга Владимировна, писательница  
Эстергази, венгерский княжеский род  
Юшкова Пелагея Ильинична (ур. гр. Толстая), тетка Л.Н. Толстого  
Яков, кучер Погодиных  
Яковлев Георгий Иванович  
Яковлев Григорий, учитель детей графа Ф.Г. Орлова  
Яковлев Иван Алексеевич, отец А.И. Герцена  
Яковлев Лев Алексеевич, дядя А.И. Герцена, действительный статский

СОВЕТНИК

Янькова Елизавета Петровна (ур. Римская-Корсакова), мемуаристка



# Примечания

# 1

Батищев Г.С. Особенности культуры глубинного общения // Диалектика общения: Гносеологические и мировоззренческие проблемы. М., 1987. С. 13–51.

**2**

Там же.

### 3

Каган М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М., 1988. С. 202.

**4**

Там же. С. 256.

# 5

Толстой Л.Н. Война и мир: В 2 т. М., 1983. Т. 2. С. 270.

**6**

Там же. С. 570–594.



## 7

Людтке А. История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти / Пер. с англ. и нем. К.А. Левинсона и др.; под общ. ред. и с предисл. С.В. Журавлева. М.: РОССПЭН; Герм. ист-й ин-т в Москве, 2010. С. 19.

## 8

В Своде законов значится, что «российскому дворянству дарована навсегда и в потомственные роды свобода вступать в общую государственную службу без принуждения к оной, разве бы востребовала того особливая надобность, Именным Высочайшим указом ознаменованная». Свод законов... Т. 9. Ст. 184.

## 9

Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Законы Гражданские и межевые. Т. 9. Ст. 14.

**10**

Свод законов... Т. 9. Ст. 16.

## 11

Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904. М., 1979. С. 26. Раскин Д.И. Исторические реалии биографий русских писателей XIX – нач. XX в. // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. Т. 2 Г – К. М.: Науч. изд-во «Большая российская энциклопедия»; Фианит, 1992. С. 594.

Марасинова Е.Н. Вольность российского дворянства (Манифест Петра III и сословное законодательство Екатерины II) // Отечественная история. 2007. № 4. С. 21.

Шокарев С.Ю. Тайны российской аристократии. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 6.



Кантор В.К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. М.: РОССПЭН, 2008. С. 253.

Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 75.

## 16

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПб., 1999. С. 62–63.

Как отмечает Ю.М. Лотман, из-за распространения книги «Плутарх для детей» «самым обаятельным в глазах детей и подростков становится образ римского республиканца».

Долгих Е.В. К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М.А. Корф, Д.Н. Блудов. М.: Индрик, 2006. С. 216.

Жизнь в свете, дома и при дворе. СПб., 1890. С. 87.

Дельвиг А.И. Мои воспоминания: В 4 т. М.: Изд-е Московского Публичного и Румянцевского музеев, 1912. Т. 1. С. 24.



Мещерский В.П. Мои воспоминания. М.: Захаров, 2003. С. 7.

Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Законы Гражданские и межевые. Т. 10. Ч. 1–2. СПб.: В типогр. Второго Отд. Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1842.

## 23

См.: Светский человек, или Руководство к познанию правил общежития  
/ Сост. Д.Н. Соколовым. СПб., 1847. С. 17–22.

Данная установка характерна вплоть до конца XIX века. См.: Жизнь в свете, дома и при дворе. СПб., 1890. С. 102.

Марченко Н. Приметы милой старины. Нравы и быт пушкинской эпохи. М.: Изографус; Эксмо, 2002. С. 92.

Сабанеева Е.А. Воспоминания о былом: Из семейной хроники 1770–1838 / Предисл. Д.А. Корсакова, ред. и примеч. Б.Л. Модзалевского. СПб., 1914. С. 59.

Одоевский В.Ф. Пестрые сказки. Сказки дедушки Иридея / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Грекова. М.: Художественная литература, 1993. С. 190–223.

Николай I. Муж. Отец. Император / Сост., предис. Н.И. Азаровой; коммент. Н.И. Азаровой, Л.В. Гладковой; пер. с фр. Л.В. Гладковой. М.: СЛОВО/SLOVO, 2000. С. 330.



Кошелев В. Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, рассуждениях и разысканиях. М., 2000. С. 163.



Вистенгоф П.Ф. Очерки московской жизни. Из моих воспоминаний.  
Андрей Карамзин. М.: ИД ТОНЧУ, 2007. С. 28.

Алешина Ю.Е., Гозман Л.Я., Дубовская Е.М. Социально-психологические методы исследования супружеских отношений: Спецпрактикум по социальной психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 35; Варга А.Я., Драбкина Т.С. Системная семейная психотерапия. Краткий лекционный курс. СПб.: Речь, 2001; Миллер А. Драма одаренного ребенка и поиск собственного Я. М.: Академический проект, 2001; Крюкова Т.Л., Сапоровская М.В., Куфтяк Е.В. Психология семьи: жизненные трудности и совладение с ними. СПб., Речь, 2005; Левенталь Е. Мы и характеры детей: как родителям не испортить жизнь детям. М.: Новый хронограф, 2009. С. 250.

Домострой / Сост., вступ. ст., пер. и коммент. В.В. Колесова; подгот. текстов М.В. Пименовой. М.: Сов. Россия, 1990.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. X. Т. 20. М.: Соцэкгиз, 1963. С. 545.

Шашков С.С. История русской женщины. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1879. С. 242 (Типогр. А.С. Суворина).

Татищев В. Собр. соч.: В 8 т. М.: Ладомир, 1996. Кн. 5. Т. 8. С. 140.



Полезная детская забава, содержащая приятные поучения, забавные повести, басни и пословицы на четырех языках на российском, французском, немецком и английском. СПб., 1799. С. 22–24.

Ключевский В.О. Западное влияние в России XVII в. Историко-психологический очерк / Вопросы философии и психологии. М., 1897. Год VIII, кн. 1 (36). С. 137–155; год VIII, кн. 3 (38). С. 535–558; год VIII, кн. 4 (39). С. 760–800.



Бегичев Д.Н. Ольга: быт русских дворян в начале нынешнего столетия.  
СПб., 1840.

Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 ч. СПб.: Изд. ред-ции жур. «Мир Божій», 1903. Ч. 3. Вып. 2. С. 205.

Юности честное зеркало, или Показание к житейскому обхождению  
Собранное от разных авторов. Факсим. изд. М., 1976.

Чечулин Н.Д. Русская провинция во второй половине XVIII века. СПб.: Рос. нац. б-ка, 2010. С. 32–40.

Портрет милой женщины // Вестник Европы. 1802. Ч. 1. № 1. С. 55–59.





О воспитании девиц и об ученых женщинах // Патриот. 1804. № 9. С. 291–304.

В романе «Война и мир» Вере Николаем Ростовым было дано считавшееся обидным прозвище «мадам Жанлис», намекавшее на скуку и черствость. А Кутузов незадолго до Бородинской битвы читает роман Жанлис «Les chevaliers du Cygne» («Рыцари Лебедя»).

О хорошем обществе (Из книги: Essai sur l'esprit de conversation) // Дамский журнал, издаваемый князем Шаликовым. 1823. Ч. 1. № 1. С. 20–23.

Вистенгоф П.Ф. Очерки московской жизни. С. 26.

Шпага: комедия в одном действии // Патриот. 1809. Ч. 2. С. 114–115.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 8.  
С. 61.

Наука общежития нынешних времен в пользу благородного юношества.  
СПб., 1793. С. 5, 6, 15, 16.



Булгарин Ф.В. Воспоминания Фадея Булгарина // Библиотека для чтения. 1849. Т. 93. Ч. 2. С. 143–144.

Авенариус В.П. Юношеские годы Пушкина // Родник. 1887. С. 20.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 4. С. 11–12.

Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина. СПб.: Журнал «Нева», 2001. С. 32.

Грибоедов А.С. Полн. собр. соч.: В 2 т. СПб.: Изд-е И.П. Варгунина, 1889. Т. 1. С. 153–154.

Кичеев П.Г. Из недавней старины. Рассказы и воспоминания. М., 1870.  
С. 178.

Глинка С.Н. Записки. М.: Захаров, 2004. С. 229.

Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. Томск: Изд-е военн. академии, 1919. Т. 1. С. 83.



Пушкин В.Л. «Отечеству служить...» // Сатира русских поэтов первой половины XIX в.: Антология / Подгот. текста, сост., вступ. ст. и примеч. В. Афанасьева. М.: Сов. Россия, 1984. С. 77.

Загошкин С.М. Воспоминания // Исторический вестник. 1900. Т. 79.  
№ 1. С. 51–53.

## 63

Например, маленький кн. А.И. Барятинский пишет к матери: «Мы надеемся, что Господь будет хранить тебя до момента нашей встречи». Пер. с фр. М. Власовой. См.: НИОР РГБ. Ф. 19. Барятинские. Р. 2. П. 34. Д. 1а. Л. 7.

НИОР РГБ. Ф. 64. Вяземы. П. 20. Д. 1. «Книга данная из Московской конторы казначею Петру Кашинцову на записку покупаемых для стола (княжеского) провизии и получаемых на оную денег», 1827.

Кудинов Г.А. Забытая дворянская усадьба. Русская старина: Мемуарная проза. М.: Радуга, 2004. С. 182.

**66**

Там же. С. 288.

НИОР РГБ. Ф. 19. Барягинские. Р. 2. П. 34. Д. 2. Л. 65. (Пер. с фр. М. Власовой.)

Как генеральша Рытова, у которой было свое место в храме. См.: Каменская М.Ф. Воспоминания М.Ф. Каменской // Исторический вестник. 1894. Т. 55. С. 55–56.



Инсарский В.А. Записки Василия Антоновича Инсарского. СПб.: Изд-е редакции «Русская старина», 1894. Ч. 1–2. С. 248.

Цит. по: Лямина Е.Э., Самовер Н.В. «Бедный Жозеф». Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. Опыт биографии человека 1830-х годов. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 293.



Бурачок С.О. Герои нашего времени // Маяк. СПб. 1845. Т. 19. С. 1–104,  
105–205.

Трубецкой, кн. Е.Н. Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древне-русской религиозной живописи. М., 1916. С. 12.

Хомяков А.С. Полн. собр. соч. Прага, 1867. Т. 2. С. 217.

Евдокимова Е.А. Семья как этико-философская реальность: На материале русской литературы XIX века: монография... канд. философских наук: 09.00.05. СПб., 2002. С. 162.

Рассказы Бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово / Под ред. А.Л. Гришунина. Л.: Наука, 1989. С. 114–115.



Цит. по Дубровин Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX века / Изд. подгот. П.В. Ильиным. СПб.: Изд-во ДНК, 2007. С. 111.

Павлова А. Бедняжка. Быль // Библиотека для чтения. 1849. Т. 97. С. 174.

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 8. С. 178.

**80**

Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 109.

Развенчание данных слухов, их анализ: Агеева О.Г. Петербургские слухи // Феномен Петербурга: Труды междунар. конф-ции, сост. 3–5 ноября 1999 г. во Всероссийском музее А.С. Пушкина. СПб.: Русско-Балт. информ. центр БЛИЦ, 2000. С. 299–313.

Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913). Стат. очерки /  
Под ред. акад. С.Г. Струмилина. М.: Госстатиздат, 1956. С. 90.

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. С. 330.

Бегичев Д.Н. Семейство Холмских. Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян. М., 1832. Ч. II. С. 143–151.



Сушкова Е.А. Записки. М.: Захаров, 2004. С. 182.

Грибоедовская Москва в письмах М.А. Волковой к В.И. Ланской. 1812–1818 гг. // Вестник Европы. 1874. Т. 9. С. 119–120, 144, 168.

Вонлярлярский В.А. Силуэт // Вонлярлярский В.А. Все сочинения: В 7 т. СПб., 1853. Т. 1. С. 235–236.



**89**

Вонлярский В.А. Силуэт. С. 155.

Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1978. Т. 4. С. 203.

Брант Л.В. Воспоминания и очерки жизни. СПб., 1839. С. 239.

Новосильцева Е.В. Семейные записки Т. Толычевой. М., 1865. С. 144–150.



Бибиков М.П. Бабушка // Москвитянин. 1855. № 4. С. 25–45.

Корсини М.А. Очерки современной жизни: В 7 т. СПб., 1853. Т. 5. С. 75.

Барон Брамбеус. Женская жизнь в нескольких часах // Библиотека для чтения. 1834. Т. 1. № 1. С. 43.

Глинка А.П. Графиня Полина. СПб., 1856. С. 32.

Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М.: Канон+, 2004.  
С. 408.

**98**

О хорошем обществе... С. 184.

Цит. по: Лаврентьева Е.В. Светский этикет пушкинской поры. М.: Олма-пресс, 1999. С. 96.

Так было заведено и в доме родителей Ф.М. Достоевского. См.: Сараскина Л.И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 58.



Вельтман А.Ф. Приключения, почерпнутые из моря житейского. М., 1848. С. 112.

Дельвиг А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 24, 36–37.

Назимова М.Г. Бабушка графиня М.Г. Разумовская // Исторический Вестник. 1899. Т. 75. № 3. С. 848.

Фуражева Н.С. Культура общения в русской дворянской усадьбе в конце XVIII – первой половине XIX века: дисс.... канд. культурологии: 24.00.01. М., 2009. С. 82.

**105**

Лермонтов М.Ю. Собр. соч. Т. 6. С. 435.

Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания / Сост., вступ. ст., коммент. И.С. Чистовой. Л.: Художественная литература, 1988. С. 395.

Фан Дим Ф. Александрина, небольшой роман, взятый из записок Юрия  
З\*: В 2 ч. СПб., 1855. Ч. 1. С. 59.

Мещерский А.В. Из моей старины // Русский архив. М., 1900. Кн. 2.  
№ 5. С. 242.



Грибоедовская Москва в письмах М.А. Волковой к В.И. Ланской. 1812–1818 гг. // Вестник Европы. 1874. Т. 9. С. 150.

**110**

Ерофеич – водка, настоянная на различных травах.

Назимов М.Л. В провинции и в Москве с 1812 по 1828 год // Русский вестник. 1876. Т. 124. № 7. С. 78.

**112**

Вонлярский В.А. Все сочинения. Т. 1. С. 117.

Белинский В.Г. Собр. соч.: В 6 т. / Под ред. Б.К. Фуксе. Киев: Изд-во Б.К. Фукса, 1911. Т. 6. С. 312.

**114**

Там же. С. 315.



Васильев И.В. Фемида, или Начертание прав, преимуществ и обязанностей женского пола в России на основании существующих законов. М.: Унив. тип., 1827. С. 16–18.



Брант Л.В. Rendez-vous // Библиотека для чтения. 1850. Т. 99. Ч. 2. С. 296.

Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни / Подг. текста и примеч. К.Г. Боленко, Е.Э. Ляминой и Т.Ф. Нешумовой. Вступ. ст. К.Г. Боленко и Е.Э. Ляминой. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 170.

Комаровский Е.Ф. Записки графа Е.Ф. Комаровского. М.: Тов-во рус. художников, 1990. С. 73.

Бурнашев В.П. Наши чудодеи. Летопись чудачеств и эксцентричностей всякого рода. СПб., 1875. С. 21–22.

Мещерский А.В. Из моей старины // Русский архив. 1901. Т. 1. № 3. С. 475.

**122**

Бегичев Д.Н. Семейство Холмских. Ч. IV. С. 249.

Бегичев Д.Н. Быт русского дворянина // Москвитянин. 1855. № 15, 16.  
С. 53.

Филин М.Д. Люди императорской России. М.: НПК «Интелвак», 2000.  
С. 70–79.



Что сохранялось и впредь: Жизнь в свете, дома и при дворе. СПб., 1890.  
С. 97.

**126**

Бурачок С.О. Указ. соч. С. 81.

**127**

Сушкова Е.А. Указ. соч. С. 138.



**129**

НИОР РГБ. Ф. 64. Вяземы. П. 6. Д. 5.

**130**

НИОР РГБ. Ф. 219. Орловы-Давыдовы. К. 3. Д. 37. Л. 1.

Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2010. С. 293.

Бегичев Д.Н. Семейство Холмских. В третьей части автор приводит метод Франклина, который помогает героям стать совершеннее: каждый вечер давать самому себе отчет в своих пороках и прегрешениях, сделанных за день, занося их в специальную таблицу, тем самым удерживая себя от подобных ошибок в будущем. Также он приводит правила Франклина: трезвость, скромность, порядок, решительность, бережливость, прилежание, искренность, справедливость, чистота, спокойствие.



Вельтман Е.И. Лидия. Рассказ из жизни музыкального учителя // Москвитянин. № 4. 1848. С. 21–22.

Бестужев-Рюмин М.А. Мавра Власьевна Томская и Фрол Савич  
Калугин. СПб., 1828. С. 48, 82–85.

Барон Брамбеус. Идеальная красавица, или Дева чудная // Библиотека для чтения. 1841. Т. 49. Ч. 1. С. 153, 193.

Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 6 т. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1957. Т. 6. С. 124–127.

Грибоедов А.С. Полн. собр. соч.: В 2 т. Т. 2. СПб.: Изд-е И.П. Варгунина, 1889. С. 2–3.

**138**

Вельтман А.Ф. Приключения, почерпнутые из моря житейского. С. 30.

Мещерский А.В. Из моей старины // Русский архив. 1901. Т. 1. № 3. С. 498.

Вонлярский В.А. Все сочинения: В 7 т. СПб., 1853. Т. 5. С. 211–364.



**141**

Там же. С. 271–279.

Раевская Е.И. Воспоминания Екатерины Ивановны Раевской // Исторический вестник. 1898. Т. 74. № 11. С. 555.

**143**

История благородной женщины. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 401.



**145**

Там же. Т. 57. С. 327–328.

И у жениха тоже; см.: Вяземский П.А. Старая записная книжка. 1813–1877. М.: Захаров, 2003. С. 416.

**147**

Вонлярский В.А. Указ. соч. Т. 5. С. 211.

Согласно ст. 6 «запрещается вступать в брак без дозволения родителей, опекунов или попечителей». Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Законы Гражданские и межевые. Т. 10. Ч. 1–2. СПб., 1842.



Гершензон М.О. Грибоедовская Москва // Избр. соч.: В 2 ч. Ч. 1. М.: РОССПЭН, 2010. С. 96–102.

**150**

Каменская М.Ф. Указ. соч. С. 330–335.

**151**

Вонлярский В.А. Все сочинения. Т. 5. С. 244.

НИОР РГБ. Ф. 99. Елагины. Оп. 1. К. 22. Д. 54. Л. 3. (Пер. с фр. М. Власовой.)

Булгарин Ф.В. Очерки русских нравов или лицевая сторона и изнанка рода человеческого. СПб., 1845. С. 10 (Типогр. Эдуарда Праца).

**154**

Дельвиг А.И. Указ. соч.

Драшусова Е.А. Жизнь прожить – не поле перейти // Русский вестник.  
М., 1881. Т. 155. С. 135.

Толстой М.В. Хранилище моей памяти. М.: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. С. 161.



Александра Зражевская. Девушка-поэт. Отрывок из романа // Москвитянин. 1844. Ч. I. № 2. С. 402.

**158**

Дельвиг А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 245.

**159**

Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 68.

**160**

Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 211.

**161**

Вельтман А.Ф. Приключения, почерпнутые из моря житейского. С. 66.

**162**

Барон Брамбеус. Женская жизнь в нескольких часах. С. 77.

**163**

Вельтман А.Ф. Приключения, почерпнутые из моря житейского. С. 68.

**164**

Вонлярский В.А. Все сочинения. Т. 4. С. 292.



Боровков А.Д. Брак по рассудку // Соревнователь просвещения и благотворения. СПб. 1818. № 2. С. 394.

Надежда В. Богатая невеста // Современник. 1853. Т. 39. № 6. С. 1–16.

Загряжский М.П. Записки. М.: Феникс; СПб.: Atheneum, 1993. С. 147–148.

**168**

Дельвиг А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 244.

**169**

ГАРФ. Ф. 876. Воеводские. Оп. 1. Д. 32. Л. 4.

**170**

ГАРФ. Ф. 828. Горчаков А.М. Оп. 1. Д. 1086. Л. 27об.

Головин И.Г. Светская философия или Книга жизни //  
Благонамеренный. 1859. № 5. С. 17.

**172**

Вельтман А.Ф. Приключения, почерпнутые из моря житейского. С. 41.



**173**

Самойлов Д. Наши, или Каких чудес не бывает в провинции. СПб., 1845.

Полевой Н.А. Дурочка // Сто русских литераторов. СПб., 1839. Т. 1. С. 468–469.

Как, например, Е.А. Сушкова (см.: Сушкова Е.А. Указ. соч. С. 106).

**176**

Милютин Д.А. Указ. соч. С. 11–12.



**178**

Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 103.

**179**

Сушкова Е.А. Указ. соч. С. 36.





Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Законы Гражданские и межевые. Т. 10. Ч. 1–2. СПб., 1842. Ст. 8.

**182**

Бурачѣк С.О. Указ. соч. С. 204.

**183**

Дельвиг А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 40.

**184**

Дмитриев М.А. Указ. соч. С. 171.

**185**

Брант Л.В. Воспоминания и очерки жизни. С. 291.

**186**

Бегичев Д.Н. Семейство Холмских. Ч. IV. С. 307.

**187**

Как это описано в «Семействе Холмских» Д.Н. Бегичева.

Келлер Е.А. Праздничная культура Санкт-Петербурга: Очерки истории.  
СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2001. С. 245.



**189**

Светский человек, или Руководство к познанию правил общежития. С.  
162.

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. С. 105–125.

«Был Николев, был Шатров, Измайлов, Кокошкин, Иванов, князь Шаликов, Жуковский и Мерзляков» (Глинка С.Н. Указ. соч. С. 284).

**192**

Каменская М.Ф. Указ. соч. Т. 57. С. 329.

**193**

Там же. Т. 58. С. 632.

Аксаков С.Т. Очерки и незавершенные произведения. Избранное / Сост. и примеч. А.Л. Оспатова. М.: Московский рабочий, 1987. С. 515.

Львов А.Ф. Записки А.Ф. Львова // Русский архив. 1884. Кн. 2–3. С. 63.

Свербеев Д.Н. Записки Дмитрия Николаевича Свербеева (1799–1826): В 2 т. М., 1899. Т. 1. С. 126–127.



**197**

Светский человек... С. 162.

**198**

Каменская М.Ф. Указ. соч. Т. 58. С. 637.



**200**

Милютин Д.А. Указ. соч. С. 268.

**201**

Дельвиг А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 251.

**202**

Рассказы бабушки. С. 217.

Грибоедовская Москва в письмах М.А. Волковой к В.И. Ланской. 1812–1818 гг. // Вестник Европы. 1874. Т. 9. С. 164.

**204**

Корф М.А. Записки. М.: Захаров, 2003. С. 385.



Чижова И.Б. Чистейшей прелести чистейший образец. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2004. С. 19.

**206**

Николай I. Муж. Отец. Император. С. 328–329.

Чижова И.Б. Там же. С. 81. Выскочков Л.В. Николай I. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 98.

Прокофьева Е.В., Скуратовская М.В., Соротокина Н.М., Чеботарь С.А.  
Русские принцессы. М.: Вече, 2009. С. 153–155.

Верне О. При дворе Николая I: Письма из Петербурга / Пер., вступ. ст. и комм. Д. Васильева. М.: РОССПЭН, 2008. С. 55–56.

**210**

РГАЛИ. Ф. 423. Рылеев К.Ф. Оп. 1. Д. 40.

**211**

НИОР РГБ. Ф. 166. Меншиковы. П. 3. Д. 6. Л. 35.

**212**

Шашков С.С. Указ. соч. С. 314.



Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М.:  
Изд. МГУ, 1987. С. 316.

Маррезе М.Л. Бабые царство. Дворянки и владение имуществом в России (1700–1861) / Авториз. пер. с англ. Н. Лужецкой. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 121.

**215**

Дмитриев М.А. Указ. соч. С. 59.

**216**

Инсарский В.А. Указ. соч. С. 292.

Висковатый П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов: Биография. М.: Захаров, 2004. С. 8, 11–13.

Бегичев Д.Н. Ольга: быт русских дворян в начале нынешнего столетия.  
СПб.: Типогр. А. Плюшара, 1840.

**219**

Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 65.

**220**

Ган Е.А. Указ. соч. С. 11.



**221**

Григорьев П.И. Указ. соч. С. 24.

Как, например, браки Зинаиды Волконской и графа Риччи, А.П. Керн и А.В. Маркова-Виноградского, А.С. Пушкина и Н.Н. Гончаровой и др.

Как практически все браки в царской семье, а также брак дочери Марии и Сергея Волконских Нелли и Д.В. Молчанова, брак А.А. Перовской (побочной дочери графа Разумовского) и К.П. Толстого и др.

В романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» главная героиня называет своего мужа по имени-отчеству, тогда как Кити и Левин говорят друг другу «ты», исключая сцены ревности, и «Катя» и «Костя».

Декабристы и их время: материалы и сообщения / Под ред. М.П. Алексеева и Б.С. Мейлаха. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 78.

Матханова Е., Матханова Н. «Здесь моего семейства не брошу»: неравные браки и внебрачные дети декабристов // Семейные узы: Модели для сборки: Сборник статей. Кн. 2 / Сост. и ред. С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 355–383.

Правила светского обхождения о вежливости: полная карманная книжка, содержащая правила, наставления, применения и примеры как представить себя в общество и как обращаться в нем. М., 1829. С. 36.

Фельдмаршал Кутузов: Документы, дневники, воспоминания / Отв. ред.  
А.М. Валькович. М.: Археографич. центр, 1995. С. 63–70.



Дружинин А.В. Полинъка Сакс. Дневник / Сост., вступ. ст., примеч. Б. Егорова. М.: Правда, 1989. С. 45–46.

**230**

Григорьев П.И. Указ. соч. С. 15–17.

Достоевский А.М. Воспоминания. М.: Аграф, 1999. С. 83–94.

**232**

Вонлярский В.А. Указ. соч. Т. 5. С. 63.

**233**

Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 393–583.

**234**

НИОР РГБ. Ф. 319. Фонвизины. К. 1. Д. 30. Л. 2.

**235**

НИОР РГБ. Ф. 319. Фонвизины. К. 1. Д. 3. Л. 4.

Грибоедов А.С. Указ. соч. Т. 1. С. 330–335.



Волконская М.Н. Записки М.Н. Волконской / Предисл. М. Сергеева.  
Примеч. Б.Г. Кокошко. М.: Молодая гвардия, 1977. С. 16.

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. С. 352–353.

**239**

ГАРФ. Ф. 635. Кн. Шаховские. Оп. 1. Д. 23. 1 л.

**240**

Вяземский П.А. Указ. соч. С. 254, 126.

**241**

Толстой М.В. Указ. соч. С. 167.

**242**

Записки графа Ф.П. Толстого. М.: РГГУ, 2001. С. 167.

Русские писатели в Москве: Сб. / Сост. Л.П. Быковцева. М.: Московский рабочий, 1987. С. 237–238.

**244**

Каменская М.Ф. Указ. соч. Т. 55. С. 614.



Ростопчина Л. Семейная хроника (1812). М.: Типогр. «М.В. Валдин и Ко», 1912. С. 10.

Рожанковская И.И. Судьба одного семейства. Карамзины. Вяземские.  
СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2008. С. 149.

**247**

Грибоедов А.С. Указ. соч. Т. 1. С. 333.

**248**

Каменская М.Ф. Указ. соч. Т. 56. С. 349.

**249**

Милютин Д.А. Указ соч. С. 161.

**250**

Моллер Е.Н. Памятные записки // Русская старина. 1890. Т. 66. № 5. С. 334–335.

**251**

Каменская М.Ф. Указ. соч. Т. 56. С. 37, 339.

Рожанковская И.И. Указ. соч. С. 108–109.



**253**

ГАРФ. Ф. 635. Кн. Шаховские. Оп. 1. Д. 110. Л. 2

**254**

ГАРФ. Ф. 1709. Давыдов В.Л. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

Львова Е.Н. Рассказы, заметки, анекдоты из записок Е.Н. Львовой //  
Русская старина. 1880. № 8. С. 797.

**256**

Николай I. Муж. Отец. Император. С. 199.

Прокофьева Е.В., Скуратовская М.В., Соротокина Н.М., Чеботарь С.А.  
Указ. соч. С. 185–186.

См.: Тынянов Ю.Н. Пушкин / Примеч. Б. Костелянца. Л.:  
Художественная литература, 1976. С. 9, 36.

Толстой С.М. Древо жизни: Толстой и Толстые / Пер. с фр., сост. и предисл. Н.И. Азаровой. М.: СЛОВО/SLOVO, 2002.

**260**

Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания. С. 493.



**261**

Верне О. Указ. соч. С. 38.

**262**

Вульф А.Н. Дневники (Любовный быт пушкинской эпохи) / Под ред.  
П.Е. Щеголева. М.: Федерация, 1929.

Верне О. Указ. соч. С. 37. Художник отметил, что в петербургском свете «шлюх ничуть не меньше, чем везде».

Пушкарева Н.Л., Экштут С.А. Любовные связи и флирт в жизни русского дворянина в начале XIX века // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М.: РГГУ, 1996. С. 187.

**265**

РГАЛИ. Ф. 638. Дубельт Л.В. Оп. 1. Д. 17. Л. 10–11, 8.

**266**

Павлова А. Указ. соч. С. 187.

**267**

Дельвиг А.И. Указ. соч. Т. 2. С. 238–239.

Брант Л.В. Коробочка // Библиотека для чтения. СПб., 1849. Т. 98. С. 211.



**269**

Дельвиг А.И. Указ. соч. Т. 2. С. 342.

**270**

Вяземский П.А. Указ. соч. С. 416–417.

**271**

Кусков П.А. Жизнь в доме бабушки // Нева. № 21. СПб. 1907. С. 1509–1504.

**272**

Вульф А.Н. Указ. соч. С. 207.

Назимова М.Г. Бабушка графиня М.Г. Разумовская // Исторический Вестник. 1899. Т. 75. № 3. С. 841–843.

**274**

Дельвиг А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 51.

**275**

Ростопчина Л. Указ. соч. С. 12.

**276**

Глинка М.И. Полн. собр. соч.: В 3 т. М.: Музыка, 1973. Т. 1. С. 279–287.



**277**

Бегичев Д.Н. Семейство Холмских. Ч. IV. С. 91

**278**

Там же. С. 6.

Досуг. Творчество. Культура: Сб-к научных трудов. Омск: Сиб. фил. РИК, 1999. С. 23–24.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: ТЕРРА, 1994. Т. 1: А – З. С. 481.

**281**

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. С. 356.

Каменская М.Ф. Указ. соч. Т. 55. С. 606–607, 616.

**283**

Менгден Е.И. Из дневника внучки // Русская старина. 1913. Т. 66. № 5.  
С. 128.

Ивченко Л.Л. Повседневная жизнь русского офицера эпохи 1812 года.  
М.: Молодая гвардия, 2008. С. 183.



Смирнова-Россет А.О. Воспоминания. Письма / Сост., вступ. ст. и примеч. Ю.Н. Лубченкова. М.: Правда, 1990. С. 124.

**286**

НИОР РГБ. Ф. 64. Вяземы. К. 115. Д. 60. (Пер. с фр. М. Власовой.)

**287**

Ломбер, памфил и пикет – карточные игры, тафлеи – игра на шахматной доске в кости или разновидность шашек.

Цит. по: Москва – Петербург: pro et contra / Сост., вступ. ст., коммент.  
библиогр. К.Г. Исупова. СПб.: РХТИ, 2000. С. 152.

Вступление молодой девицы в свет, или Наставление, как должна поступать молодая девица при визитах, обедах и ужинах, в театре, концертах и собраниях / Пер. с нем. Баронессы Юлии Фон Иксюль. СПб., 1853. С. 68–75.

Загошкин С.М. Воспоминания // Исторический вестник. 1900. Т. 79 № 1.  
С. 70.

## 291

Логогриф – «род шарады, для решения которой надо отыскать загаданное слово и образовать от него новые слова путем перестановки или выбрасывания отдельных слогов или букв» (Малый академический словарь).

История Москвы с древнейших времен до наших дней: В 3 т. Т. 2: XIX век. М.: Изд-во объединя «Мосгорархив», АО «Московские учебники и картография», 1997. С. 129–134.



**293**

Достоевский А.М. Указ. соч. С. 49.

**294**

Князьков С.А. Указ. соч. С. 30.

**295**

Бестужев-Рюмин М.А. Указ. соч.

Лотман Ю.М. Карточная игра // Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. С. 136–163; Лотман Ю.М. Тема карт и карточной игры в русской литературе XIX века // Ученые записки Тартуского университета. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1975. Т. 7. С. 120–142; Парчевский Г.Ф. Карты и картежники: Панорама столичной жизни. СПб.: Пушкинский фонд, 1998; Чернышев В.И. Терминология русских картежников и ее происхождение // Русская речь. Л.: Academia, 1928. Вып. 2. С. 45–68; Шевцов В.В. Карточная игра в России (конец XVI – начало XX в.): История игры и история общества / Под ред. А.Н. Жеравиной, Э.Л. Львовой. Томск: Томский гос. ун-т, 2005.

**297**

Подлинные письма из России... С. 189–190.

**298**

НИОР РГБ. Ф. 385. Флеровы. К. 1. Д. 26. Л. 5.

**299**

Подлинные письма из России... С. 28.

**300**

Русская охота. М.: Белый город, 2007. С. 347–358.



**301**

Лотман Ю.М., Погосян Е.А. Великосветские обеды: Панорама столичной жизни. СПб.: Пушкинский фонд, 1996. С. 34.

Бурнашев В.П. Энциклопедия русской опытной городской и сельской хозяйки, ключницы, экономки, поварихи, кухарки, скотницы и птичницы, содержащая в себе: наставления и руководства по всем отраслям городского и сельского хозяйства, извлеченная из 40, 50 и 60 летних опытов русских хозяек Борисом Волжиным. СПб.: Издание книгопродавца Василия Полякова, 1842. С. 26.

**303**

Лотман Ю.М., Погосян Е.А. Указ. соч. С. 72.

**304**

Сабанеева Е.А. Указ. соч. С. 60–61.

## 305

Куверт (фр. *couvert* – покрытый чем-либо) – ресторанный термин, обозначающий полный столовый прибор (ножи, ложки, вилки, тарелки, бокалы, салфетка) на накрытом столе.

Булгарин Ф.В. Очерки русских нравов или лицевая сторона и изнанка рода человеческого. СПб., 1845. С. 12 (Типогр. Эдуарда Праца).

**307**

Ган Е.А. Указ. соч. С. 10.

**308**

Бурнашев В.П. Указ. соч. С. 41.



**309**

Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания. С. 412.

Кочубей А.В. Семейная хроника. Записки Аркадия Васильевича  
Кочубея. СПб., 1890. С. 27.

Фан Дим Ф. Александрина, небольшой роман, взятый из записок Юрия  
З\*: В 2 ч. СПб.: Типогр. Императорской академии наук, 1855. Ч. 1. С. 5–6.

Арапова А.П. Наталья Николаевна Пушкина-Ланская. М.: МПФ «Демидург», ТОО «Изограф», АО «АгентствоVITA», 1994. С. 24.

**313**

Вистенгоф П.Ф. Очерки московской жизни. С. 26.

Князьков С.А. Быт дворянской Москвы конца XVIII и начала XIX вв. // Москва в ее прошлом и настоящем. 1910. Т. 8. С. 35–36.

**315**

Вяземский П.А. Указ. соч. С. 226.

**316**

1812 год. Из семейных воспоминаний А.Ф. Кологривовой (урожденной Вельяминовой-Зерновой) // Русский архив. 1886. № 7. С. 338.



**317**

Анна Григорьевна Хомутова // Русский архив. 1867. Кн. 1–3. Ст. 1049–1052.

**318**

Рассказы Бабушки. С. 126.

0,5 русского фунта = 204,75 грамма. Примеч. по: Селиванов В.В. Сочинения Василия Васильевича Селиванова: В 2 т. / Под ред. и с примеч. А.В. Селиванова. Т. 1. Владимир на Клязьме, 1901. С. 66.

Старина и новизна: Исторический сборник, издаваемый при обществе ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. Кн. 20. М., 1916. С. 204.

## 321

НИОР РГБ. Ф. 64. Вяземы. К. 26. Д. 1; К. 27. Д. 1. Книги для записки прихода поступаемых к запасу хлебных и других припасов и расходу оных по московскому дому кн. Анны Александровны Голицыной правлению 1805 г. и 1813 г.

Вот рецепт варенья из айвы, которое готовили в доме Пушкиных-аннибалов: «Прежде всего нужно очистить плоды от корки, порезать их дольками и дольки сбрызнуть водой, подкисленной лимонным соком, али чем другим, а после залить кочаны холодной водой и хорошо их сварить, а затем отцедить воду и сей водой (отваром) кипящей залить дольки айвы. И так делать несколько раз, лучше всего два или три, а на третий раз с отвара и сахара или меда сварить сироп, с употреблением на фунт айвы – фунт сахара, после чего залить сиропом дольки айвы; уже бланшированные и варить до готовности, пробуя на вкус. А когда варенье станет янтарного цвета – сие означает, что варенье готово и его надо кушать на здоровье» (Цит. по: Гейченко С.С., Журибеда Ж.С. Рецепты из поваренных книг семейства Пушкиных-Ганнибалов. Псков, 1989. С. 5).

**323**

Брант Л.В. Коробочка. С. 195.

Гросул В.Я. Русское общество в XVIII–XIX веках: Традиции и новации.  
М.: Наука, 2003. С. 169.



Например, книгой «Повар королевский, или новая поварня, приспешная и кондитерская для всех состояний; с показанием сервирования стола от 20 до 60 и больше блюд и наставлением для приготовления разных снедей» (Пер. с фр.: В 2 ч. М., 1816), в которой нет ни одного исконного русского блюда.

**326**

Вяземский П.А. Указ. соч. С. 247.

Готье Т. Путешествие в Россию / Пер. с фр. и коммент. Н.В. Шапошниковой; предисл. А.Д. Михайлова. М.: Мысль, 1988. С. 110.

Похлебкин В.В. Из истории русской кулинарной культуры. М.: Центрполиграф, 2009. С. 110.

Подлинные письма из России, 1825–1828 / Пер. с англ. Вишняков М.А.  
СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 48.

Керн А.П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1989. С. 158.

**331**

Там же. С. 268.

Лотман Ю.М., Погосян Е.А. Указ. соч. С. 85.



Правила учтивости / Пер. с фр. Лейб-гвардии Преображенск. полку  
подпрапорщик Петр Калязин. СПб., 1774. С. 49–50.

**334**

Николай I. Муж. Отец. Император. С. 185.

**335**

Там же. С. 191.

Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913). Стат. очерки /  
Под ред. акад. С.Г. Струмилина. М.: Госстатиздат, 1956. С. 4.

**337**

Сталь Ж. де. Десять лет в изгнании. М.: ОГИ, 2003. С. 210.

**338**

Рассказы Бабушки. С. 219.

**339**

Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания. С. 382.

**340**

Бибиков М.П. Бабушка // Москвитянин. 1855. № 4. С. 37.



Бибиков М.П. Два отрывка из семейных записок // Русская беседа. 1856.  
Т. 2. С. 61–76.

Дедушка-дворник (Из воспоминаний институтки) Л. П-ой // Москвитянин. 1855. Т. 6. № 21, 22. Кн. 1, 2. С. 121–153.

**343**

Григорьев А. Воспоминания. Л.: Наука, 1980. С. 15.

**344**

Там же. С. 16.

**345**

Погодин Д.М. Из воспоминаний Дмитрия Михайловича Погодина.  
СПб.: Типогр. А.С. Суворина, 1892. С. 12.

**346**

Арапова А.П. Указ. соч. С. 35.

Долгоруков И.М. Капище моего сердца или Словарь всех тех лиц, с которыми я был в разных отношениях в течение моей жизни / Предисл. О.М. Бодянского. М.: Изд. Императ. Об-ва Истории и Древностей Российских при Моск. Ун-те, 1874. С. 90.

Герцен А.И. Былое и думы: В 2 т. / Коммент. Г.Г. Елизаветиной. М.: Правда, 1983. Т. 1. С. 52–53.



**349**

Паткуль М.А. Воспоминания // Исторический вестник. 1902. Т. 87. № 3.  
С. 849.

**350**

Вонлярский В.А. Все сочинения. Т. 5. С. 129.

Одоевский В.Ф. Последний квартет Бетховена. С. 112–113.

**352**

Брант Л.В. Коробочка. С. 196.

**353**

Вистенгоф П. Очерки московской жизни. С. 91.

**354**

Пасек Т.П. Указ. соч. С. 139–140.

Вистенгоф П. Очерки жизни Москвы // Москва в очерках 40-х годов XIX века. М.: Крафт+, 2004. С. 87.

**356**

Там же. С. 88.



**357**

Селиванов В.В. Указ соч. Т. 1. С. 176.

**358**

Свербеев Д.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 39.

Барская барыня – «старшая горничная, пользующаяся наибольшим расположением помещицы» (Словарь забытых и трудных слов из произведений русской литературы XVIII – XIX веков / Сост. Л.А. Глинкина. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1998).

**360**

Цит. по: Москва – Петербург: pro et contra. С. 153.

**361**

Кокорев И. Очерки Москвы 40-х годов // Москва в очерках 40-х годов XIX века. С. 227.

Яцевич А.Г. Крепостной Петербург пушкинского времени. Л.: Пушкинское общество, 1937. С. 78–80.

**363**

Там же. С. 81.

**364**

Толстой С.М. Указ. соч. С. 112.



Пассек Т.П. Из дальних лет. Воспоминания / Под общ. ред. А.В. Луначарского, вступ. ст. и коммент. И.Я. Свистунова. М.; Л.: Academia, 1931. С. 55–56.

**366**

Инсарский В.А. Указ. соч. С. 269–270.

**367**

Кокорев И. Указ. соч. С. 222.

**368**

Московский наблюдатель. 1836. Ч. 7. № 5–8 С. 382.

**369**

Григорьев П.И. Житейская школа // Библиотека для чтения. 1850. Т. 99.  
С. 58.

**370**

Гоголь Н.В. Собр. соч. Т. 4. С. 219–220.

**371**

Яцевич А.Г. Указ. соч. С. 95–96.

**372**

Свербеев Д.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 129–130.



**373**

Селиванов В.В. Сочинения Василия Васильевича Селиванова. Т. 1. С.  
47–48.

**374**

Дашкова Е.Р. Указ. соч. С. 266.

**375**

Яцевич А.Г. Указ. соч. С. 92.

**376**

Светский человек, или Руководство к познанию правил общежития. С.  
26–27.

**377**

Бурнашев В.П. Указ. соч. С. 45.

**378**

Журнал для удовольствия. 1805. Ч. 3. № 8. С 137–138.

**379**

Рассказы Бабушки. С. 182.

Блудова А.Д. Воспоминания и записки графини А.Д. Блудовой. СПб.:  
Тип. Майкова, 1871. С. 5.



**381**

Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 6 т. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1952. Т. 4. С. 218.

**382**

Дельвиг А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 23.

ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 3228. О наказании плетьюми дворового человека кн. Федора Николаевича Барятинского Федора Макарова 27 августа – 3 сентября 1802 г. Л. 2.

**384**

ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 3019, 1802 г. О наказании дворовой коллежского асессора Остаховой Авдотьи. Л. 1–1об.

Вицман Август. Наставления полезные для слуг, которые так же не будут бесполезны и для самих хозяев. СПб., 1799.

**386**

Сын отечества. 1813. Ч. 3. С. 196–197.

**387**

Мещерский А.В. Из моей старины // Русский архив. 1901. Т. 1. № 3. С. 479–485.

Гончаров И.А. Указ. соч. Т. 4. С. 76–77.



Романович-Славатинский А.В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870. С. 285–345.

**390**

Цит. по: Москва – Петербург: pro et contra. С. 144.

**391**

Дельвиг А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 4–6.

**392**

НИОР РГБ. Ф. 495. Танеевы. Оп. 1. К. 1. Д. 2. Л. 9–10.

**393**

ОПИ ГИМ. Ф. 395. Соймановы. Д. 144. Л. 14.

Алиев М.М. Культура общения и семейные отношения. Ташкент: Изд-во им. ибн Сины, 1991. С. 5.

Русские писатели в Москве: Сб. / Сост. Л.П. Быковцева. М.: Моск. рабочий, 1987. С. 252.

Ростопчина Е.П. Талисман: Избранная лирика. Драма. Документы, письма, воспоминания / Сост. В. Афанасьев. М.: Московский рабочий, 1987. С. 269.



**397**

Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания. С. 370.

**398**

Светский человек... СПб., 1847. С. 172.

**399**

Правила светского обхождения. М., 1829. С. 40.

**400**

Вельтман А.Ф. Приключения, почерпнутые из моря житейского. С. 103.

**401**

Шпага: комедия в одном действии // Патриот. 1809. Ч. 2. С. 95–97, 101 (73–115).

**402**

Лаврентьева Е.В. Указ. соч. С. 99.

**403**

РГАЛИ. Ф. 1064. Долгоруков И.М. Оп. 1. Д. 3. Цитируется в авторской орфографии.

**404**

См. «Горе от ума» А.С. Грибоедова, «Отрывок» Н.В. Гоголя, «Дачу на Петергофской дороге» Е.В. Кологривовой и др.



**405**

Вяземский П.А. Указ. соч. С. 383.

**406**

История благородной женщины. С. 419.

**407**

Цит. по: Лаврентьева Е.В. Указ. соч. С. 99.

**408**

Корсини М. Указ. соч. Т. 2. С. 61

**409**

Ростопчина Е.П. Счастливая женщина. С. 101.

**410**

Вступление молодой девицы в свет... С. 6–9.

**411**

Муханов П.А. Визитные билеты // Радуга. М. 1830. С. 284, 286.

**412**

Басманова Э.Б. Визитная карточка: история и современность. М.: Новый хронограф, 2010. С. 21.



**413**

РГАЛИ. Ф. 532. Хомяков А.С. Оп. 2. Д. 23. Л. 24.

**414**

ГА РФ. Ф. 706. Головина В.Н. Оп. 1. Д. 18.

**415**

Толстой Л.Н. Война и мир: В 2 т. М.: Художественная литература, 1983.  
Т. 1. С. 52–60.

**416**

Лаврентьева Е.В. Указ. соч. С. 98–99.

**417**

Загошкин С.М. Воспоминания // Исторический вестник. 1900. Т. 79.  
№ 1. С. 76.

**418**

Пассек Т.П. Указ. соч. С. 103.

**419**

НИОР РГБ. Ф. 385. Флеровы. К. 1. Д. 9. Л. 1.

**420**

НИОР РГБ. Ф. 385. Флеровы. К. 1. Д. 26. Л. 2.



**421**

НИОР РГБ. Ф. 19. Барятинские. Р. 2. П. 30. Д. 62.

**422**

НИОР РГБ. Ф. 30. Толстые Н.А. и А.И. К. 1. Д. 19. Л. 1. (Пер. с фр. М. Власовой.)

**423**

См., например: Вельтман А.Ф. Повести. СПб.: Издание М.Д. Ольхина, 1845. С. 250.

Например, в «Московском наблюдателе» есть описание вечеров у мадам Рекамье. Сказано, что она принимает около 4 часов пополудни и не более 30 человек (обычно меньше), всегда занята рукоделием, но при этом очень внимательно всех слушает и умеет каждого подбодрить так, чтобы интересные беседы и дискуссии не прекращались, а настроение у гостей было приподнятым (Московский наблюдатель. 1835. Ч. 5. № 17–20. С. 458–478).

**425**

Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. С. 44.

**426**

Ростопчина Е.П. Счастливая женщина. С. 90.

НИОР РГБ. Ф. 219. Орловы-Давыдовы. К. 9. Д. 31. Л. 18. Сообщались такие сведения и в некрологах. Например, по случаю смерти в Москве в 1826 году графа П.И. Одоевского в «Московском телеграфе» написано, что он скончался «как истинный христианин, тихо, безболезненно, исполнивши все обязанности, предписанные религией» и продолжал молиться до последней минуты. См.: Некрология // Московский телеграф. 1826. Ч. 8. С. 271–272.

**428**

ГА РФ. Ф. 1711. Орлов М.Ф. Оп. 1. Д. 6.



**429**

ГА РФ. Ф. 828. Горчаков А.М. Оп. 1. Д. 42.

**430**

ГА РФ. Ф. 1711. Орлов М.Ф. Оп. 1. Д. 78. Л. 3.

**431**

НИ ОР РГБ. Ф. 219. Орловы-Давыдовы. К. 9. Д. 31. Л. 7.

**432**

Маррезе М.Л. Указ. соч. С. 223.

**433**

НИОР РГБ. Ф. 99. Елагины. К. 21. Д. 57. Л. 1.

**434**

См., например: НИОР РГБ. Ф. 48. Веневитиновы и Вьельгорские. К. 62.  
Д. 44. Л. 2.

**435**

НИОР РГБ. Ф. 19. Барятинские. Р. 2. П. 9. Д. 12. Л. 1. (Пер. с фр. М. Власовой.)

**436**

Рассказы Бабушки. С. 106.



Агеева О.Г. Петербургский траурный церемониал Дома Романовых в начале XVIII в. // Феномен Петербурга: Сб. статей / Отв. редактор Ю.Н. Беспятых. СПб.: Изд-во «Русско-Балтийский информ. центр „БЛИЦ”», 2001. С. 491–505.

**438**

Светский человек, или Руководство к познанию правил общежития. С.  
160–168.

**439**

Вонлярский В.А. Все сочинения. Т. 1. С. 12–16.

То же самое желание быть погребенным самым простым образом среди бедняков Иван Михайлович выразил и в стихотворении «Завещание». См.: Долгоруков И.М. Бытие сердца моего, или Стихотворения князя Ивана Михайловича Долгорукова: В 4 ч. Ч. 2. М., 1817. С. 255–260.

**441**

РГАЛИ. Ф. 1064. Долгоруков И.М. Оп. 1. Д. 8.

**442**

ГА РФ. Ф. 1711. Орлов М.Ф. Оп. 1. Д. 73.

**443**

НИОР РГБ. Ф. 19. Барятинские. П. 19. Д. 20.

**444**

НИОР РГБ. Ф. 219. Орловы-Давыдовы. К. 104. Д. 44.



**445**

ГА РФ. Ф. 907. Дашковы А.Я. и Е.О. Оп. 1. Д. 135.

**446**

ГА РФ. Ф. 876. Воеводские. Оп. 1. Д. 18.

**447**

Светский человек... С. 169–170.

Эпштейн М., Юкина Е. Образы детства // Новый мир. 1979. № 12. С. 242.

Щеглова С.Н. Социология детства: Учеб. пособие. М.: Ин-т молодежи, 1996. С. 51–67.

**450**

Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. Л., 1973. С. 42–43.

**451**

Нефедова Л.К. Онтологическая семантика образов детства:  
Монография. Омск: Изд-во Омского гос. пед. ун-та, 2005. С. 107.

Костюхина М.С. Золотое зеркало: Русская литература для детей XVIII–XIX веков. М.: ОГИ, 2008. С. 51–57.



Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Законы Гражданские и межевые. Т. 10. Ч. 1–2. СПб., 1842. Ст. 166.

**454**

Рожанковская И.И. Указ. соч. С. 97.

**455**

Свербеев Д.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 26.

**456**

Кочубей А.В. Семейная хроника. Записки Аркадия Васильевича Кочубея. СПб.: Б.и., 1890. С. 207.

**457**

Одоевский В.Ф. Последний квартет Бетховена. С. 46.

**458**

Декабристы и их время: материалы и сообщения / Под ред. М.П. Алексеева и Б.С. Мейлаха. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 78.

**459**

Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 359.

**460**

Тынянов Ю.Н. Пушкин. С. 53, 56.



Цит. по: Танаков А.И. «Благословенная тяжесть». Акушерские истории династии Романовых. Таллин: КПД, 2009. С. 79.

**462**

Там же. С. 77–88.

**463**

ГА РФ. Ф. 828. Горчаков А.М. Оп. 1. Д. 1088.

**464**

Светский человек... С. 158–159.

**465**

Кочубей А.В. Указ. соч. С. 221–222.

## 466

Разумеется, наполеондоров в Российской империи не было. Во Франции так называлась монета с содержанием золота 5,801 г. Имелся в виду некий ценный подарок сообразно средствам дарителя.

**467**

Правила светского обхождения... С. 63–65.

**468**

Кочубей А.В. Указ соч. С. 208.



**469**

НИОР РГБ. Ф. 219. Орловы-Давыдовы. Оп. 1. К. 134. Д. 6. Л. 11.

**470**

Светский человек... С. 159–161.

**471**

Записки баронессы Прасковьи Григорьевны Розен, в монашестве Митрофании / Сост. А.М. Васнева. М.: Никая, 2012. С. 19–21, 32.

**472**

Например, см.: Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 594.

**473**

Дельвиг А.И. Мои воспоминания, 1912. Т. 1. С. 6–10.

**474**

ГА РФ. Ф. 1143. Трубецкой С.П. Оп. 1. Д. 1. Дневник Трубецкого С.П.  
1837, 1838 гг.

**475**

Цит. по: Ковалева М.Д. Старая Москва графа Сергея Шереметева. М.: АНО ИЦ «Москвоведение», 2003. С. 52–54.

**476**

Бутурлин М.Д. Записки графа М.Д. Бутурлина. 1839 год // Русский архив. Кн. 3. № 10. М. 1901. С. 219.



**477**

Сабанеева Е.А. Указ. соч. С. 62.

Высочков Л.В. Указ. соч. С. 15. Шильдер Н.К. Император Николай I, его жизнь и царствование: В 2 кн. М.: Чарли, 1996. Кн. 1. С. 11.

**479**

Жандр Н.П. Свет. Роман в стихах. СПб.: Б.и., 1857. С. 12.

**480**

Цит. по: Москва – Петербург: pro et contra. С. 171.

**481**

Ростопчина Е.П. Счастливая женщина. Литературные сочинения /  
Сост., вступ. ст., коммент. А.М. Ранчина. М.: Правда, 1991. С. 58.

**482**

Старина и новизна... С. 185.

**483**

Тынянов Ю.Н. Пушкин. С. 53.

**484**

Погодин Д.М. Указ. соч. С. 19.



**485**

Менгден Е.И. Указ. соч. С. 104.

**486**

Дельвиг А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 244.

**487**

НИОР РГБ. Ф. 48. Веневитиновы и Вьельгорские. П. 52. Д. 1. С. 145,  
165.

**488**

Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 62.

**489**

Барон Брамбеус. Идеальная красавица, или Дева чудная. С. 148–149.

Русское общество 40–50-х годов XIX в. Часть II. Воспоминания Б.Н. Чичерина. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 9.

**491**

Глинка М.И. И я открою землю: Композиция / Авт. композиции Н. Колосова. М.: Молодая гвардия, 1976. С. 10, 13.

**492**

Дельвиг А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 26.



**493**

Вонлярский В.А. Все сочинения. Т. 5. С. 23–57.

**494**

Герцен А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 48, 51.

**495**

Соллогуб В.А. Воспоминания об В.Ф. Одоевском // В память о князе В.Ф. Одоевском. М., 1869. С. 25.

**496**

Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания. С. 359.

**497**

Николева М.С. Черты старинного дворянского быта. Воспоминания  
М.С. Николевой // Русский архив. М. 1893. Кн. 3. № 10. С. 163.

**498**

Раевская Е.И. Указ. соч. С. 550.

**499**

Шашков С.С. История русской женщины. СПб.: Типогр. А.С. Суворина, 1879. С. 229.

**500**

История благородной женщины. С. 392–393.



## 501

Как, например, это описано в «Княгине Лиговской»: Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 6 т. М.; Л.: АН СССР, 1957. Т. 6. С. 124–130.

**502**

Руководство к педагогике, или норме воспитания / Сост. по Нимейеру  
А.Г. Ободовским. СПб.: Типография Конрада Вингебера, 1835. С. 188.

**503**

Греч Н.И. Записки моей жизни. М.: Захаров, 2002. С. 185–186.

**504**

Мещерский В.П. Указ. соч. С. 8.

**505**

Старина и новизна. С. 184.

**506**

Достоевский А.М. Указ. соч. С. 65–66.

**507**

Менгден Е.И. Указ. соч. С. 112. История благородной женщины. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 396.

Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: Воспитание, образование, судьба. XVIII – начало XX века. М.: ООО «ТИД „Русское слово – РС”», 2009. С. 101–102.



**509**

Ростопчина Л. Указ. соч. С. 162.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 6.  
С. 328.

**511**

Вонлярский В.А. Все сочинения. Т. 1. С. 34.

Лабзина А.Е. Воспоминания Анны Евдокимовны Лабзиной (1758–1828)  
/ Предисл. и примеч. Б.Л. Модзалевского. М., 2010. С. 129–132.

**513**

Вигель Ф.Ф. Записки: В 2 кн. М.: Захаров, 2003. Кн. 1. С. 104.

**514**

ОПИ ГИМ. Ф. 92. Дневники, мемуары, записки. Д. 26. Дмитриева Е.К.  
Воспоминания о Луниной Е.П. Л. 3.

**515**

Дельвиг А.И. Указ. соч. Т. 4. С. 393–394.

Цит. по: Лямина Е.Э., Самовер Н.В. «Бедный Жозеф»... С. 54–55.



**517**

Дельвиг А.И. Указ. соч. Т. 2. С. 255–256.

**518**

Каменская М.Ф. Указ. соч. Т. 55. С. 56–57.

**519**

Дельвиг А.И. Указ. соч. Т. 2. С. 343–344.

**520**

Вяземский П.П. Александр Сергеевич Пушкин. 1826–1837. М., 2009. С.  
12.

**521**

Толстой С.М. Указ. соч. С. 91.

**522**

История благородной женщины. С. 420.

**523**

Николай I. Муж. Отец. Император. С. 330.

**524**

Ростопчина Е.П. Талисман. С. 266.



**525**

Мещерский А.В. Из моей старины // Русский архив. 1901. Т. 1. С. 485.

**526**

Пассек Т.П. Указ. соч. С. 55.

**527**

Там же. С. 107.

**528**

Лермонтов М.Ю. Собр. соч. Т. 6. С. 124–127.

**529**

Фельдмаршал Кутузов... С. 66.

**530**

Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 513.

**531**

Николай I. Муж. Отец. Император. С. 331, 174, 177.

**532**

Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 12.



**533**

РГАЛИ. Ф. 423. Рылеев К.Ф. Оп. 1. Д. 41. Все письмо выдержано в подчеркнуто вежливом, но предельно гневном тоне.

**534**

Дельвиг А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 6.

Автограф стихотворения не сохранился. Мемуарист приводит его по памяти. В Полном собрании сочинений А.С. Пушкина первая строка иная: «Душа моя, Павел!»

**536**

Вяземский П.П. Указ. соч. С. 10–13.

**537**

ГА РФ. Ф. 876. Воеводские. Оп. 1. Д. 28, 34.

**538**

РГАЛИ. Ф. 1062. Деларю М.Д. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 2. К сожалению, Сергей Деларю умер в детском возрасте, не закончив Царскосельского лицея.

**539**

НИОР РГБ. Ф. 19. Барягинские. Р. 2. П. 34. Д. 1а. Л. 7. (Пер. с фр. М. Власовой.)

**540**

ОПИ ГИМ. Ф. 395. Соймановы. Д. 144. Л. 18об.



**541**

Милютин Д.М. Указ. соч. Т. 1. С. 47–48.

Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год / Сост. Л.Г. Захарова, Л.И. Тютюнник. М.: Издательство Моск. ун-та, 1999.

**543**

Сокровище (фр.).

**544**

Великая княжна Елизавета Михайловна (1826–1845).

**545**

Добрый ангел (ит.).

**546**

Николай I. Муж. Отец. Император. С. 182.

**547**

Там же. С. 190, 191.

**548**

Высочков Л.В. Указ. соч. С. 18.



**549**

Старина и новизна. С. 205.

**550**

Милютин Д.А. Указ. соч. Т. 1. С. 20–21.

**551**

Новосильцева Е.В. Указ. соч. С. 141–142.

**552**

История благородной женщины. С. 402–403.

Например, Александр Иванович Барятинский неоднократно в письмах обращается к своей матери на «ты» (tu), начиная с детских лет. См.: НИОР РГБ. Ф. 19. Барятинские. Р. 2. П. 34. Д. 1а, 2.

**554**

ГА РФ. Ф. 876. Воеводские. Оп. 1. Д. 32. Л. 3, 4.

**555**

Цит. по: Москва – Петербург: pro et contra. С. 142.

НИОР РГБ. Ф. 219. Орловы-Давыдовы. К. 9. Д. 31. Л. 6об. Приписка отца Петра Львовича Давыдова в письме к тестю к дочери: «Любезную мою Лизаньку вторично благодарю за удовольствие, что доставила мне своим журналом, прошу ее продолжать оной если дедушка позволит всякую неделю. Целую ее с обыкновенною моею нежностью».



**557**

НИОР РГБ. Ф. 19. Барятинские. П. 34. Д. 2л. Л. 65–66.

**558**

НИОР РГБ. Ф. 48. Веневитиновы и Вьельгорские. П. 62. Д. 22.

Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 6 т. М.; Л.: АН СССР, 1957. Т. 6. С. 434–440.

**560**

Глинка М.И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 125.

**561**

Старина и новизна. С. 63, 76.

**562**

ГА РФ. Ф. 876. Воеводские. Оп. 1. Д. 25.

**563**

НИОР РГБ. Ф. 88. Давыдов В.Л. К. 1. Д. 32. Л. 3, 5, 8, 19.

**564**

НИОР РГБ. Ф. 88. Давыдов В.Л. К. 1. Д. 70. Л. 2–3. (Пер. с фр. М. Власовой.)



**565**

НИОР РГБ. Ф. 166. Меншиковы. П. 3. Д. 6. Д. 16.

**566**

ГА РФ. Ф. 1711. Орлов М.Ф. Оп. 1. Д. 54. Л. 4.

**567**

НИОР РГБ. Ф. 219. Орловы-Давыдовы. К. 9. Д. 31.

**568**

Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания. С. 493.

**569**

ГА РФ. Ф. 876. Воеводские. Оп. 1. Д. 24.

**570**

Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания. С. 394.

**571**

Одоевский В.Ф. Указ. соч. С. 220.

**572**

Погодин Д.М. Указ. соч. С. 14.



**573**

Ростопчина Е.П. Талисман. С. 263.

**574**

Бурачок С.О. Указ. соч. С. 13.

**575**

Сушкова Е.А. Указ. соч. С. 37.

**576**

Арапова А.П. Указ. соч. С. 24–26.

См.: Абраменкова В.В. Социальная психология детства в контексте развития отношений ребенка в мире // Вопросы психологии. 2002. № 1. С. 3–16; Виноградов Г.С. Страна детей: Избранные труды по этнографии детства. М., 1999; Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб.: Питер, 2009.

**578**

Гуревич П.С. Субкультура // Культурология. XX в.: Словарь. СПб. 1997. С. 450.

**579**

Кон И.С. Ребенок и общество: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2003. С. 63.

**580**

Достоевский А.М. Указ. соч. С. 44.



**581**

Герцен А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 42.

**582**

Тынянов Ю.Н. Пушкин. С. 61.

**583**

Одоевский В.Ф. Последний квартет Бетховена / Сост., вступ. ст.,  
примеч. В. Муравьева. М.: Моск. рабочий, 1982. С. 116–118.

**584**

Бегичев Д.Н. Семейство Холмских. Ч. IV. С. 86.

**585**

История благородной женщины. С. 402.

**586**

Инсарский В.А. Указ. соч. С. 98.

**587**

НИОР РГБ. Ф. 88. Давыдов В.Л. К. 1. Д. 26. Л. 1–12.

**588**

Вероятно, имеется в виду генерал-майор М.Ф. Брадке, в 1845 году директор 1-го Московского кадетского корпуса. – *Прим. ред.*



**589**

НИОР РГБ. Ф. 88. Давыдов В.Л. К. 1. Д. 26. Л. 13–14.

**590**

ГА РФ. Ф. 279. Якушкины. Оп. 1. Д. 313.

**591**

ГА РФ. Ф. 635. Шаховские. Оп. 1. Д. 111. Л. 1.

**592**

Одоевский В.Ф. Указ. соч. С. 190–192.

**593**

Герцен А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 45.

**594**

Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. С. 402–404.

**595**

Старина и новизна. С. 185.

**596**

Менгден Е.И. Указ. соч. С. 112.



**597**

Карамзин Н.М. Неизданные сочинения и переписка. СПб., 1862. Ч. 1. С. 146–147.

**598**

Друг детей. 1809. Ч. 2. 481.

**599**

Брант Л.В. Воспоминания и очерки жизни. С. 24–25.

**600**

Дмитриев М.А. Указ. соч. С. 53.

**601**

Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 57–63.

**602**

Раевская Е.И. Указ. соч. С. 945–946.

**603**

Пассек Т.П. Указ. соч. С. 104.

**604**

Дети, желающие сами собою управлять // Друг детей. 1809. Ч. 2. С. 25–42.



**605**

Раевская Е.И. Указ. соч. С. 953.

**606**

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. С. 62.

**607**

Тынянов Ю.Н. Кюхля. Рассказы. М.: Правда, 1981. С. 20–21.

**608**

Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Изд. 2-е. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 7. С. 315.

Аксаков С.Т. Полн. собр. соч.: В 6 т. СПб.: Изд. книжн. магазина Н.Г. Мартынова, 1886. Т. 1. С. 246–247.

**610**

Муравьева О.С. Указ. соч. С. 54–55.



**612**

Танаков А.И. Указ. соч. С. 32.



Извлечение из сочинения Сосерота, члена Национального института // Патриот. 1804. Т. 1. С. 24–39.

Победоносцев С.П. Няня. Повесть // Отечественные записки. 1845. Т. 43. № 11. С. 11.

**615**

Витковский А.Г. Из моего прошлого. Училище // Русское слово. 1860.  
Т. 1. С. 66.

**616**

Каменская М.Ф. Указ. соч. Т. 55. С. 39–41.

**617**

Шереметев С.Д. Воспоминания детства. СПб., 1896. С. 23.

**618**

Герцен А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 41.

**619**

Свербеев Д.Н. Указ. соч. С. 41.

**620**

Ушинский К.Д. Педагогические сочинения: В 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1988. С. 41–50.



**621**

Долгоруков И.М. Указ. соч. С. 41.

**622**

Загошкин С.М. Воспоминания // Исторический вестник. 1900. Т. 79.  
№ 1. С. 64.

Трошина С.В. Гувернерство в домашнем образовании России первой половины XIX века: Дисс.... канд. пед. наук: 13.00.01. М., 1995. С. 127.

Солодянкина О.Ю. Иностранные наставники в дворянском домашнем воспитании в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.): Дисс.... д-ра ист. наук: 07.00.02. М., 2008. С. 699.

**625**

НИОР РГБ. Ф. 133. Коновницыны и Нарышкины. К. 5816. Д. 22.

**626**

Цит. по: Москва – Петербург: pro et contra. С. 143–144.

Нарежный В.Т. Избранное / Сост., вступ. ст. и примеч. В.А. Грихина, В.Ф. Калмыкова. М.: Советская Россия, 1983. С. 119.

**628**

Старина и новизна. С. 182.



**629**

ГА РФ. Ф. 876. Воеводские. Оп. 1. Д. 169. Заметки об обязанностях гувернантки.

**630**

Руководство к педагогике, или норме воспитания. С. 236.

**631**

Шереметев С.Д. Указ. соч. С. 6–7.

**632**

Смирнова-Россет А.О. Указ. соч. С. 32.

**633**

Арапова А.П. Указ. соч. С. 25.

**634**

Менгден Е.И. Указ. соч. Т. 66. № 5. С. 106.

**635**

Старина и новизна. С. 190–191.

**636**

Тынянов Ю.Н. Пушкин. С. 109.



**637**

Городище – поместье Кротковых в Симбирском уезде.

**638**

Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания. С. 407.

**639**

Менгден Е.И. Указ. соч. С. 117.

**640**

Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. С. 9.

**641**

Верне О. Указ. соч. С. 44–45.

**642**

Глинка М.И. И я открою землю. С. 21.

**643**

Сабанеева Е.А. Указ. соч. С. 89.

**644**

Из записок Ипполита Оже. 1814–1817 (с неизданного Французского подлинника) // Русский архив. 1877. Кн. 2. № 1. С. 54.



**645**

Инсарский В.А. Указ. соч. С. 91–92.

**646**

ГА РФ. Ф. 1711. Орлов М.Ф. Оп. 1. Д. 93. Л. 2–3.

**647**

Гурьев П.С. Руководство к преподаванию арифметики малолетним  
детям: В 2 ч. СПб., 1839. Ч. I. С. 5.

**648**

Чтения для умственного развития малолетних детей и обогащения их познаниями / Сост. Е.О. Гугель. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1832. С. 1.

**649**

Наставления от отца дочерям / Пер. с фр. Н. Загороцкий. М.: Б.и., 1784.  
С. 18–43.

**650**

Корсини М.А. Указ. соч. Т. 1. С. 40, 60.

**651**

Сушкова Е.А. Указ. соч. С. 52.

**652**

Дружинин А.В. Указ. соч. С. 29.



**653**

Одоевский В.Ф. Указ. соч. С. 193.

**654**

Мир Пушкина. Т. 3. Семейные предания Пушкиных. СПб.:  
Издательство Пушкинского фонда, 2003. С. 158.

**655**

Победоносцев С.П. Няня. С. 10.

**656**

Ган Е.А. Указ. соч. С. 8.

**657**

Ростопчина Е.П. Талисман. С. 263.

**658**

Руководство к педагогике или норме воспитания. С. 224.

**659**

Николай I. Муж. Отец. Император. С. 182.

**660**

Там же. С. 193.



**661**

Победоносцев С.П. Мамзель Бабетт и ее альбом // Библиотека для чтения. 1842. Т. 54. № 10. С. 161.

**662**

ОПИ ГИМ. Ф. 92. Дневники, мемуары, записки. Д. 110. Записная книжка М.Н. Фуфаевой. 1817 г.

**663**

Бегичев Д.Н. Указ. соч. Ч. 1. С. 234.

**664**

Николева М.С. Указ. соч. С. 158–159.

**665**

Брант Л.В. Коробочка. С. 194.

Жихарев М.И. Докладная записка потомству о Петре Яковлевиче Чаадаеве // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи: Мемуары современников. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 53.

**667**

Витковский А.Г. Указ. соч. С. 66–67.

Русское общество 40–50-х XIX в. Часть II. Воспоминания Б.Н. Чичерина. С. 24.



Захарова О.Ю. Светские церемониалы в России XVIII – начала XX в.  
М.: Центрполиграф, 2003. С. 76.

**670**

Николай I. Муж. Отец. Император. С. 185.

**671**

ГА РФ. Ф. 699. Окулова А.А. Оп. 1. Д. 2. Л. 22–42.

**672**

Николай I. Муж. Отец. Император. С. 80.

**673**

Куприянов А.И. Культура городского самоуправления русской провинции. 1780–1860-е годы. М.: Изд-во ИРИ РАН, 2009. С. 147.

Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913). Статистические очерки / Под ред. акад. С.Г. Струмилина. М.: Госстатиздат, 1956. С. 124, 126. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904. М.: Наука, 1979. С. 292.

**675**

Тучкова-Огарева Н.А. Воспоминания. 1848–1870. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1903. С. 7.

Масонские взгляды, строго говоря, не являются христианскими, однако в означенный период соседствовали с православием, и многие состоявшие в масонских ложах не отрицали церковных Таинств. Официально масонские ложи были закрыты в 1822 году, хотя нет сомнения, что «вольнодумство» осталось.



См. например: Земская Е.А. О языке русского зарубежья // Simpozij Obdobja 20: Slovenski knjižni jezik – aktualna vprašanja in zgodovinske izkušnje. Ljubljana, 2003. S. 95–106; Голубева-Монаткина Н.И. О староэмигрантской речи (к типологии современной русской речи Дальнего Зарубежья) // Русистика сегодня. 1998. № 1/2. С. 88–96; Пушкарева Н.Л. Русские за рубежом // Русские / Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М.: Наука, 1997. Райан Н.В. Россия-Харбин-Австралия: сохранение и утрата языка на примере русской диаспоры, прожившей XX век вне России. М.: Русский путь, 2005; Русская диаспора и изучение русского языка и русской культуры в инославянском и иностранном окружении. Сборник докладов. Белград, 2012.